

A black and white portrait of Luis Corvalán, an elderly man with a mustache, wearing a suit and tie. He is looking slightly to the right with a gentle smile. The background is dark.

ЛУИС КОРВАЛАН

Мы верим
в победу

Воспоминания
и размышления

ЛУИС КОРВАЛАН

Мы верим
в победу

Воспоминания
и размышления

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

66.61(7Чи)

К66

Корвалан Луис.

К66 Мы верим в победу. Воспоминания и размышления. Пер. с исп.— М.: Политиздат, 1985.— 248 с., ил.

Эта книга — воспоминания Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана. Она состоит из двух частей. Первая часть — «Из пережитого» — написана им в 1974 году в мрачном фашистском застенке и издана чилийскими патриотами подпольно. В ней автор рассказывает о своем детстве, отрочестве, о том, как он стал революционером-профессиналом и прошел путь от рядового коммуниста до Генерального секретаря партии. Вторая часть — «Сантьяго — Москва — Сантьяго» — охватывает последующий период вплоть до наших дней: победа Народного единства на выборах 1970 года, создание правительства Альенде, фашистский переворот 1973 года, борьба партии за свержение диктатуры Пиночета.

Книга рассчитана на самые широкие круги читателей.

К $\frac{0905000000-240}{079(02)-85}$ КБ—5—12—85

66.61(7Чи)
ЗКИ

Перевод с испанского
В. Кучерова и И. Рыбалкина

Заведующий редакцией А. В. Никольский
Редактор А. И. Горшкова
Младший редактор О. В. Петрова
Художник В. В. Глебов
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор Ю. А. Мухин

Перевод с испанского
© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

К советским читателям

Политиздат решил выпустить одной книгой «Записки в изгнании», подготовленные мной под названием «Сантьяго — Москва — Сантьяго», и автобиографические страницы «Из пережитого», уже печатавшиеся на русском языке.

Речь идет, в чем сможет убедиться сам читатель, о двух работах, которые отличаются друг от друга и вместе с тем имеют много общего. «Из пережитого» — это мини-воспоминания более личного плана, хотя в них и говорится о вещах, связанных с жизнью партии. Тогда как «Сантьяго — Москва — Сантьяго» — хотя и здесь присутствует личная тема, — это очерки, в которых рассказывается о событиях, явлениях и людях, занимавших внимание партии, чилийских коммунистов, с того времени, как их автор был избран ее Генеральным секретарем, и особенно после свержения в результате фашистского переворота народного правительства выдающегося президента Сальвадора Альенде.

Ряд очерков второй части посвящен таким сторонам деятельности и политики Компартии Чили, как ее связь с массами, отношение с союзниками, подход к интеллигенции, работа с молодежью, среди женщин и крестьян.

В этой части предпринята также попытка обобщить опыт работы руководства Коммунистической партии Чили в условиях, навязанных фашистской диктатурой, в период, когда часть ЦК партии, в какой-то момент составлявшая большинство его членов, находилась в изгна-

нии, что делало нелегким поиск правильного решения наиважнейшей проблемы обеспечения сплоченности партии на основе сохранения и проведения единой политической линии. Советский читатель увидит, как удалось решить эту сложную проблему, несмотря на глубокие изменения, которые чилийская действительность претерпела в рассматриваемый период и в силу которых партия встала перед необходимостью соответственно уточнять, развивать и обогащать свою линию. В итоге как нечто совершенно естественное, безусловное появилась политика народного неповиновения, политика непрекращающегося фронтального противоборства с фашистским режимом, политика, использующая все формы борьбы.

Особое значение имеет для автора глава, названная «Сантьяго — Москва — Сантьяго». Именно поэтому он решил назвать так всю вторую часть своих биографических заметок. Объясняется это не только тем, что в ней рассказывается о связях, которые были установлены между руководителями партии — теми, кто вел битву в Чили, и теми, кто участвовал в борьбе, находясь в СССР, — но и тем, что одна из ее глав посвящена стране Ленина, где автор живет с конца 1976 года. В этой главе, если сказать кратко, автор стремился непредвзято и правдиво высказать свои чувства к первому социалистическому государству, являющемуся мишенью атак мировой реакции и вместе с тем центром притяжения симпатий, признательности последовательных революционеров всего мира.

Л. Корвалан

Москва, октябрь 1984 года

*Памяти
Луиса Альберто.
Молодым коммунистам
моей Родины
посвящается*

Часть I

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

ALGO DE MI VIDA

Предисловие редакции первого, подпольного издания¹

Хотя автор, по его утверждению, в этих «заметках о пережитом» и не задавался целью дать «анализ политики и положения масс», мы полагаем, что каждый абзац изобилует политическими оценками и историческими обобщениями. Книга заставляет нас разделить волнующие воспоминания автора о первых годах его жизни, об отрочестве — том этапе, когда началось формирование личности замечательного руководителя-революционера. Это рассказ без доли напыщенности и хвастовства. Это рассказ, который ведется в скромной, строгой и доверительной манере. Стиль его отличают простота и ясность, которые говорят о цельности и твердости характера автора. Ему не чужд добрый юмор, который при чтении не позволяет удержаться от улыбки. Книга захватывает: мы просто «проглотили» рукопись. Ее дружеский и доверительный тон создает впечатление, будто Лучо Корвалан беседует с тобой один на один, будто он здесь, с нами, а не там, за полсотни кварталов, в мрачных застенках Трес Аламос; вот уже три года он — узник фашизма, позорящего нашу родину.

Мы думаем, что эта книга, изданная подпольно, станет новым оружием в борьбе против фашистской диктатуры. В условиях, когда классо-

¹ Подпольное издание 1-й части книги Луиса Корвалана появилось в Чили в те дни, когда он находился в заключении. — *Прим. ред.*

вый враг, монополистическая олигархия и американский империализм захватывают средства массовой информации, живое слово народа приобретает неоценимое значение. Особенно если это слово Генерального секретаря коммунистической партии. Появление книги — это воплощение в жизнь того, о чем Корвалан говорит на ее страницах. Он указывает, что «коммунистическая партия должна использовать любую возможность, чтобы нести свое слово народу и одновременно создавать самую широкую сеть подпольных изданий».

Мы абсолютно уверены, что мужественные и отважные люди, которые будут печатать и распространять книгу, сделают все, что в их силах, чтобы донести слова нашего дорогого товарища и друга до самого широкого круга читателей. Тем самым будет пробита брешь в мрачных стенах молчания. Тем самым мы нанесем мощный удар Пиночету и его своре палачей и убийц.

Нам представляется нецелесообразным подробно вдаваться в текст. Будет гораздо полезнее, если вы сами прочитаете его внимательно и вдумчиво. Это — действенное оружие в борьбе против фашистской диктатуры, за свободу Луиса Корвалана и всех политических заключенных.

Эти страницы...

Эти страницы были написаны в концлагере Ритоке в августе 1974 года. В последние дни июля в одной из своих бесконечных, нудных, пропитанных ненавистью речей Пиночет оклеветал руководителей блока Народного единства. Он представил нас людьми, не имеющими ничего общего с народом, далекими от его нужд, живущими в свое удовольствие. Признаюсь, это привело меня в ярость, и я решил написать о пережитом в надежде, что когда-нибудь мои записи пригодятся и увидят свет. Из Ритоке их вынес один из карабинеров.

Я никогда особенно не любил говорить. Разве что в домашнем кругу, на небольших собраниях партии или Союза коммунистической молодежи. Свои мысли и чувства я всегда предпочитаю выражать на бумаге. Но со дня ареста такой возможности у меня не было. В военном училище меня держали пятьдесят шесть дней в полной изоляции, без права читать газеты, слушать радио и уж тем более писать. На острове Досон мы находились под строжайшим надзором. Если и удавалось записать что-то, сразу же изымали. Потом благодаря мощной международной кампании, заклеймившей Досон как «остров смерти», нас перевели в Сантьяго и разбросали по воинским частям. Вместе с Хосе Кадемартори, Фернандо Флоресом и Владимиром Арельяно я попал в пехотное училище

Сан-Бернардо. Нас распределили по разным помещениям, совершенно изолированным от внешнего мира. И трижды — по числу свиданий с родными — возили в «Политекнико»¹, за многие километры от места заключения, в наручниках и закрывавших лицо капюшонах. Возможность писать впервые представилась в Ритоке, где мы оказались 20 июля. Мне не терпелось взять наконец в руки перо...

Почему бы не написать о своей жизни? В ней нет ничего выдающегося. Тот, кто прочтет эти страницы, увидит, что мое детство похоже на детство любого бедного мальчишки из Томе, городка, где я вырос. Годы учебы в педагогическом училище Чильяна были полны тех же событий, какие затронули многих моих одноклассников. Мои первые шаги в партии, деятельность в рядах коммунистической молодежи и затем снова в партии, вплоть до избрания ее Генеральным секретарем,— все эти этапы также соответствуют пути, пройденному тысячами наших товарищей. Именно поэтому я и подумал, что, если напишу о своей жизни, это будет не только моим ответом Пиночету, но и ответом многих других товарищей, которые, как и я, породнились с делом революции. И тогда, отбросив все опасения прослыть нескромным, я принялся писать о некоторых моментах своей жизни. Показал первую главу моим товарищам по заключению — Мигелю Лаунеру, Даниэлю Вергаре, Бенхамину Теплиски и Серхио Вусковичу. Их отзывы окрылили меня...

¹ Училище по подготовке технических специалистов для армии.— *Здесь и далее — за исключением особо оговоренных — примечания переводчика.*

Находясь в застенках военного училища, я часто предавался воспоминаниям. Когда узник отрезан от внешнего мира, ему необходимо занять себя, бороться с бездействием. Время течет медленно, дни как бы удлиняются, ночи кажутся бесконечными, одолевают бессонница и тоска. И чтобы сохранить ясность мысли, постоянно не думать об одном и том же, чтобы мелкие личные неурядицы не заслонили вещей по-настоящему важных и значительных, одним словом, чтобы держаться с достоинством, узник должен планировать свое время, искать и находить какое-то полезное занятие, которое позволяло бы не сидеть без дела и «быть на уровне». Поэтому я вменил себе в обязанность каждый день следить за своей внешностью, за чистотой помещения, делать по утрам гимнастику, напевать знакомые мелодии. А «Интернационал» — каждый день. Наряду со всем этим я мысленно путешествовал по дороге своей жизни. И, должен признаться, испытывал большую радость, вспоминая мать, нашу семью, моих одноклассников, людей и обычаи Томе, педагогическое училище Чильяна, студенческие битвы того времени, все, что я узнал и чему научился в рядах партии. Нищета не вселила грусть в мою мальчишескую душу. Постоянные лишения значили ничтожно мало в сравнении с той огромной радостью, которую я испытывал, сознавая, что моя жизнь неразрывно связана с жизнью и борьбой моего народа.

Мысленные путешествия тех дней помогли мне потом в работе над книжкой. Я писал с огромной любовью ко всему, что меня окружало, начиная с обстановки, внутренней атмосферы Томе и кончая самыми дорогими мне

людьми, самыми близкими родственниками и той большой нашей семьей, какую представляет собой Коммунистическая партия Чили.

Самые лучшие воспоминания всегда остаются у нас от детства. Быть может, поэтому первая глава удалась лучше других. На мой взгляд, пафос этой маленькой книжки идет по нисходящей от страницы к странице. По этой причине у меня раньше возникло желание переработать последние главы. И когда высланные за границу товарищи сообщили, что договорились об издании этих воспоминаний, я попросил их повременить. Луис Альберто вывез мои записи из Чили. А одна из копий осталась там, у руководства компартии. И вот недавно я получил экземпляр книги, вышедшей подпольно в последние дни декабря (1976 года. — *Прим. перев.*). Для меня это издание — самое прекрасное из всех, возможных в будущем. Оно родилось на поле боя, в разгар битвы, в условиях, когда необходимо приглушать малейший шум, чтобы пиночетовское гестапо не напало на след. Вот почему я отказался от намерения переработать книжку. Этот ребенок со всеми его недостатками мой. Таким уж он родился, и я не буду прикасаться к нему эстетическим скальпелем. Я не писатель, и меня не волнует критика литераторов. Если мне удалось осуществить первоначальное намерение — изобличить тирана во лжи, этого вполне достаточно. Ну, а если читатель к тому же получит удовольствие от моего рассказа о жизни, я буду тем более доволен.

Л. К.

Москва, май, 1977 год

Детство в Томе

В моем свидетельстве о рождении значится: «Имя: Луис Николас. Время рождения: 14 сентября 1916 года. Место рождения: Пельюко (Пуэрто-Монт). Провинция: Чилоэ¹. Родители: отец — Мойсес Корвалан Урсуа, мать — данных не имеется».

Но меня, как и четырех моих братьев и сестер, выкормила, вырастила и воспитала именно мать. Отец бросил нас, когда мне было лет пять, не больше. Потом за всю жизнь я его видел лишь дважды: в 1934 году, когда заканчивал учебу в педучилище Чильяна, и почти сорок лет спустя, на похоронах моего сводного брата Мануэля Антонио. Вот и вся история наших с ним отношений.

Хоть я и родился в Пуэрто-Монте, считаю себя томейцем. Именно в Томе родились мой старший брат Мойсес и сестры Далила и Исабель, а также младший брат Николас Рафаэль. С Пуэрто-Монтом я познакомился в 1949 году, когда мне было тридцать три года.

В начале первой мировой войны мой отец, видимо, недовольный скудным учительским заработком, загорелся желанием поехать в Пельюко, где кто-то предложил ему место управляющего в одной из помещичьих усадеб. И вместе с матерью, моими старшими сестрами и братом

¹ Пуэрто-Монт в ту пору входил в провинцию Чилоэ.— *Прим. авт.*

он подался на юг. Поэтому я и родился в Пуэрто-Монте. Но дела у отца, должно быть, шли неважно, ибо, не прожив там и двух лет, он вернулся в Томе, чтобы вновь занять место учителя в лицее.

Отец был родом из Ла-Уэрты, прекрасного уголка рядом с Курико, по дороге на Уаланье, поблизости от того места, где испанские конкистадоры покончили с Лаутаро¹. В Томе отец приехал в 1905 году, чтобы провести первый набор в только что основанный мужской лицей. До Талькауано он добирался поездом, а оттуда через залив на пароходе, поскольку в Томе в то время не было железной дороги.

Моя мать, Аделаида Лепес Роа, из семьи бедных крестьян. Она родилась в Эль-Аррайане, что на полпути между Томе и Рафаэлем, и имя ее было внесено в книгу приходской церкви деревни Рафаэль: записей актов гражданского состояния тогда еще не было. Я точно знаю то место, где стоял домик ее родителей. Еще недавно в густых зарослях дрока можно было различить его следы. У этого дома наверняка был навес, а под ним — жердь для привязи лошадей, ибо стоял он у королевской, или, как сейчас говорят, центральной, дороги.

Неподалеку от того места на косогоре, что между Сан-Хуаном и Ла-Глория, погиб в кинжальной драке брат матери, Рамон. Это событие предопределило или, пожалуй, лишь ускорило переезд семьи в Томе, потому что с появлением железной дороги — а ее начали прокладывать от Рукапекена к Консепсьону, и она

¹ Один из индейских вождей, возглавивших в XVI веке борьбу против испанских завоевателей,

проходила через Томе — профессия моего дедушки Пруденсио, который был возницей, канула в Лету.

Моя мать не умела ни читать, ни писать. Когда отец ушел от нас, она стала работать швеей-надомницей при ткацкой фабрике «Бельявиста», выпускавшей, помимо чесаных тканей, шерстяную материю для пончо и покрывал. Каждое утро, едва светало, мать шла на фабрику, находившуюся примерно в двух километрах от дома, еле удерживая тяжелый тюк, который несла на голове или в руках. В нем были пончо и покрывала, сделанные накануне. Отдав тюк, она возвращалась с другим, не менее тяжелым, где были ткань, пуговицы, тесьма и нитки, необходимые для изготовления очередной партии товара.

Не знаю, сколько маме платили. Но уверен, что сумма была невелика. В те времена в Томе не было профсоюза, как не было значительных социальных завоеваний у трудящихся всей страны, и работа на дому, как и теперь, оплачивалась хуже других. Мать не отрывалась от шитья до тех пор, пока, как она говорила, «в спину не вонзались иголки». После школы и, разумеется, летом мои сестры помогали ей наматывать и выдергивать нитки, заправлять шпульку, вдвигать нить в иголку, расправлять материал, чтобы ровно ложился шов, а также крутить ручку швейной машины — у нее был «Зингер». Мать так и не смогла купить себе ножную машину.

Отдохнуть для матери значило оторваться от шитья, чтобы приготовить нам еду или постирать одежду, часть которой — по крайней мере белье — она шила сама. И уж как старалась,

чтобы мы всегда были опрятны! Не могла видеть и пятнышка на нашей одежде. И каждый вечер перед сном по очереди мыла нас.

Не всегда ей было по карману купить нам обувь. Моим сестрам ботинки служили дольше, возможно, потому, что они носили их с галошами в дождливые месяцы, в грязь, то есть большую часть года. Мы, мальчишки, бегали босиком все лето и вечерами после лицея — в хорошую погоду. Всякий раз, когда по нашему недосмотру ботинки рвались, мать журила нас. Я носил ботинки типа «эстакильдос», подбитые маленькими деревянными гвоздиками. Они служили дольше, чем прошитые нитками, которые от соприкосновения с водой и грязью быстро гнивали. Однажды, ударив по мячу, я не заметил под ним камня, и подметка отвалилась. Я был само раскаяние, когда вошел в дом. Конечно, мне досталось. Когда мать сердилась, она, как правило, лишь грозилась угостить нас ремнем или в наказание отправить спать.

С нами жила донья Аудолита, которая тоже шила пончо, а еще подрабатывала тем, что брала несколько ребятишек и учила их читать. Ее школа — самая маленькая из всех, какие я знаю. В ней я выучил первые буквы по букварю «Глаз».

Донья Аудолита была близкой подругой моей матери, но по характеру весьма отличалась от нее.

«Сними чулки, Адела, да отстегай этих сорванцов!» — с ехидством говорила она всякий раз, как мы совершали какой-нибудь проступок, но мать, верная своим принципам, лишь журила нас. Я уверен, в те считанные разы, когда нам доставались подзатыльники, она пережи-

вала больше, чем мы. Она предпочитала воспитывать нас примером и словом, что является лучшим методом воспитания детей.

Я всегда с большой любовью вспоминаю о донье Аудолите. Но должен признаться, меня ужасно злило, когда она подзадоривала маму наказывать нас со всей строгостью. И гнев мой был тем сильнее, что из уважения к донье Аудолите я не мог его выказать. Тем не менее в один прекрасный день я открыл в себе способность мстить и действительно спрятал — до самого вечера — в зарослях бамбука ее ножницы. В другой раз, распалившись еще больше, написал в чашку, из которой она пила мате¹.

Наша еда была скудной, бедной. У матери не оставалось иного выхода, как каждый день выдавать нам хлеб по норме. За обедом мы вообще его не видели. Мать хранила хлеб в закрытой корзине, которую подвешивала на гвоздь, чтобы мы не могли достать. Однажды, потихоньку водрузив один ящик на другой, я взобрался на них, пытаясь дотянуться до корзины. Но грохнулся на пол, да так, что у меня потом целую неделю болел бок.

Мы покупали хлеб у доньи Карлиниты. На чаучу² давали четыре лепешки и одну «премиальную» — бесплатно. Иногда мы ходили к Пуэнтес: у них пекли черный хлеб. Ему я отдавал предпочтение, ибо он был вкуснее, пышнее и больше. А еще лучше, что и говорить, были испеченные в золе пшеничные лепешки, которые иногда готовили мать и сестры.

Наш завтрак состоял обычно из куска хлеба и чашки горячей воды с жженым сахаром,

¹ Парагвайский чай.

² Мелкая монета достоинством в двадцать сентаво.

куда бросали для аромата листочки вербены или персика. Иногда мы ели ульпо — блюдо из пшеничных зерен, которые сперва поджаривали в большом чугушке, а потом перемалывали камнями. Кроме ульпо, из поджаренной муки готовили черкан и санко, а из зерен пшеницы — катутос¹.

В обед мы быстро справлялись с зеленью — фасолью и чечевицей, турецкими бобами и горохом, а чаще всего — с пантрукас и чучос². Когда на побережье оседали косяки мерланов или появлялось много рыбы-пила, мы изо дня в день питались рыбой. Одна крупная рыба-пила стоила десять — пятнадцать сентаво. Самым любимым моим лакомством была жареная мойва. Мать готовила эту рыбу только в дни получки или же когда она стоила не слишком дорого. Фрукты и овощи появлялись в доме лишь от случая к случаю, это зависело также от времени года. Продукция садов и огородов севера не доходила на юг.

В час «онсе»³ мы ели то же самое, что и на завтрак. Вечером никогда не ужинали.

¹ Слегка отваренные крупномолотые на камнях зерна пшеницы.— *Прим. авт.*

² Пантрукас, или панкутрас,— пластинки из теста; чучос — начиненные луком и специями комочки из взбитого теста, которые варят в кипящей воде.— *Прим. авт.*

³ «Онсе» — «одиннадцать» — так называют в Чили легкую закуску в конце дня, часов в пять. Рассказывают, что в период испанской колонизации, когда наступал час «онсе», обычно выпивали рюмку агуардьенте — водки; так как в слове «агуардьенте» одиннадцать букв, предлагалось «употребить по одиннадцати». Со временем водка уступила место чаю, кофе или мате.— *Прим. авт.*

Пищу готовили на дровах, в печи, сложенной из кирпича-сырца у стены просторной комнаты с земляным полом, которая одновременно служила нам и столовой. Котлы и горшки чистили золой. Тарелки у нас были эмалированные, они служили дольше. Сидели на ящиках: стулья пришли в негодность, а на то, чтобы починить их или купить новые, денег у матери не хватало.

Зимой, если был уголь, мы собирались вокруг брасеро¹. Лучшим считался уголь из мыльного дерева. Уголь из молодого дуба тоже был хорошим, но давал много искр. Угля из боярышника (он широко распространен на юге и в центре Чили.— *Прим. перев.*) у нас в округе не знали. Мы подвигались к огню так близко, что он начинал пощипывать кожу. Развлекались тем, что играли в фанты или рассказывали истории, от которых волосы вставали дыбом,— про колдунов и разбойников.

Всякий раз, когда в гости к нам приходила мамина мама, бабушка Исабель, мы наслаждались ее рассказами. У бабушки была необыкновенная память. Она даже помнила все уроки из букваря, по которому когда-то научилась читать, а он был еще древнее, чем букварь «Глаз». Мне особенно нравилось слушать, как бабушка читала молитвы. Среди них были и такие, какие я ни от кого больше не слышал и нигде не читал. Она знала молитвы на все случаи жизни, даже к первой песне петуха. Перебирая четки, бабушка затягивала молитву, которой, казалось, не будет конца и которая скорее всего была плодом ее крестьянского воображения.

¹ Переносная жаровня.

Моя мать тоже была католичкой. У нее был деревянный крестик, у которого не хватало плечика. Со временем крестик этот потерялся. Не знаю, чего бы я не отдал сегодня, чтобы иметь его как память.

Перед сном мать молилась. Бывали вечера, когда, сломленная усталостью, она не находила в себе сил даже для традиционных молитв. «Да простит меня господь!» — перекрестившись, восклицала она и роняла голову на подушку. Но не всегда могла уснуть, должно быть, преследуемая думами о дне грядущем, о том, как поставить на ноги детей. «Ночью не сомкнула глаз», — частенько говорила мать донье Аудолите.

В своих молитвах мать призывала господанаиспослать облегчение в ее тяжелой жизни.

Что касается меня, должен сказать, одно время я исправно посещал церковь и католическую школу при ней. Отец Летельер, единственный в городке священник, учил нас истории религии и молитвам. А кроме того, всегда угощал горячим шоколадом. Я принял первое причастие, но еще раньше меня окрестили. Это было неизбежно по той простой причине, что я оставался «белой вороной» среди своих уже крещенных братьев и сестер.

Накормить шесть ртов — этот каждодневный подвиг совершала мать. Когда мой старший брат пошел в школу юнг, одним ртом стало меньше. Но наше положение заметно не улучшилось. Производство пончо и покрывал время от времени приходило в упадок, и нужда в деньгах обострялась. Когда это случалось, мы шли с каким-нибудь барахлом в закладные лавки — ломбарды, как тогда говорили, которые принад-

лежали частникам¹, или бежали к донье Саре, прихватив тех немногих кур, что нам удавалось вырастить. Донья Сара потом перепродавала их на пристани, куда часто приходили корабли, чтобы загрузиться зерном и вином из Каукенеса и Коэлему.

Иногда мать навещала свою сестру Росу, которая жила у въезда в Калифорнию — небольшой поселок в предместье Томе. Она делала это, когда темнело и уже нельзя было шить. Кроме того, как она обычно говорила, ночью все кошки серы, и поэтому неважно, какое на тебе платье.

Как и сестры, я помогал матери, чем мог: подметал двор, поливал и пропалывал наш маленький огород, кормил и поил птицу, а также ходил с младшим братом на окрестные холмы собирать хворост. С нами шли и другие мальчишки моего возраста, в чьих домах, как и в нашем, хозяйничала нужда. Во время таких походов мы сооружали шалаши, устраивали тайники и, прячась в густых зарослях кустарника и оврагах, играли в разбойников. Мы подражали героям ковбойских фильмов, которые иной раз смотрели днем. Кино тогда было немым, и каждый ролик «длился» минут десять — пятнадцать. Когда кончался один ролик, нужно было запастись немалым терпением, чтобы дожидаться следующего.

Жить становилось все труднее. Через пару лет мне пришлось оставить лицей и наняться мальчиком в пекарню «Чилена» дона Анисето Сильвы, на улице Ковадонги. Чего только я

¹ Позднее эти частные лавки были национализированы и стали называться кассами народного кредита.

не делал! Приготавливал закваску, загружал и растапливал печь, просеивал муку, задавал корм лошади, помогал вращать месильную машину, резал на куски тесто, делал на нем завитки, на тележке развозил хлеб заказчикам. Единственное, чего я не мог, — сбивать тесто для французских булок. Эта работа была ручной и требовала большой физической силы. Я зарабатывал хлеб для нашей семьи. Хотя этим мы были обеспечены. Когда я вновь пошел в лицей, меня сменил в пекарне младший брат.

Природа всегда притягивала меня. При первой возможности, чаще всего летом, я отправлялся со своим двоюродным братом Освальдо в Лас-Каноас. Там жил мой дядя Артуро, и с ним почти всегда — его мать, моя бабушка по материнской линии.

На жнивье мы рвали налькас — кисло-сладкие стебли, в дубняке — дигуэньес, чанглес и гаргалес¹, в низинах — дикую клубнику, в пойме ловили раков, на косогорах собирали чернику и орехи, плоды чупона, больдо, маки и копиуэ². Из палок, камней и дерна сооружали на ручьях запруды и купались в них. Когда смеркалось, загоняли телят, по утрам шли за коровами на пастбище, нарезали серпом траву, поджигали ежевичные кусты³ и с удовольствием укладывались спать в амбаре или в стогу соломы посреди гумна.

¹ Растущие на деревьях съедобные грибы.

² Различные виды дикорастущих съедобных ягод.

³ Завезенная из Европы ежевика распространилась в некоторых районах Чили до такой степени, что стала сорняком.

Из Томе в Лас-Каноас — а это примерно лига¹ — мы добирались пешком либо в телеге, а то и верхом на лошади, что, сказать по правде, было мне особенно по душе. Я никогда не упускал случая прокатиться верхом, пусть даже без седла, пусть даже когда лошадь линяла. Синяков заработал немало. Но ездить все-таки выучился, и так, что мог скакать галопом под гору или «проходить» верхом последний круг по току, когда на вымолоченном зерне довольно легко поскользнуться.

Дядя Артуро был единственным из семи братьев моей матери, кто хранил верность деревне. На небольшом участке земли в Лас-Каноас дядя выращивал пшеницу, горох, фасоль, кукурузу и картофель. Но уже к середине зимы запасы иссякали. Тогда он отправлялся на телеге в город, где продавал уголь — мешками или россыпью, а также дрова — щепу или поленья. На вырученные деньги покупал самое необходимое: муку, говяжье сало, соль, сахар, чай. Дороги тогда были ужасные, частенько дядя был вынужден запрягать в телегу «четверку». А поскольку у него была только пара волов, обращался за помощью к соседям. В свою очередь, когда у кого-то из них возникала нужда в «четверке», дядя оказывал ту же услугу. Владельцы мелких хозяйств в том краю всегда помогали друг другу. На молотье, уборке картофеля или другой работе, требовавшей многих рук, они устраивали так называемые «мингакос». Хозяин приглашал своих друзей и родственников на хороший обед, но, прежде чем сесть за стол, гости должны были

¹ Мера длины — 5572 метра.

управиться с работой. Я бывал на таких «мин-гакос». Помню, еда на восемь — десять человек подавалась в деревянных мисках, а так как ложек на всех не хватало, ели одной ложкой, передавая ее по кругу.

Однажды я отправился в Лас-Каноас в начале сентября. Дядины запасы уже кончились, и в доме не было ничего, кроме одного лаучо¹ муки. Накануне у них отелилась корова. Я приехал ранним утром, и на завтрак бабушка подала молозиво. На обед она сделала панкутрас с молоком, и то же самое мы ели в полдник. На следующий день еда была такой же. Я заметил, что в этот раз к полднику дядя Артуро сорвал несколько веток эвкалипта и бросил их в огонь, на котором варились в котле панкутрас, после чего повалил такой дым, что хоть святых выноси. И, как бы предваряя вопрос, вертевшийся у меня на языке, дядя изрек: «Это, племянник, чтобы разнообразить вам удовольствие...»

В начале двадцатых годов в Томе обитало не меньше пяти тысяч жителей. Из многочисленных холмов, окружавших город, едва заселены были Фрутильярес, Эстанке и Серро-Алегре. Канализация в городе отсутствовала, а вода была непригодна для питья. У нас дома был пористый камень, чтобы фильтровать воду, но мы редко когда им пользовались: удобнее мутную воду прокипятить, чем пропускать ее через этот камень.

¹ Мера веса — одиннадцать с половиной килограммов.

Лишь несколько улиц были вымощены: Порталес, Мануэль-Монт и Нокейра. Летом — пыль, зимой — грязь. Ее слой был таким толстым и густым, что иногда увязали повозки. И без «ее величества упряжки волов» выбраться было невозможно. В повозки Товарищества виноградарей и виноделов запрягали тяжеловозов-першеронов. Но и они застревали в грязи. Погонщики и кучера метали громы и молнии, первые — погоняя волов, вторые — настигая лошадей. Неистовствовали так, что дальше некуда. Мы с ребятами нашего квартала наслаждались представлением.

Каждую зиму почти половину городка затопляло, в том числе и наш район, неподалеку от осорийских низин, где сейчас находятся стадион и рабочие кварталы. Многие семьи нуждались в эвакуации. По улицам, превращавшимся в реки, мимо нашего дома проплывали доски, жабы и даже свиньи. Это был еще один бесплатный спектакль для меня и моих сверстников. Мы развлекались тем, что заходили в воду по колено и даже выше, строили маленькие плоты или делали ходули, на которых перебирались с одной стороны улицы на другую.

Постепенно Томе преображался. Расширилась ткацкая фабрика «Насьональ», появилась новая фабрика «Морро», превратившаяся затем в итало-американское ткацкое предприятие «ФИАП», заселились вся равнина, склоны холма Лос-Гусманос, ныне Навидад, и так от холма к холму. Пролетариев в Томе заметно прибавилось. Но коммунисты не объявлялись. По крайней мере я их не знал и не слышал, чтобы в двадцатых годах у нас в городке о них гово-

рили. На выборах народ разделялся по «станам»¹ — консерваторов и демократов.

Спокойствие городка нарушил было спор, вспыхнувший между Талькауано и Томе из-за железных конструкций, которые с незапамятных времен валялись на пляже и предназначались для строительства новой пристани. Правительство распорядилось отправить их в Талькауано. Томейцы единодушно отвергли это решение, перевезли железяки на холмы и разрушили деревянные мосты через речку Кольен, пересекавшую город. Но в Томе высадились военные моряки и, вопреки бурным протестам населения, увезли возжеленные конструкции.

Мы жили на Эгании, между улицами Кондея и сержанта Альдеа. В нашем доме — пятнадцать метров по фасаду и тридцать в глубину — два ряда комнат как бы составляли букву V. Большой и нескладный, сложенный из кирпича-сырца, дом сильно потрескался во время землетрясения 1928 года в Тальке и совсем развалился одиннадцать лет спустя, когда произошло землетрясение в Чильяне. В той его части, которую занимала наша семья, не было электричества. Мы обходились свечами.

В нашей семье никогда не праздновали ни именины, ни дни рождения. Мы даже не ждали Нового года или пасху. На рождество магазин братьев Кьеро одаривал игрушками своих многочисленных клиентов. Игрушки магазин выписывал из Японии. Как правило, они были очень

¹ Избиратели, входившие в какой-либо из «станов», голосовали за своего кандидата, который накануне выборов устраивал для них обильное угощение, а также покупал их голоса за деньги.

красивые. Но нам перепадали лишь волчки: покупки, которые мы делали в магазине, не позволяли рассчитывать на большее.

И все-таки декабрь был очень приятным месяцем — это месяц девы Марии. Каждый день после торжественной службы в церкви главная площадь города заполнялась нарядно одетыми людьми и начиналась чай, нечто вроде карнавала, гвоздь которого — галантная игра с серпантинном. Городские франты прикрепляли ленточки серпантина к своим тростям и мастерски бросали их тем дамам, которых желали видеть своими возлюбленными или которым хотели выразить особые симпатии. Мы, ребята, развлекались тем, что сгребали раскрученные цветные ленточки, тащили домой и свертывали их в колеса, потом вытягивали в пирамиды, складывали в гармошки или же сплетали в косы. Этих забав нам хватало на многие дни после того, как завершался праздник.

Лето приносило с собой другие радости: мы наслаждались солнцем и морской водой, совершали прогулки в Пунта-де-Парра, Монте-Кристо, Кочолке, Дичато и другие места.

Но самым прекрасным и радостным месяцем был сентябрь. В то время зимних каникул не знали, а были сентябрьские. Они длились три недели. Именно в сентябре начинали продавать мороженое, разноцветные бумажные вертушки, запускали воздушных змеев, приезжали цирковые балаганы. Циркачи разбивали шатер на футбольном поле, и каждое представление заканчивалось клоунадой. Мы пробирались в цирк всеми правдами и неправдами. В одном случае у нас набиралось несколько сентаво, в другом, когда не было ни гроша, перелезали

через забор, окружавший футбольное поле. Мой брат Ньико не пропускал ни одного представления. О том, что он в цирке, наши узнавали в тот самый момент, как на арене появлялся первый клоун: брат заливался смехом раньше, чем кончалась реприза.

«Восемнадцатое»¹ длилось три дня. Устраивались состязания: лазанье вверх по бревну, обмазанному жиром, скачки по-чилийски на лошадях в Лас-Крусес или на улице Ospital, ныне Бернардо О'Хиггинса². Из ветвей орешника сооружались навесы, из-под которых день и ночь лились звуки арф и гитар. В то время появились первые граммофоны. Их называли «виктролами», но они были лишь в очень немногих домах.

Для любителей выпить открывалась в дни «восемнадцатого» «зеленая улица». Это были единственные в году дни, когда пьяных и за драку не забирали, если только дело не шло дальше.

В октябре устраивали праздник Весны с карнавальными шествиями. Мы получали удовольствие уже от одного вида процессии ряженных, персонажей сказок и легенд, уличных музыкантов, разукрашенных платформ и карет. Когда я учился на третьем, последнем для меня курсе лицея в Томе, где к тому времени ввели смешанное обучение, королевой Весны была выбрана наша соученица Мирта Касанова.

¹ Восемнадцатого сентября — национальный праздник Чили — день провозглашения независимости от испанского владычества.

² Бернардо О'Хиггинс — национальный герой Чили, руководитель борьбы за национальную независимость страны от испанского владычества.

И мы, переодевшись в костюмы персов, всем курсом сопровождали ее.

В первые годы моей школьной жизни учителя использовали для наказания ивовые хлысты или длинные и толстые линейки. Это были последние из тех учителей, которые считали, что «не побивши, не выучишь».

Среди моих товарищей по курсу был Ренан Фуэнтеальба. После лицея я лет на тридцать потерял его из виду. Мы встретились вновь в парламенте. Большую дружбу там не водили, но всегда относились друг к другу с уважением. Больше, чем в лицее, у меня было друзей детства на нашей улице.

Моя заботливая мать внушала, что я не должен водиться с нехорошими детьми. Это уязвляло меня. Однажды я сказал ей: «Но, мамочка, разве тебе понравилось бы, если бы чья-либо мама сказала то же самое сыну, который дружит со мной?»

Не припомню другого случая, когда бы я сказал ей слово наперекор.

Учитель гимназии и инспектор нашего лицея Луис Каналес имел виды на мою двоюродную сестру Алисию. Через меня они посылали друг другу письма. Однажды он хватился меня, не нашел и, дознавшись, что со мной, понял, что время от времени я прогуливаю. Он так отчитал меня, что больше я никогда не убегал с занятий.

В конце 1930 года сказались первые последствия великого кризиса. Мать лишилась работы на фабрике. Моя старшая сестра Далила была вынуждена наняться учительницей в частную школу, а Исабель занялась вязанием и плетением кружев. Я же успешно сдал вступитель-

ные экзамены в педучилище Чильяна, куда и был зачислен в марте 1931 года с помощью Лиги неимущих учащихся. Было мне четырнадцать лет. Я прощался с детством. Для меня наступал новый этап. Педучилищу и тридцать первому году суждено было оказать решающее воздействие на мою жизнь.

Политическое пробуждение

Памятна первая ночь в педагогическом училище. Через несколько минут после того, как мы легли, в спальню для новичков вошел дежурный инспектор — осанистый сеньор с хорошо поставленным голосом. Он призвал нас помолиться перед сном. Монотонно, будто в церкви, зазвучали голоса двадцати пяти моих сокурсников, размеренно читавших «Отче наш». Потом инспектор объявил, что пора отходить ко сну, пожелал нам спокойной ночи и неспешно удалился величественным и твердым шагом, который как бы лишний раз подчеркивал значимость его персоны и положения.

На следующий день выяснилось, что важным и церемонным инспектором был не кто иной, как один здоровенный парень с четвертого курса.

С виду я был самым маленьким в училище. Возможно, по этой причине уже очень скоро все знали меня, а я — всех. С особой симпатией относились ко мне старшекурсники. На переменах и после уроков они звали меня в свои классные комнаты или приглашали потихоньку покурить. Среди них было несколько коммуни-

стов: Рубиляр, Агурто и Оресте — из тех, кого помню. И поскольку, как и все в педагогическом, я носил длинные штаны, то чувствовал себя почти что взрослым.

Для поступления в педучилище требовалось шесть лет начальной школы. А так как у меня за плечами уже было три года средней, то шестимесячные курсы по подготовке в педагогическое я перескочил. Каждый семестр длился полгода и завершался, естественно, экзаменами. От первой альфы переходили к первой бете, потом — ко второй альфе, от нее — ко второй бете, и так до диплома. Сообразно с этой системой в середине года занятия на несколько дней прерывались. Я воспользовался первыми каникулами и отправился в Томе, до которого от Чильяна три часа езды поездом. В городе я оказался 26 июля 1931 года, когда пало правительство Ибаньеса.

В доме, где мы жили, одну из комнат занимал Мануэль Сид, сельскохозяйственный рабочий из Кольюмо. Он пересдавал эту комнату моей матери, а жил в ней, только когда наезжал в город. В тот день он приехал рано, как всегда, верхом, в пончо и обшитых кожей галифе. Зимой эти вещи были незаменимы, защищая его от холода, дождя и грязи на дорогах. Когда незадолго до полудня фабричные гудки, пожарные сирены и колокола возвестили о падении диктатуры, Мануэль Сид засобиравшись на улицу. Он облачился в белую сорочку с накрахмаленными воротничком, манишкой и манжетами, надел почти новую тройку. Из деревенского работника Мануэль превратился в нарядного и представительного горожанина. Меня он вдруг попросил отыскать мой бойскаутский галстук и

сказать матери, что я пойду с ним. К моему изумлению, не сказав ни слова, он разорвал галстук надвое и одну половину повязал себе, а другую — мне. Проделав все это, бросил тоном, не терпящим возражений: «А теперь быстро, идем!»

Так, с красными метами — цвет моего скаутского галстука — мы и вышли из дому, влившись в поток людей на улице Порталеса. Народ в Томе, как и повсюду в Чили, праздновал падение правительства. До той поры я не имел ни малейшего представления о том, какой политический смысл несет в себе красный цвет. И до сих пор не знаю, почему Мануэль Сид — ведь он не был коммунистом — избрал именно этот цвет. Возможно, будучи экспансивным человеком, он хотел в эти часы всеобщего ликования выразить таким способом свой энтузиазм и пыл.

Толпы народа стекались на главную площадь города. В то время не знали ни микрофонов, ни усилителей. Лучшим из ораторов оказался один преподаватель, которого я знал по лицу. Он обрушился с пламенной речью на тиранию. Его мощный и страстный голос потряс всех нас.

Вскоре выяснилось: во времена свергнутого правительства он был осведомителем.

После падения Ибаньеса на арену общественной жизни вышли политические партии, которые прежде, на протяжении нескольких лет, вынуждены были молчать. Рабочая федерация Чили развернула свои знамена. Забурлила учащаяся молодежь. В педагогическом сложилась ячейка группы «Авансе». Я вошел в ее ряды. Там встретил коммунистов, которых не

знал раньше: среди них — Сепульведу и Ро-
меро.

По улицам Чильяна бродили сотни потерявших работу тружеников со своими женами и детьми. Большинство было с севера, с селитряных карьеров, потушивших свои огни. Почти все они ходили от дома к дому с жестянками в руках, выпрашивая что-нибудь из съестного. Многие толпились у черного входа нашего училища в надежде получить объедки с кухни. Выстраивались длинные очереди. У меня разрывалось сердце при виде этих полураздетых, дрожавших от холода и дождя людей. Кровь закипала, когда им выносили наши объедки. Остатки фасоли, мясного супа, винегрета — все вываливалось из большого котла в жестянки безработных. Видел я и как они «читали газету» на площади Виктории, куда выходил тогда фасад чильянского педучилища. В солнечные дни они стягивали с себя грязные рубахи и вытряхивали из них блох, что и называлось на их языке «почитать газету». Это зрелище тоже вызывало содрогание.

Местная газета «Дискусьон» («Дискуссия»), поступавшая в библиотеку нашего училища, сообщала о кризисе, поразившем многие страны, рассказывала, как уничтожали пшеницу, мясо и кофе там, откуда экспортировали эти продукты. Можно ли было постичь такое и сидеть сложа руки, когда в те же самые дни голодали миллионы людей и многие от голода умирали?

Мой брат Мойсес по окончании школы юнг пошел служить на один из военных кораблей. Поэтому, когда 5 сентября началось восстание на флоте, мы с матерью, братом и сестрами переживали тревожные часы. После того, как

восстание было подавлено, никто не знал, какая судьба постигнет мятежников. Слухи ходили самые страшные. Говорили, например, что корабль, где служил брат, потоплен торпедой. Утверждали также, что каждый пятый из моряков будет казнен.

Участники восстания, бежавшие из Талькауано и перебравшиеся через залив на шлюпках, высаживались на морских пляжах и в бухтах, прилегавших к Томе. Многие из них для маскировки были в рыбацкой одежде. Кое-кого арестовывали. Каждый день мои сестры и брат ходили в морскую комендатуру узнать, нет ли среди задержанных Мойсеса.

Если не ошибаюсь, в конце октября пришло известие, что он вместе с другими моряками находится в тюрьме города Лос-Анхелес.

На собраниях группы «Авансе» разъяснялись причины экономического кризиса, поразившего многие страны, отмечалось, что этого бедствия не знает Советский Союз, где нет безработных и где претворяется в жизнь первый пятилетний план. Вскрывались также причины, вызвавшие восстание военных моряков.

С ребятами из группы «Авансе» я бывал на митингах коммунистической партии, когда они проходили в дни, совпадавшие с нашим выходом в город. Выступавшие ораторы, в их числе Оскар Чильярди, требовали ликвидации безработицы и освобождения арестованных моряков. Многих из них приговорили к смертной казни. Эта участь постигла и Педро Пачеко, преподавателя школы юнг, в прошлом студента нашего педучилища, поэта, победителя одного из чильянских весенних конкурсов.

Мы, будущие педагоги, поддерживали контакты с учащимися обоих лицеев, мужского и женского, с ученицами школы домоводства и студентами сельскохозяйственного училища. Мы совместно устраивали шествия по улицам Чильяна, требуя сохранить жизнь Педро Пачеко. До этого лицеисты, дети более обеспеченных родителей, смотрели на нас свысока, презрительно называя «баранами», ибо мы всегда ходили группами и, как того требовал устав училища, в черных костюмах. (В других государственных учебных заведениях униформа не была обязательной.) Вот почему считалось большим успехом, почти чудом, что лицеисты вместе с нами включились в эту борьбу. Никто из приговоренных к смерти не был казнен. И мы испытывали огромную радость от сознания, что помогли спасти их.

Пресса поливала коммунистов грязью. А я считал их самыми светлыми, честными и отважными людьми. Я не видел ни одной другой политической организации или группы, которая так искренне и горячо отстаивала бы интересы безработных и уж тем более поднимала голос в защиту участников флотского восстания.

Когда Лаферте, кандидат в президенты республики, совершая предвыборное турне в Консепсьон, проезжал через Чильян, около часа дня на городской вокзал сбежались сотни людей, приветствуя его и скандируя его имя. Тогда я и увидел впервые Лаферте — этого сына селитряных копей, как его называют в народе, чилийского коммуниста, на которого обрушивались самые жестокие преследования. Человека, которому позднее я стал другом и товарищем

на самых высоких постах партийного руководства.

По окончании первого курса я приехал на каникулы в Томе. Не прошло и шести месяцев, что я отсутствовал, а новые события, начиная с 26 июля, привлекли к себе внимание многих людей, всколыхнули страну. Теперь я встретил в городе коммунистов. Я сдружился с одним сапожником, мастером Пальмитой, который был членом партии. Всякий раз, когда у нас заходила речь о безработице и нищете, он не без гордости говорил о своей профессии: «В дом сапожника голод стучится, но не входит. Каждый день что-то перепадает, пусть немного, но донышко в чугунке есть чем прикрыть».

Пальмита был из пригорода Томе, из Гуарилиуэ — так называется длинная глубокая ложбина с пологими склонами, где живут виноделы-кустари. В том месте прекрасный микроклимат, там вызревает чудесный виноград «Италия» и делают превосходное пипеньо¹.

Как-то раз Пальмита пригласил меня на собрание коммунистов в один из домов на холме Эстанке. Тогда-то я и сделал самый важный шаг в своей жизни: вступил в партию. Было это в 1932 году, в феврале...

Еще до недавнего времени мастер Пальмита безвыездно жил в Томе, за вокзалом, в Серро-Алере. Я не раз заезжал к нему повидаться. О его смерти — это случилось несколько лет назад — я узнал уже после похорон. Узнай я об этом вовремя, непременно поехал бы проститься с ним. Никогда не забуду этого простого, не очень-то речистого, но обладавшего ясным умом

¹ Сорт вина.— *Прим. авт.*

человека, который в один из дней томейского лета распахнул передо мной двери в партию.

Не все, что меня взволновало в те дни, было связано с политикой. В Томе уже вернулся после освобождения мой брат Мойсес, которого уволили из ВМФ. Он без памяти влюбился в девушку по имени Элена Аравена, ставшую позднее его первой женой. Но ее родители были против их брака. Видя такое дело, влюбленные рассудили по-своему и сбежали. Их маршрут пролегал по окрестным деревням. Родственники Элены дали знать об «увводе» в полицию, и в течение нескольких дней «уполномоченные» разыскивали беглецов. Те появились сами спустя неделю. И все кончилось так, как было угодно господу.

Для меня то лето тоже не обошлось без потрясений. Пока я учился в Чильяне, девушка моей мечты, Эльса, влюбилась в парня из Нуэва-Альдеа и дала мне отставку. Она была первой, но не последней женщиной, оставившей меня в дураках.

Первый семестр 1932 года ознаменовался дальнейшим подъемом борьбы учащейся молодежи. Мы, будущие педагоги, объединялись в так называемые центры, по одному на каждом курсе. Все вместе они составляли организацию под названием Союз учащихся педучилища Чильяна, где меня избрали секретарем по протоколам.

С момента падения правительства Ибаньеса на повестке дня было смещение лиц, назначенных свергнутым режимом на ответственные посты в административном аппарате. Встал вопрос и о выдворении директора нашего училища дона Хосе Пиночета Ле-Бруна.

Однажды ранним утром по училищу пронеслось: как только откроют двери и выпустят в город, что делалось в выходные дни, всем отправляться на стадион «для решения очень важных вопросов». Собрались на стадионе. Студенты старших курсов говорили о необходимости сбросить директора. Идея была одобрена, и все мы подписали петицию. Несколько дней спустя из Сантьяго прибыл генеральный инспектор педагогических учебных заведений дон Мойсес Мусса. Он провел собрание у нас, а также выслушал мнение преподавателей. Минуло какое-то время, и директора убрали.

Три директора, один за другим, сменились на этом посту. Но ни один из них не оказался лучше дона Хосе Пиночета. Спустя годы я встретился с ним в Сантьяго. Было очевидно, что он человек прогрессивных взглядов. Уже потом, сопоставляя факты, я пришел к выводу, что по крайней мере в этом вопросе мы пали жертвой закулисной борьбы между масонами и католиками за контроль над педагогическими училищами.

Мы стремились расширить свое представительство в педсовете, куда входил только один из нас. Мы же требовали, чтобы было по одному представителю от каждого курса, а всего — девять. Кроме того, настаивали на отмене экзаменов. Ведь если преподаватели выставляют нам месячные оценки и знают, как это им и положено, способности, усердие и отдачу каждого, то зачем еще экзамены? Мы упирали и на то, что экзамены на руку лишь зубрилам: эти могут сачковать весь год, а перед сессией посидеть денек-другой и получить отличные отметки. И настолько велика была сила учащихся, с одной

стороны, и неразбериха и разобщенность в стороне начальства — с другой, что мы и впрямь добились на один семестр отмены экзаменов, а также получили, правда на короткий срок, требуемое представительство в педсовете.

Кормили нас все хуже и хуже. Торговцы, снабжавшие педагогическое, получали из казны деньги с большим опозданием. Некоторые из них прекратили поставки. Другие воспользовались ситуацией, чтобы сбыть училищу залежалые овощи. Не хватало сахара, и какое-то время мы были вынуждены подслащивать чай медом. Смесь получалась неприятнейшая.

Как-то раз в овсяной каше обнаружили червей. Возмущенные, мы поднялись из-за столов и с тарелками в руках направились в кабинет директора, требуя улучшить питание. Больше эту кашу нам не давали.

Ободренные успехами, мы захотели пойти дальше. Кто сказал, что у нас нет права судить о наших же учителях? Как-то утром мы устроили собрание и позвали преподавателей. И прямо в лицо потребовали отставки тех, кто, на наш взгляд, не «соответствовал». Думаю, мы хватили через край. Похоже, на наши суждения чересчур влияли эмоции. Наши симпатии к тому или иному преподавателю порой брали верх при оценке его деловых качеств. Вот мы и подразделяли учителей на плохих и хороших, главным образом по их отношению к нам. Этот фактор, конечно, играет не последнюю роль, особенно если речь идет о педагогах. Но думаю, мы явно преувеличивали его значение. Кроме того, на мой взгляд, ученикам не подобает судить своих учителей. Другое дело — иметь собственное мнение и право участия во всем, что связано с

жизнью средней и высшей школы, а значит, с формированием тех критериев, которые определяют подбор педагогов и оценку их деятельности. Так вопрос ставить можно.

Среди преподавателей некоторые придерживались левых взглядов. Другие были с нами на ножах, а кое-кто проявлял понимание и обстановки, переживаемой страной, и мятежного духа учащейся молодежи. Отец Аларкон, например, отдавал себе полный отчет в том, что за почва у него под ногами. Когда он вызывал кого-нибудь из нас, мы нарочно вносили в ответ путаницу. Если он велел, допустим, пересказать притчу о милосердном самаритянине, то мы начинали с блудного сына, а для полного эффекта приплели и какую-нибудь отсебятину. Но искушенный священник не поддавался на провокации. «Так, иди на место,— говорил он.— Слабенько, слабенько... Семерка!»

А это — самый высокий балл.

Очередное политическое событие взбудоражило училище. 4 июня 1932 года было свергнуто правительство Хуана Эстебана Монтеро и провозглашена так называемая «социалистическая республика», продержавшаяся очень недолго. Всего лишь двенадцать дней. Главная ее фигура — генерал авиации Мармадуке Грове, ставший позднее одним из основателей и лидеров социалистической партии, добился значительной популярности. Многие члены группы «Авансе» провозгласили себя «гровистами», и мы, объявив их реформистами, изгнали из наших рядов.

На смену «социалистической республике» пришла «стодневная диктатура» Карлоса Давилы, во время которой в Антофагасте был схва-

чен, переправлен на юг и замучен насмерть преподаватель коммунист Мануэль Анабалон Аэдо, а труп его брошен в воды бухты Вальпараисо. Один из его братьев учился в нашем училище. Мы с большим вниманием следили за борьбой по разоблачению этого грязного преступления.

Минул всего лишь год после свержения Ибаньеса. Но этот год, полный переживаний, сильных и глубоких социальных потрясений, открыл перед нами новые горизонты и вывел на путь социальной борьбы.

Когда Артуро Алессандри был избран президентом республики, господствующие классы сплотились вокруг его правительства и на долгие годы упрочили свои позиции. Волны репрессий докатились и до нашего училища. В атмосфере яростной кампании против «коммунистического проникновения», раздувавшейся местной газетой «Дискусьюн», некоторые из наших товарищей были отчислены. В битвах учающейся молодежи произошел спад. Нашлись среди нас и такие, кто вообще прекратил борьбу.

Наступившие времена привнесли в нашу жизнь другой ритм и другие пристрастия. Мы с жадностью читали все попадавшие нам в руки книги и брошюры по социальным вопросам. Литература такого рода не была обширной и не всегда представляла собой большую ценность. Но и та, которую удавалось достать, сыграла свою роль в нашем идеологическом и политическом становлении. Наша тяга к революционному делу, поначалу скорее эмоциональная и интуитивная, теперь стала более осознанной. По различным газетам и журналам, в частности «Бандера роха» («Красное знамя») и другим коммунистическим изданиям, мы внимательно следили

за политическим курсом страны и главными международными событиями. Гитлер уже захватил власть в Германии, Народный фронт складывался во Франции, Соединенные Штаты с Франклином Делано Рузвельтом во главе выходили из кризиса, укреплялись советские районы в Китае, в Советском Союзе с успехом продолжалось строительство социализма.

Мы поддерживали тесные отношения с некоторыми учителями начальной школы, в частности с Эксекьелем Арельяно. Позднее, как и двести других преподавателей, он был уволен с работы за участие в съезде Федерации учителей, проходившем в начале 1933 года в Консепсьоне. Министра просвещения, учинившего «облаву», звали Доминго Дуран.

Подобно всем, кто учился в интернатах, мы занимались спортом, устраивали литературные конкурсы, издавали наш собственный журнал «Альборада» («Рассвет»), участвовали в весенних празднествах и организовали театральный кружок. Мне досталась главная роль в скетче «Вашингтонская сделка», который мы играли в Сан-Карлосе и Пинто. Помню, в Пинто в зале не на чем было сидеть, и зрители приходили на представление со своими скамейками и стульями.

С тех пор, как я поступил в училище, моя сестра Лила каждый месяц присылала мне на расходы по пять песо. Поначалу это было больше чем достаточно. А вот к концу обучения у меня постоянно «с валютой было туговато», как говорят рабочие севера. Пирушки поглощали все. Вокруг училища было множество кабачков, куда мы заглядывали, чтобы пропустить стаканчик пунша и потанцевать с девочками. Один из

моих соучеников, Умберто Сегель, водил дружбу с хозяйкой такого заведения. Как-то в субботу он пригласил меня разделить компанию. Поскольку в училище мы опоздали, пришлось устраиваться на ночлег на месте. У Сегеля проблем не было. Он уладил их со своей подружкой. Проблема заключалась во мне или, если хотите, в том, что оставалась только одна кровать, и на ней должны были спать две девушки. Первая — из этого дома — была в интимных отношениях с одним из преподавателей нашего лицея, вторая — ее подружка. Чтобы закруглиться, должен сказать, что уже поздней ночью они согласились положить меня под одеяло. Но при условии, что я не пошевелинусь. Я пошел на этот компромисс, и меня уложили посередине. Но я не смог сдержать слово. Едва погасили свет, как я повернулся к подружке преподавателя нашего училища и поступил по отношению к нему непочтительно.

Настал декабрь 1934-го, и моя учеба в педагогическом завершилась. Оценки у меня в дипломе самые разные. Я получил четверки, то есть самые низкие отметки, по профессиональному мастерству и по поведению. Я узнал, что на педсовете обсуждалось мое дело. Высказывались и такие мнения, что в будущем я стану революционным агитатором, а потому меня не следует допускать до преподавательской работы. Время показало, что те, кто так думал, ошиблись. Но чего бы они добились, лишив меня диплома учителя? Моя жизнь уже пошла по твердому курсу, с которого ничто не могло меня сбить.

Годы и невзгоды

После окончания училища я направился в Консепсьон. Наша семья переехала в этот город, где у Далилы была лучше работа и Николас устроился кондуктором «гондолы», как в Чили прежде называли автобус, на линии Консепсьон — Чигуайанте.

В Консепсьоне ходили трамваи. Как и в Вальпараисо, они были с империалами — верхними сидячими местами. Одна линия вела от главного железнодорожного вокзала в Пучакау, другая на Педро-де-Вальдивия. Третья линия связывала рынок с районом Ла-Пампа.

В начале 1935 года объявили забастовку работники служб пути и движения государственных железных дорог. Партия поручила Молодежной федерации коммунистов организовать в поддержку путейцев забастовку трамвайщиков.

В наших кругах ходила брошюра Лозовского, руководителя Красного Интернационала профсоюзов. Называлась она «От забастовки к взятию власти». Идея, которую развивал Лозовский, была следующей: в определенных условиях всякая забастовка может стать первым звеном в цепи забастовок, отправной точкой той революционной волны, которая приведет к взятию трудящимися политической власти. Этот тезис мы понимали буквально. Так как же нам было не считать важной поставленную задачу? Но что предпринять, как действовать, если среди трамвайщиков не было ни одного коммуниста?

Мы с ребятами из Молодежной федерации коммунистов решили встать засветло, отправиться в трамвайный парк и разбросать там листов-

ки с призывами присоединяться к бастующим железнодорожникам.

В парк мы пришли около шести утра. Вожаемые и кондукторы готовились к рабочему дню. Едва мы начали раскидывать листовки, как на нас, размахивая тяжелыми форменными ремнями, бросилось несколько трамвайщиков, членов нацистской партии Гонсалеса фон Марееса.

Поскольку нас было меньше и никто из трамвайщиков не оказал нам поддержки, пришлось дать тягу. Но один из наших, хромоногий Кордова, отстал. Его схватили и отвели в полицейский участок. Там на него нажали и развязали язык. Он назвал несколько имен, в том числе мое. У меня не было иного выхода, кроме как «лечь на дно». Компанию мне составили железнодорожник Хулио Саласар и сапожник Армандо Родригес.

Первую ночь — почти без сна — мы провели на улице Кауполикана в одном из рыночных павильонов, настолько удобных для распития как белого, так и красного, что от винного перегара и вони воздух там был тяжелым до крайности. На следующий день перебрались в недостроенный дом, стоявший справа от входа на кладбище.

Два или три раза ко мне домой приходил филер. Он упорно пытался убедить мою семью, будто бы лучший выход для меня — добровольно явиться в сыскное отделение, и обещал научить, что мне следует сказать там, чтобы дело обошлось без серьезных осложнений. Моя старшая сестра считала, что он не держит камня за пазухой, но я не дал поймать себя на эту удочку. Однако я чуть было не стал жертвой собственной глупости. Вышло это так. Минуло

несколько дней, и я направился в сапожную мастерскую, где работал Родригес, узнать, как дела там. Вдруг вошел «человек в штатском» и спросил Родригеса. Ему ответили, что того нет. Филер двинулся ко мне: «А как тебя зовут?» — «Освальдо Ульоа», — ответил я, не моргнув. Это было имя моего двоюродного брата, с которым мы устраивали в Томе вылазки на природу.

Филер, задавший вопрос, был тот же, что приходил ко мне домой. Видимо, он был на редкость бездарным, ибо в противном случае мог узнать меня по сходству с братьями. А возможно, просто не очень вглядывался. Он знал, что я учитель, и, наверное, представлял меня более солидным и лучше одетым.

Как бы то ни было, он ни о чем больше не спросил и удалился.

Шли дни. Забастовка железнодорожников завершилась скорее плохо, чем хорошо, и конечно же даже отдаленно не напоминала первую в цепи забастовок, которые могли бы привести к взятию власти.

Когда репрессии стихли, я вернулся домой.

Региональный комитет партии, а вслед за ним и региональный комитет Молодежной Федерации коммунистов подвели итоги происшедших событий. История с трамвайщиками, в частности, должна была послужить нам уроком. Требовалось создать коммунистические ячейки на всех промышленных предприятиях и в то же время ускорить уже начавшийся процесс консолидации всех отрядов трудящихся, то есть крепить профсоюзное единство. Без выполнения этих двух условий мы бы далеко не ушли.

У педагогов начальной школы было две организации — Федерация учителей и Ассоциация

преподавателей. Они и вели работу в том, 1935-м, образовав Союз преподавателей Чили, куда могли вступать педагоги и других ступеней системы просвещения. Хотя я работал главным образом среди молодежи, тем не менее регулярно посещал собрания группы преподавателей-коммунистов, возглавлявшейся Исаиасом Фуэнтесом, который был губернатором Коронеля на первом этапе деятельности правительства Гонсалеса Виделы. Несколько лет спустя Фуэнтес умер. Произошло это после того, как он вышел из концлагеря Писагуа, серьезно подорвав там здоровье.

Нас, педагогов-коммунистов, было в Консепсьоне крайне мало, но чувство единства среди учителей укоренилось настолько, что не составило труда основать в городе отделение Союза преподавателей Чили. Оно родилось на собрании, которое мы провели в просторном зале на последнем этаже редакции газеты «Сур» («Юг»).

Выполняя установки партии, мы задались целью создать ячейки Молодежной федерации коммунистов на фабрике по производству свечей, на городской мельнице и на ткацкой фабрике «Консепсьон». В первом случае мы провели несколько блицмитингов, когда рабочие выходили с фабрики, и подружился с одним из них. Побывали у него дома и сошлись на том, что побеседуем с его товарищами; действуя таким образом, мы вскоре создали на фабрике ядро Молодежной федерации коммунистов. Достичь того же на мельнице помог удобный случай. Там бастовали рабочие. Мы заметили, что по ночам самые молодые из них охраняли мельницу, чтобы хозяева не вывезли муку. Улучив

момент, подошли к молодым забастовщикам, завязали разговор. Принесли им сэндвичи и кофе. И стали делать это до тех пор, пока не кончилась забастовка. Результаты не заставили себя ждать: многие из ребят вступили в нашу организацию. На ткацкой фабрике мне выпала особая миссия. Профсоюз этого предприятия располагал прекрасным помещением. Мы встретились с председателем профкома и предложили ему провести вечер с участием нашего художественного ансамбля, а потом я вызвался вести на фабрике курсы по обучению грамоте. Уроков я дал немного. Но мы открыли дорогу к личным контактам с молодыми текстильщиками, что также увенчалось созданием ячейки.

Самое меньшее раз в неделю мы выходили по ночам «агитировать кистью». На углах ставили «попугаев», а трое или четверо из нас в это время писали лозунги на стенах того или иного дома. Больше всего мы любили писать лозунг «Долой кровавую диктатуру Алессандри!». Судя по всему, у властей этот лозунг был что бельмо на глазу, ибо тем из нас, кто попадался, в сыскном изрядно обламывали бока.

Секретарем регионального комитета Молодежной федерации коммунистов был смуглый парень, обладавший голосом диктора, писавший стихи и отзывавшийся на звучное имя Энрике Матус Фонтена. Позднее он вышел из организации и сделался кануто — протестантом. Однако хлеб свой зарабатывал не самым богоугодным способом. Покупал килограмм хорошего масла, бросал его в кастрюлю, доливал туда около литра воды и сбивал до тех пор, пока масса вновь не затвердевала. Потом с помощью специальной формы изготавливал бруски масла, примерно по

осьмушке каждый. Он завертывал их в бумагу с надписью: «Чистейшее масло. Сорт лицензирован. Фирма «Дееса Осорно». Пачки укладывал в деревянный чемодан вроде того, что носят плотники, и регулярно, по выходным дням, продавал в Космито, Пенко и Лиркене.

Время от времени преследования усиливались. Мы пользовались вымышленными именами и несложным кодом. Например, на улице вели речь не о партии, а о доне Панчо, а вместо слов «коммунистическая молодежь» говорили «донья Хулиа». Нередко мы проводили собрания на холме Караколь. Как-то собрались на кладбище.

Однажды, когда мы встретились на площади Круса, чтобы отправиться в Талькауано, появился полицейский патруль. Карабинеры приняли нас за бродяг и отвели в участок. Нас заставили полдня чистить конюшни, а потом отпустили восвояси.

Неоднократно меня приглашали в региональный комитет партии, в чье ведение, помимо Консепсьона, входили провинции Арауко, Био-Био и Мальеко. Собрания комитет проводил по субботам, во второй половине дня. Там я познакомился с Леонсио Меделем, человеком, который постоянно находился в бегах и скрывался в шахтерском краю. За его голову угольная компания назначила вознаграждение.

Собрания регионального комитета начинались с длинного доклада часа на два-три. Те доклады, что мне довелось слышать, не слишком отличались друг от друга. Они неизменно открывались международным обзором, начиная с Дальнего Востока, после чего следовал подробный рассказ о строительстве социализма в СССР.

Особо останавливался докладчик на борьбе трудящихся Франции и Испании. Потом перескакивал на Латинскую Америку. Когда подходила очередь анализировать положение в Чили, у него уже почти не оставалось сил говорить, а у аудитории — воспринимать. Несмотря на это, я очень хорошо помню, что применительно к нашей стране рисовалась довольно оптимистичная картина социальной борьбы и перспектив, которые она открывала. Утверждалось, что крестьяне и индейцы-мапуче из Альто Био-Био, годом раньше пережившие бойню в Ранкиле¹, вновь готовы к борьбе. Часть из них перешла через Кордильеры, спасаясь от «зеленых»². Но как только по эту сторону Анд вспыхнет революция, они вернутся на отнятые у них земли. Говорилось также о заметном влиянии партии на рабочую среду. В этих отчетах постоянно фигурировала некая Федерация древесины, разумеется, наряду с организациями тружеников селитряных копей, шахтеров и путейцев из Федерации железнодорожников. Я недоумевал, что же представляет собой Федерация древесины. Позже догадался, что речь шла о нескольких профсоюзах кустарей-мебельщиков.

В партии назревали важные перемены. Наконец-то поняли, что революция не поджидает нас за ближайшим углом. И вскоре партия пошла по пути, приведшему к созданию Народного фронта.

Я часто посещал отделение Рабочей федерации Чили, находившееся поблизости от моего

¹ Крестьянские волнения, происшедшие в этих местах, в июне 1934 года были жестоко подавлены правительственными войсками и полицией.

² Цвет мундиров чилийских полицейских.

дома, на углу улиц Росаса и Прата. Там собирались члены профсоюзов строителей, рыночных торговцев, транспортников и рабочих других специальностей. Часто приходили и потерявшие работу шахтеры с женами. Они научили нас многим революционным песням, таким, как «Песнь, посвященная пампе», «Я — коммунист», «Забастовка», «Элегия на смерть Ленина» и «Дети народа». У этой последней такие слова:

Дети народа, вы в цепи закованы.
Такое дольше нельзя терпеть.
Будни ваши страданий исполнены,
чем жизнь на коленях, лучше — смерть.

Эти буржуи насквозь эгоисты,
они человека не ставят в грош,
их, как мусор, сметут коммунисты,
и ты свободно, народ, вздохнешь.

Рей, алый стяг!
Хватит, народ, страдать,
с эксплуатацией
надо кончать!
Справедливости
не надо просить;
ее лишь в единстве
можно добыть.

Поднимайся, рабочий народ,
за революцию, вперед!
Щит наш разбить тебе невмочь,
толстый буржуй,
прочь, прочь!

Сердца рабочих, которые бьются
за наше дело, счастливы будут;
если единство и страсть сольются,
в бою победу они добудут.

Людам труда на буржуев-лодырей
надо смотреть с высоты положения,
а также бить их, да побольнее
за их тупое высокомерие.

Рей, алый стяг... (Припев повторялся.)

Мне очень нравилась эта песня. Однако со временем ее перестали петь.

В один из дней я сел на поезд и поехал в Сантьяго, чтобы хлопотать о назначении на работу. В столице я остановился в доме Дельфины Гутьеррес, учительницы, уволенной за политическую деятельность. Дельфина устроилась в Национальном музее секретарем у Рикардо Латчана-отца¹. Жила она в выходящем на улицу Сантоса Дюмонта переулке, параллельном проспекту Реколета. По утрам я занимался уборкой и варил рис «зернышками» или же готовил что-нибудь к обеду, согласно инструкциям, которые оставляла Дельфина. Использовал время и для чтения. Почти каждый день после обеда я отправлялся в министерство просвещения, занимавшее большой старый, нескладный дом на северной стороне проспекта Аламеда, между улицами Эстадо и Аумады. Десятки выпускников различных педучилищ собирались тут в надежде попасть на прием к министру, его заместителю или к генеральному директору системы начального образования. Иногда удавалось поговорить с ними, но ничего определенного эти беседы не приносили. Лишь изредка чья-нибудь фамилия появлялась в списках получивших назначение. Но зато эти списки изобиловали сообщениями о назначениях, повышениях и переводах тех наших коллег, кого мы в глаза не видели в очереди, но у кого была рука в верхах — среди депутатов или сенаторов, расхаживавших по кабинетам министерства, как по родному дому.

¹ Рикардо Латчан (1902—1965) — чилийский писатель и литературный критик.

Видя, что дни идут, а назначения нет как нет, я прибег к военной хитрости. Я уяснил, что после шести, когда заканчивается прием посетителей, самые высокие начальники продолжают работать. В один из вечеров я решил остаться в здании и выждал в туалете, пока швейцар запер входные двери. Спустя несколько минут я направился к начальнику отдела кадров, который был главной фигурой во всем, что касалось назначений. Открыл дверь в его кабинет и заговорил прежде, чем тот успел опомниться: «Примите извинения, сеньор. Вот уже почти два месяца, как я нахожусь в Сантьяго. Я остановился в доме одной известной, но стесненно живущей семьи, и там меня больше держать не могут. Мне нужно работать, чтобы помочь матери. Возможно, я поступил неподобающим образом, оставшись в этом здании. Но я не нашел другого способа объяснить вам, как остро мне необходимо место учителя».

Реакция начальника не была отрицательной. Мне кажется, все это ему даже понравилось или же он просто вошел в мое положение, ибо тотчас уладил дело. Не прошло и нескольких дней, как был подписан и получил ход соответствующий приказ.

Будучи в Сантьяго, я не раз участвовал в собраниях учителей-коммунистов. На одном из них я познакомился с Рикардо Фонсекой и Эленой Педрасой, которая позднее стала его женой. Я часто ходил на Сан-Антонио, 58, где прежде размещалось отделение Федерации учителей. С возникновением Союза преподавателей федерация прекратила свое существование, и ее помещение перешло к коммунистической партии, хотя это и не афишировалось.

В те дни для расследования обстоятельств гибели Хосе Баскуньяна Суриты, который был членом ЦК партии и отвечал за работу с крестьянством, был учрежден Народный трибунал. Его возглавлял дон Карлос Викаунья Фуэнтес. Я слышал в зале «Реколета» его выступление, которое как раз и было посвящено итогам расследования. Баскуньяна Суриту схватили на юге страны, некоторое время спустя после кровавых событий в Ранкиле, и, судя по неопровержимым уликам, бросили в реку Лаха.

В Сантьяго я принял также участие в похоронах Педро Леона Угальде, политического деятеля, радикала, охотника до игры в романтизм, человека богемы, который носил длинную накидку и шляпу с широкими полями и был одним из самых язвительных противников правительства Алессандри. Кроме того, он был членом сената от одного из избирательных округов Сантьяго. На его место в верхней палате блок левых сил, куда входили социалистическая, радикально-социалистическая, демократическая партии и так называемая коммунистическая левая, предполагал выдвинуть кандидатуру Рикардо Латчана-сына — социалиста, члена муниципального совета Сантьяго, блестящего интеллектуала и оратора. Но имелась еще лучшая кандидатура: Хуан Луис Мэри, редактор газеты «Опиньон» («Мнение»). Мэри провел в печати смелую и энергичную кампанию против договора Росса-Кальдера, предусматривавшего расширение концессий, предоставленных чилийским государством одной американской энергетической монополии, и поплатился за это тем, что был приговорен к высылке из страны. В этих условиях коммунисты сблизились с Мэри и предложили

ему кандидатство и укрытие, чтобы тот мог остаться в Чили. И Мэри и радикально-социалистическая партия, к которой он принадлежал, приняли эти предложения.

На церемонии прощания с Педро Леоном Угальде, проходившей в западной части Центрального кладбища, сразу за главным входом, неожиданно появился и начал произносить речь преследуемый властями журналист. Ему удалось сказать очень немного, так как «люди в штатском» тотчас засуетились, пытаясь схватить его. Но сделать это не смогли. Поскольку все было заранее предусмотрено, Мэри спрыгнул с трибуны — и был таков.

За воротами кладбища карабинеры напали на участников похорон, рассеяв нас по улицам, перпендикулярным проспекту Ла-Паса.

В итоге блок левых принял кандидатуру, выдвинутую коммунистами. Вокруг нее сплотились те силы, которые вскоре образовали Народный фронт. Лишь небольшим числом голосов Мэри проиграл выборы. Но левые доказали, что, объединившись, могут добиться победы.

Меня назначили учителем в школу № 1 города Икике — школу «Санта-Мария», напротив которой 21 декабря 1907 года была учинена зверская расправа над бастующими; с тех пор и это место, и происшедшие здесь события носят название Санта-Мария-де-Икике. Путешествие на поезде от городка Ла-Калера, где начинается узкоколейка, занимало три дня и три ночи. Продольная дорога¹, или «продолка»,

¹ Продольной («лонхитудиналь») эта железная дорога называется потому, что тянется вдоль океанского побережья, соединяя относительно прямой линией север и центральную часть Чили.

как говорят жители Икике, тогда не проходила через Лос-Вилос. Еще до Лонготомы она углублялась в сторону континента, к Ла-Лигуа, доходила до Кабиљдо, а оттуда поезд через тоннели, преодолевая подъемы и спуски, устремлялся на Овалье.

Приехав в Икике, я в тот же день отправился к Рикардо Санчесу, учителю по профессии, уволенному по политическим мотивам. Его адрес мне дали в столице. Вместе с ним мы пошли разыскивать Хосе Тристана Барреру, наиболее известного в то время в Икике руководителя-коммуниста. Застали его на улице Тарапака — это вверх от улицы Барроса Араны, где он, будучи золотарем, занимался чисткой отхожих мест.

Икике пришелся мне по душе с первого же дня. Это один из тех чилийских городов, у которых есть свое лицо. Его дома с плоскими крышами, балконы с затейливыми балюстрадами по-настоящему красивы, особенно те, которые окрашены в чудесные розовые или лазурные цвета. Но главное, чем красив Икике, — это все-таки люди, такие простые и открытые, как ни в одном другом уголке страны.

Молва о том, что «Икике — порт, а остальное — это так, причалы», отражает конечно же те золотые времена, когда город переживал селитряный бум. Немало воды утекло с тех пор, но мне все же удалось застать отблески былого величия. Еще работали многочисленные селитряные предприятия, в их числе — Росарио-де-Уара, Санта-Роса-де-Уара, Мапочо, Ханберстун, Кала-Кала, Буэнавентура и Брак. По субботам сотни рабочих в безупречных костюмах из черного кашемира и в белых или голубых сороч-

ках спускались с плоскогорий. Это были завсегдатаи Чунг-Сана, Бола-де-Кристалль и других нескучных заведений.

В своих сердцах они хранили живую память о Рекабаррене¹. Многие знали его лично. Для меня было счастьем общаться с этими рабочими и старыми коммунистами-портовиками, такими, как Хосе и Лино Баррера, Висенсио и Корро.

Помимо работы среди учителей, я взялся распространять газету Центрального Комитета «Бандера роха» и журнал Коммунистического Интернационала, поступавший к нам из Испании. Один книжный торговец получал с десятков экземпляров каждого номера прямо из Валенсии, где жил его брат.

Работа в школе № 1 была для меня трудной. Учебный год уже заканчивался, а мне дали один из первых классов, большинство учеников которого отставало. С другой стороны, директор Герреро был очень придирчив ко всему, что касалось разных мелких формальностей. Мне была не по душе его позиция. Я не любил также ходить со своим классом на экскурсии, что обязан был делать довольно часто. Требовалось пройти с учениками почти через весь город, а некоторые дети озорничали, и я был вынужден на глазах у публики призывать их к порядку. Прохожие взирали на меня с любопытством, потому что даже некоторые из первоклассников ростом были выше, чем я, и не всегда можно было определить, где идет преподаватель.

¹ Луис Эмилио Рекабаррен (1876—1924) — выдающийся деятель рабочего и коммунистического движения Латинской Америки, основатель Коммунистической партии Чили.

В январе или феврале 1936 года в стране вспыхнула новая забастовка железнодорожников. Она была всеобщей и получила полную поддержку всех левых партий. В этих условиях правительство Алессандри ввело осадное положение и отправило в ссылку многих политических руководителей, начиная с коммунистов и кончая радикалами. Это обстоятельство ускорило процесс сплочения народа. Репрессии не прекращались, хотя и шли по нисходящей. Я попал под новую волну увольнений учителей. Конец моему учительству был положен в последних числах августа, ровно через год с начала работы в школе.

Мое увольнение было актом явного произвола. Безо всякого расследования и разъяснений Генеральный директор системы начального образования Клаудио Матте послал Ортелио Парра, инспектору нашей провинции, телеграмму с уведомлением об отстранении меня от должности. К тому времени мы уже создали в Икике отделение Союза преподавателей Чили, где я был генеральным секретарем. Многочисленная делегация союза направилась в редакцию газеты «Тарапака», чтобы опубликовать протест и заявить о том, что за деятельность вне стен школы лишать педагогов их политических прав, закрепленных в конституции, противозаконно. Именно так обстояло дело со мной, ибо мое «преступление» состояло в том, что после манифестации Народного фронта я произнес речь в рабочем клубе.

Главный редактор газеты «Тарапака» Эдуардо Фрей счел протест моих коллег обоснованным, взял на заметку жалобы и обещал дать им ход. Делегацию он принял очень любезно. Но

ни на следующий день, ни позже в газете об этом не появилось ни строчки.

Вернувшись в Консепсьон, я с головой ушел в партийную работу, а конкретно: занялся делами Молодежной федерации. Теперь речь шла не только о расширении ее рядов, но и о достижении единства молодых антифашистов. По всей стране, как оплот единства, создавался Освободительный альянс молодежи.

Не прошло и нескольких месяцев со дня приезда в Консепсьон, как меня вызвали в столицу для участия в пленуме Центрального Комитета Молодежной федерации коммунистов. Я остановился в домике сторожа церкви Святых Сердец — «сестры» парижской церкви с аналогичным названием. В Сантьяго она стоит на пересечении улиц Прата и Инес-де-Агилеры. В вызове, который я получил, было всего несколько слов: «Завтра в 2 часа дня в Лос-Леонес, конечная трамвая 27». Там в указанный день и час меня ждал один из товарищей. Мы вместе дошли до канала Сан-Карлос, откуда отправлялись автобусы на Лас-Кондес.

То, что мы называем сегодня проспектом Апокиндо, раньше было широкой пыльной дорогой, по обочинам которой стояли лишь столбы да заборы из камня или глины. А там, где сегодня поднялись так называемые «верхние кварталы» столицы, было лишь несколько деревенских усадеб.

Выйдя из автобуса в поселке Лас-Кондес, мы пошли по дороге на Фарельонес. Прошагали километров десять, пока не достигли нашей «туристской» стоянки, устроенной в том месте,

где и по сию пору сохранились две заброшенные, но вполне исправные угольные печи. Все члены Центрального Комитета были в надлежащей обуви и одежде, с рюкзаками и одеялами, чтобы можно было поспать, и со своей едой. Меня ни о чем заранее не предупредили, и я пришел на это собрание в своем лучшем костюме, в почти не ношенных ботинках, белой рубашке и галстуке. Чувствовал я себя крайне неловко.

Главный вопрос, обсуждавшийся на пленуме, — единство антифашистской молодежи. Генеральным секретарем Молодежной федерации коммунистов был Луис Эрнандес Паркер. Но на этом собрании присутствовал также Рикардо Фонсека, которому Центральный Комитет партии поручил работу с молодежью. Несколько месяцев спустя Фонсека сменил Эрнандеса Паркера, исключенного из наших рядов за показания, которые он дал аргентинской полиции и которые были расценены как поставившие организацию под угрозу. Эрнандес присутствовал на съезде Коммунистического союза молодежи Аргентины в городе Росарио, там его арестовали и подвергли пыткам — он не выдержал.

Я был на обратном пути в Консепсьон, когда в газете «Импарсиаль» («Беспристрастная»), выходившей в Сантьяго, появились показания Эрнандеса Паркера аргентинской полиции, напечатанные до того в одной из газет Буэнос-Айреса. В числе руководителей чилийских молодых коммунистов он назвал даже меня.

В марте того года — а шел 1937-й — состоялись парламентские выборы. В Био-Био социалист Асдрубаль Песоа и радикал Педро

Фримэн получили почти одинаковое число голосов в споре за четвертое и последнее места в списке депутатов. Чтобы прояснить положение, избирательная комиссия распорядилась провести голосование на двух участках, где оно ранее не состоялось: один — в Килако, а другой — в Насимьенто. Компартия решила поддержать Песоа, поскольку большинство радикалов Био-Био и сам Фримэн выступили против Народного фронта. Меня послали в Килако. От Мульчена до этого забытого богом места, что лежит на берегу реки Био-Био, напротив поселка Санта-Барбара, я добирался на лошади. Из Сантьяго и Лос-Анхелеса туда уже понаехало немало народа. Собрались многие члены парламента, среди прочих — сенатор Мармадуке Грове и депутаты Амадор Пайроа и Амаро Кастро. Нас, приезжих, было больше пятидесяти, и все мы разместились, как смогли, в одном доме, хозяин которого отважился дать нам приют.

Я встретился с Хоакином Мартинесом Аренасом, который позднее стал министром — генеральным секретарем во втором правительстве Ибаньеса. Мартинес Аренас рассказал, что вместе с другими социалистами объехал район, иной раз тайком пробираясь в усадьбы, чтобы поговорить с каждым из сотен избирателей. Он верил в победу, ибо большинство крестьян обещало отдать голоса за кандидата-социалиста. В те годы каждая партия или кандидат печатали свои собственные бюллетени, и их можно было брать со стола на избирательном участке или же приносить с собой и опускать в урны. Мартинес Аренас очень подробно проинструктировал каждого избирателя, как проголосовать за Песоа, чтобы не узнали хозяева.

День выборов выдался донельзя дождливым. Хозяева усадеб прибыли в Килако на лошадях вместе со своими арендаторами, чтобы отдать голоса Педро Фримэну, который тоже был помещиком. Кроме того, ночью они отогнали вниз по реке плот, чтобы избиратели-социалисты и коммунисты из Санта-Барбара не смогли переправиться в Килако, а так как вода в Био-Био поднялась, перейти ее вброд те не сумели.

Кандидат социалистов получил всего один голос. Это был голос хозяина дома, где нас приютили. Несколько лет спустя я узнал, что помещики выжили его из тех мест.

Несмотря на эти неудачи, 1937-й был годом подъема народного движения. Один из его отрядов, Освободительный альянс молодежи, повсюду в стране расширил свои ряды, развернув активную борьбу за права молодежи и солидарность с народом Испании, преданным кучкой фашистских генералов. В Консепсьоне вокруг альянса удалось сплотить более тысячи юношей и девушек. Его отделения были открыты на углу улиц Прата и Карреры, в районах Педро-де-Вальдивия и Чильянсито и на перекрестке улиц Саласа и Фрейре, где находилось основное помещение. Я был секретарем провинциального комитета альянса и редактором газеты «Эн марча» («На марше»). На проходивший в сентябре в Сантьяго Национальный съезд Освободительного альянса молодежи Консепсьон направил многочисленную делегацию. Съезд принял решение послать в Испанию для участия в антифашистской борьбе семерых товарищей, в их числе и меня. Но поездка не состоялась.

Хотя материальное положение нашей семьи несколько улучшилось, я считал своим долгом

искать работу. К этому обязывало и чувство ответственности перед прекрасной девушкой по имени Ракэль, большой любовью моей юности: из-за меня она потеряла работу в Телефонной компании. В течение того года я предпринял не одну попытку подработать. Я окунулся в мир коммерции. Торговал книгами на улице Майпу. Купил и перепродал старые металлические каркасы для постройки домов. Но дело не пошло, и я взялся за торговлю шерстяными тканями. Не однажды ездил продавать их в Пенко, Лос-Анхелес и Анголь. Однако всякий раз оставался на бобах, ибо добрую часть времени в этих поездках отдавал заданиям Молодежной федерации. Чтобы расплатиться с поставщиком, мне пришлось продать золотые карманные часы фирмы «Омега», купленные, когда я работал преподавателем в Икике.

В конце года меня вызвали в Сантьяго, где я стал секретарем Карлоса Контрераса Лабарки, Генерального секретаря компартии, и одновременно выполнял некоторые обязанности в Центральном Комитете Молодежной федерации коммунистов. Впоследствии я не раз бывал в Консепсьоне, но эти поездки носили случайный характер, и так сложилось, что к своему первому и дорогому очагу я уже больше не вернулся.

Время борьбы и побед

Как секретарь Карлоса Контрераса Лабарки я получал двести песо в месяц. Мы с Ракэль перебивались с хлеба на воду. Чтобы подработать, устроился киоскером издательства «Анта-

рес» на первой книжной ярмарке, раскинувшейся на проспекте Аламеда, между улицами Эстадо и Аумады. У «Антарес» от издательства было разве что название. Выпущенные им книги можно пересчитать по пальцам. Однако две из них пользовались большим спросом. Это сборник стихов Гарсиа Лорки и книга «No pasa-gán!» («Они не пройдут!») Эптона Синклера — вдохновенный призыв в защиту испанских республиканцев. Их охотно раскупали, что позволило мне заработать несколько песо, которые пришлось весьма кстати. Дело было в декабре 1937-го.

С момента мятежа фашистских генералов слово «Испания» стало паролем борьбы и сплочения антифашистских сил, значительную часть которых составляло молодое поколение. На каждом митинге Народного фронта и Освободительного альянса молодежи чилийский народ выражал свою солидарность с испанскими борцами. Альянс выступал с ценными начинаниями. В шестом районе столицы, например, молодежь неоднократно устраивала шествия, и по проспекту Индепенденсиа двигались колонны с музыкантами во главе. Глашатаи с рупорами в руках призывали каждого передать пакетик с едой или банку консервов в фонд республиканской Испании. Была проведена также кампания по сбору сигарет: никто, кроме отъявленных фашистов, не отказывался дать хотя бы одну-две штуки. Не было молодежного митинга или собрания, на котором бы не декламировали «Песнь матерям павших ополченцев» Пабло Неруды из его книги «Испания в сердце».

Когда Неруда приехал в Чили, он выступил в Муниципальном театре вместе с аргентин-

ским поэтом Раулем Гонсалесом Туньоном — оба были свидетелями фашистского путча и героического сопротивления испанского народа. Они привезли испанские военные песни, в том числе «Пятый полк», «Мост французов» и «Смуглянка». Я познакомился с Пабло в день, когда его пришла приветствовать делегация молодых коммунистов. Мы навестили Неруду в доме на улице Ираррасабалы, где он остановился.

Молодежная федерация социалистов, генеральным секретарем которой был Рауль Ампуэро, не желала примкнуть к Освободительному альянсу. Необходимо было создать новую организацию, которая объединила бы и молодых социалистов. Так на базе платформы, содержавшей десять пунктов об основных правах и задачах молодежи, возник Комитет молодежных организаций единого фронта.

Молодежная федерация коммунистов, которая в значительной степени растворилась в рамках Освободительного альянса, получила наименование Союз коммунистической молодежи Чили, ибо с того времени являла собой совокупность, или союз, различных отрядов молодежи — рабочих, крестьян, учащихся, в том числе и девушек.

Среди прочих обязанностей на мне лежало руководство газетой «Мундо нуэво» («Новый мир»). Нам удалось выпустить, если не ошибаюсь, четырнадцать номеров этого издания. Со мной работали Луис Фуэнтеальба Лагос и Хулио Молина Рэйч. Поначалу дело пошло так успешно, что мы даже арендовали помещение рядом с типографией и издательством «Антарес» на Сан-Франсиско, 347, где выпускали «Мундо нуэво», а партия — вечернюю газету

«Френте популяр» («Народный фронт»). Но вскоре нам стало не хватать средств из-за того, что задерживали или не присылали деньги из провинций. Чтобы расширить продажу газеты, в Сантьяго были созданы специальные бригады. Я сам возглавил их. Однако в конце концов наступил момент, когда мы не смогли продолжать издание. При всем том выпускать газету на протяжении примерно четырех месяцев для того времени считалось успехом, и, без тщеславия будет сказано, «Муиндо нуэво», на мой взгляд, стала серьезной попыткой создать настоящий рупор молодежи.

Всего несколько месяцев проработал я секретарем Карлоса Контрераса Лабарки. Обязанности в Центральном Комитете Союза коммунистической молодежи отнимали у меня все больше времени. И тут возникла проблема. Организация с трудом содержала трех или четырех штатных работников, которым платили с опозданием, мало или же совсем не платили. Добавить еще одного сотрудника возможности не было. И тогда Рикардо Фонсека раздобыл для меня место в одной весьма своеобразной фирме, которой владел Николас Вайнштайн в пае со своим счетоводом Карлосом Роблесом. В доме последнего, на улице Раули, располагалась главная контора. Наша группа, десять парней, собиралась там каждый день в восемь утра. Каждому вручали чемодан типа «Джеймс Бонд», только гораздо больших размеров, внутри которого по обеим сторонам под выпуклыми стеклами были укреплены две цветные фотографии овальной формы. Каждый из нас должен был обойти дом за домом заранее намеченную улицу. От нас требовалось быть элегантно одетыми.

Прежде чем позвонить или постучать в дом, следовало оставить чемодан перед дверью, которая вела в дом с улицы, либо — если она имела — перед второй, застекленной и всегда запертой дверью. Делалось это для того, чтобы у человека, который выходил на звонок, не сложилось впечатление, что мы торговцы, жаждущие сбыть ему какой-либо товар. Мы должны были изъясняться готовыми фразами и приводить хорошо заученные аргументы, допуская в ходе беседы лишь незначительные отклонения.

«Добрый день, сеньора. По поручению одной американской фирмы я посещаю некоторые дома».

Так начиналось либретто. «Выделенные» слова мы произносили с особой выразительностью.

Нашей целью было убедить клиента заказать фотографию по образцу тех, что были на стенках чемодана. Мы предлагали также услуги по увеличению фото. За каждую сделку нам платили по двадцать песо.

С этой работой у меня было много срывов. Как-то раз одна сеньора, очень красивая, лет под тридцать, оказала мне любезнейший прием. Она выслушала, ни разу не прервав, все мои доводы. Не пропустила ни единого слова из тех, что я расточал, превознося качество фотографий, и казалась стопроцентным клиентом. Когда я закрыл рот, она произнесла спокойно и убежденно: «Я внимательно выслушала вас. Но мне совсем не нравятся эти работы. Я не нахожу в них никакой художественной ценности».

По прошествии месяца я добился от компании разрешения работать лишь по утрам. Тем

самым всю вторую половину дня я мог отдавать делам Союза коммунистической молодежи.

Перед лицом угрозы фашизма и войны возникла идея провести Всемирный конгресс молодежи, получившая поддержку известных деятелей, например сеньоры Элеоноры Рузвельт. Конгресс состоялся в Соединенных Штатах, в Вассар-колледже Нью-Йорка. От Чили поехали Рикардо Фонсека, Володя Тейтельбойм, Рауль Ампуэро, Лаутаро Охеда, Фернандо Алегрриа, Марио Рохас, Артуро Венегас, Габриэль Гутьеррес Охеда, Оскар Ормасабаль и никарагуанец Алехандро Бермудес, работавший переводчиком в сантьягском отделении Ассошиэйтед Пресс.

Пока Фонсека находился вне страны, я выполнял его обязанности на посту генерального секретаря Союза коммунистической молодежи. В связи с этим я оставил работу с фотографиями.

Приближались выборы президента республики. Стране предстояло проголосовать за Педро Агирре Серду или за Густаво Росса, за левых или за правых. Третьего было не дано. Зверская расправа в «Кассах рабочего страхования»¹ еще яснее показала, кто есть кто, и напроочь развеяла мечты тех, кто жаждал поднять на щит Карлоса Ибаньеса как кандидата народа. Вся страна осудила это преступление. Среди членов

¹ 5 сентября 1938 года группа молодежи — национал-социалисты — забаррикадировалась в Чилийском университете. Президент республики Артуро Алессандри предложил им покинуть здание, пообещав не применять репрессивных мер. Когда, выйдя из ворот университета, они проходили мимо правления «Касс рабочего страхования», солдаты открыли огонь. Пытавшихся скрыться добивали в помещении касс. Было убито около шестидесяти человек.

национал-социалистской партии, к которой принадлежали парни, павшие жертвами кровавой бойни, ненависть к Алессандри не знала границ. До того момента сторонники этой партии поддерживали кандидатуру Ибаньеса, а на американский империализм нападали лишь за его несогласие с немецким и с целью завоевать симпатии народа. После расправы в «Кассах рабьего страхования», опасаясь потерять опору в массах, они уже не посмели открыто встать на сторону ставленника олигархии и Алессандри, и им пришлось заявить о поддержке кандидата Народного фронта. Так сложилась необычная ситуация, когда участники фашистского движения оказались вынужденными поддерживать кандидата-антифашиста. Это было началом конца нацистской партии Гонсалеса фон Маресеса.

Накануне президентских выборов я зашел постричься в парикмахерскую, находившуюся у въезда на улицу Серрано.

«Буду голосовать за дона Педро,— сказал мне парикмахер.— Если бы я этого не сделал,— добавил он,— считал бы себя предателем родины».

Такие чувства испытывало большинство чилийцев. Да, верно, на этих выборах, в которых участвовало четыреста с лишним тысяч человек, Агирре Серда победил с преимуществом в три тысячи голосов. Но эти результаты лишь очень слабо отражали волю народа, ибо избирательная система допускала самые грубые искажения истинных настроений граждан. Вовсю использовалось голосование по два раза, правые приписывали себе голоса покойников, похищали избирательные урны, голоса покупались и про-

давались. А поскольку Росс не доверял «баранам», как в Чили называют продажных избирателей, то 25 октября, в день выборов, для них устраивали «загоны», то есть собирали всех в одном месте, вручали деньги и, для страховки, скопом везли голосовать¹.

«Загоны» устраивали и для сознательных рабочих. Например, в квартале общественных зданий, возводимом фирмой Франке, с субботы 24-го до вечера 25-го были заперты тысячи рабочих-строителей. Они так и не смогли, как того хотели, проголосовать за Агирре Серду. Поэтому фактически Народный фронт поддерживало значительное большинство населения.

После победы дона Педро Агирре Серды я стал сотрудником газеты «Френте популяр». Ее возглавлял Энрике Бельо, а редактором отдела хроники был Мануэль Астика Фуэнтес, один из руководителей восстания на флоте в тридцать первом году.

В число литсотрудников и репортеров этой вечерней газеты входили Карлос Валенсуэла Монтенегро, Даниэль Кирога, Артуро Аранис, Атильо Молинари и перуанский поэт Луис Ньето. Работать я начал спортивным репортером, потому что штатный сотрудник отдела Альфредо Бургос ушел в отпуск и у него не было замены. Мне довелось давать репортажи о нескольких футбольных матчах на Национальном стадионе, который тогда только-только открылся, и с женского чемпионата страны по баскет-

¹ По мере голосования шел подсчет результатов, и определить «недостачу» не составляло труда. С годами эта система была «усовершенствована». «Бараны» получали одну половину ассигнаций до голосования, а другую — после. Потом деньги склеивали.

болу, проходившего на площадке в первом квартале улицы Артуро Прата.

Я был в редакции в тот вечер, когда в Чильяне произошло землетрясение. Случилось это в одиннадцать часов 29 января 1939 года. Мы, журналисты и фоторепортеры, высыпали во двор. Несмотря на удаленность от эпицентра, земля под ногами ходила, как палуба при качке. На следующий день я уже был в Чильяне. Рауль Реттиг, заместитель министра внутренних дел, выделил для журналистов специальный самолет. Передав репортажи из Чильяна, мы отправились в Консепсьон на гидросамолете, который приводнился в Талькауано.

После победы Народного фронта, как и все преподаватели, уволенные по политическим мотивам, я был восстановлен на работе в системе просвещения. Поехал в Вальдивию, в школу № 1. Спустя два-три месяца Центральный Комитет партии предложил мне вновь перебраться в Икике. Я, разумеется, согласился. Организация партии в Икике выросла, теперь даже в муниципальном совете она имела четыре или пять мест из девяти. Мэр города Луис Валенсуэла был коммунистом. Но популярность и высокое положение вскружили ему голову. Он перестал считаться с партией и в довершение, заскользив по наклонной плоскости, предался разгулу. Некоторые члены партии, особенно среди молодых, пошли у него на поводу. Подобное положение подрывало авторитет партии. В этих условиях и встал вопрос о моем переезде в Икике для оказания помощи местному руководству.

Моя деятельность развивалась в нескольких направлениях: среди молодежи, в системе образования и в журналистике. Меня назначили

главным редактором газеты «Деспертар-де-лос-Трабахадорес» («Пробуждение трудящихся»), основанной еще Рекабарреном. В этом качестве я вошел в состав Центра за прогресс региона, членом которого также стал Радомиро Томич, сменивший Эдуардо Фрея на посту руководителя газеты «Тарапака».

Когда в августе 1939 года генерал Ариосто Эррера поднял мятеж против дона Педро Агирре Серды, Икике энергично выступил в защиту правительства Народного фронта. Наряду с «Деспертар» мне пришлось заниматься и местным радио.

Вспыхнула вторая мировая война. Необходимо было развернуть работу по разъяснению причин и характера вооруженного конфликта, ответственности правящих кругов Англии и Франции, отвергших советские предложения об установлении в Европе системы коллективной безопасности, направленной против агрессии. Я участвовал в этих мероприятиях. В зале «Америка» — так называлось помещение компартии — я прочитал доклад, который потом вышел в икикском издательстве «Эсфуэрсо» под названием «СССР и вторая мировая война». Брошюра с докладом стоила песо. Это была моя первая работа, вышедшая отдельной книжкой.

Партия приобрела для своего Центрального Комитета дом на углу улиц Монеда и Мак-Ивера. Это было огромное двухэтажное здание, занимавшее почти четверть квартала. Стоило оно немногим более восьмисот тысяч песо. Отделы Центрального Комитета и регионального комитета Сантьяго расположились на втором этаже.

Первый оставили под типографию и редакцию газеты «Сигло» («Век»), об издании которой уже было объявлено.

Мне предложили войти в состав ее штатных сотрудников. И я, уволившись по собственному желанию из системы просвещения, покинул Икике. На севере я зарабатывал тысячу двести песо. Как журналисту мне предложили «прожиточный оклад» в семьсот песо. Я с удовольствием согласился. Я был счастлив целиком посвятить себя работе, с которой уже сроднился. Газетное дело пленило меня, как и всех, кто изведal запах типографской краски. Я оставил работу в Союзе коммунистической молодежи, чтобы посвятить себя деятельности в рядах партии.

Пока создавалась новая газета, я вернулся в ее предшественницу — вечернюю «Френте популяр», где к тому времени заправлял делами Эудосио Равинес. Будучи генеральным секретарем компартии Перу, он перебрался из Европы в Чили, поближе к своей стране. Наиболее изопренные враги коммунизма всегда выставляли Равинеса идеологом и главной фигурой Народного фронта Чили, якобы засланным туда Коммунистическим Интернационалом с целью добиться единства левых партий. В подобных утверждениях нет и толики правды. Когда Равинес приехал в нашу страну, Народный фронт уже складывался. В этом направлении коммунистическая партия давно проводила политику, отвечавшую требованиям чилийской действительности. А «заслуги» Равинеса заключались в том, что он пытался сбить партию с верного пути. Он упорно добивался, чтобы на президентских выборах коммунисты поддержали

кандидатуру Ибаньеса, а на страницах газеты «Френте популяр» никак не мог скрыть своих симпатий к нацистам. «Пал Париж!» — такой заголовок он дал в газете, когда гитлеровские войска захватили французскую столицу. Действия, подобные этим, стали привлекать внимание партии. В итоге Равинес был отстранен от всякого участия в партийной работе, а товарищам в Перу сообщено об этом решении и его причинах.

Некоторое время назад, связывая концы с концами, вновь перебирая в памяти поступки Равинеса, перечитывая написанную им откровенно идеалистическую по содержанию брошюру о журналистике и познакомившись с его книгой «Путь Яньаня», я пришел к выводу, что этот прислужник перуанской олигархии скрывал свое истинное лицо до тех пор, пока его не вывела на чистую воду Компартия Чили.

Я заведовал отделом хроники в редакции «Френте популяр», когда в одном из номеров газеты в разделе юмора был опубликован анекдот, вызвавший отрицательную реакцию руководства партии. В этом анекдоте фигурировали Сталин и Гитлер, а также другие исторические личности того периода, кажется Черчилль и Даладье. В беседе с ними Гитлер заверял, что выиграет войну, а английский или французский премьер, не помню точно, спрашивал: «На каком основании вы так утверждаете?» — «Об этом сказал мне бог», — ответил Гитлер. — «Нет, я ему ничего не говорил», — покачал головой Сталин.

Меня отстранили от работы и объявили выговор. Я очень переживал эту историю. Время я решил использовать, чтобы написать что-ни-

будь о жизни О'Хиггинса. Получилось два десятка коротких историй, проиллюстрированных Мартини, прекрасным художником-графиком из газеты «Ора» («Час»), чья редакция находилась в двадцати метрах от «Сигло». У меня была мысль выпустить эти истории небольшой книжкой для чтения в младших классах. Я отнес экземпляр генеральному директору системы начального образования Луису Гальдамесу. Но дело не увенчалось успехом. С годами эти истории затерялись в моих бумагах и в конце концов пропали. Только одна из них, самая длинная — сценическое описание битв при Чакабуко и Майпу, была напечатана в «Сигло».

Первым главным редактором этой газеты был Рауль Барра Сильва. Заместителем у него стал Володя Тейтельбойм, отделом хроники руководил Анибаль Пинто Санта Крус, Хоакин Гутьеррес отвечал за культурную страницу, Альфредо Бургос и Марио Морага — за спортивную, Хуан Техеда (Максимо Северо) и Хосе Эстефания заправляли архивными делами, Андрес Идальго был фотокорреспондентом, мне поручили профсоюзный отдел.

Потом я был репортером, аккредитованным при дворце Ла-Монеда¹, сотрудником отдела хроники, его редактором, заместителем главного редактора и главным редактором. До того, как занял эти две последние должности, я ни разу не «делал» политику. Путь к продвижению открылся передо мной при особых обстоятельствах.

В конце 1940 года в Вальпараисо и Аконкагуа проходили внеочередные выборы на пост

¹ Резиденция президента.

сенатора. Они имели большое значение, поскольку в марте 1941 года предстояли всеобщие парламентские выборы. В этих провинциях Народный фронт дал образцовый бой подкупу избирателей, что обеспечило победу его кандидату, радикалу Анибалью Крусату. Правые подняли шум, угрожая саботировать мартовские выборы, если «коммунистическим ордам» будет и впредь позволено «посягать на свободу избирателя». К несчастью, правительство пошло у них на поводу. Министр внутренних дел Артуро Олаварриа достиг соглашения с оппозицией об изменении избирательного закона. С тех пор контроль над выборами оказался в руках армии. На подкуп избирателей военные смотрели сквозь пальцы, по крайней мере на первых порах.

Так вот в тот день, когда в Вальпараисо и Аконкагуа прошли внеочередные выборы, в редакции собралось множество людей, чтобы отпраздновать их результаты. Многие политики оставались до поздней ночи, обсуждая это событие с главным редактором. Уже за полночь до него дошло, что одна из газетных полос — «дырка»: там оставалось место еще для одного материала. Поскольку визиты продолжались, он вызвал меня и дал задание срочно написать комментарий по поводу этих выборов. Думаю, то, что я сделал, ему понравилось, ибо с тех пор он стал поручать мне писать для этой полосы.

После Консультативного совещания министров иностранных дел американских государств в столице Кубы, на котором чилийское правительство представлял министр экономического развития Оскар Шнаке, социалистическая партия вышла из Народного фронта. И тогда между

социалистами и коммунистами пролегла глубокая трещина. Их межпартийные споры становились все более острыми, временами чуть ли не переходили в «гражданскую войну» в рабочей среде. Воспользовавшись столь серьезным расколом в единстве народных сил, реакция перешла в наступление, и правительство нет-нет да и скатывалось на антикоммунистические позиции.

Мэрию Сантьяго тогда возглавлял социалист Рафаэль Пачеко Стай. Не лучшим образом используя свои полномочия, он послал инспекторов в типографию «Сигло», приказав затем закрыть ее за невыполнение санитарных требований. Спустя четыре-пять дней «Сигло» снова вышла. В номере была помещена солидная подборка фотографий и комментариев о куда большей антисанитарии, царившей в типографии, где печаталась газета социалистической партии «Критика», возглавлявшаяся Роберто Альдунате.

Это был тягостный период в истории рабочего движения и в отношениях между социалистами и коммунистами.

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года, когда в Чили пришло известие об агрессии нацистской Германии против Советского Союза, застала меня в редакции «Сигло» вместе с Рикардо Фонсекой, который был ее новым главным редактором. Все полосы были уже подписаны. Нам пришлось срочно снимать часть материалов. Мы дали сообщение, разумеется, на первую страницу, снабдив его большой фотографией Сталина, а также заголовками и комментариями, выражавшими твердую уверенность в неизбежности поражения фашизма.

Нападение гитлеровцев на Советский Союз и его вступление в вооруженный конфликт в корне изменили характер войны. Победа СССР и его союзников открыла бы перед народами всего мира, как это и показали последующие события, более широкие перспективы для борьбы за социальное освобождение.

Партия начала издавать три новые газеты: «Популяр» («Народная») в Антофагасте, «Сигло» в Кокимбо и «Хорнада» («Рабочий день») в Вальдивии. Временно я был послан в «Популяр». На ее страницах мы отводили много места проблемам жизни и борьбы рабочих, а также военной тематике. Мы перепечатывали сообщения «Сигло», присылавшиеся по каналам агентства Супресс¹, а также комментарии Ильи Эренбурга и Хосе Саладо о героизме советских солдат и всего народа. Эти материалы попадали к нам необычным путем: у нас в редакции работал телеграфистом молодой боливец, он-то и перехватывал по радио военные сообщения и материалы, передававшиеся телеграфными агентствами для столичных газет. Я забыл его имя. Помню только, что мы называли его «наш воздушный пират».

Пребывание в Антофагасте дало мне возможность досконально изучить эту провинцию. Я побывал в Чуки, Токопилье и на всех селитряных карьерах. Сесилия и Консепсьон были самыми горемычными. Первый находился рядом с Пампа-Уньон — поселком, который со временем совсем исчез, как и все карьеры, где рабо-

¹ Сокращение от английского Soviet Union Press — Совет Унион Пресс.

тали по старой системе Шанкса¹. Концепсьон назывался еще «клоповник». Там я как-то провел ночь в одном из домов, но спать насекомые не дали. Едва я гасил свет, как они падали на мою кровать. В конце концов я решил спать при свете. Однако на потолке клопов было такое множество, что, следя за их передвижением, я так и не сомкнул глаз.

В Мария Элена и Педро-де-Вальдивия зарплата, а также условия жизни и труда были лучше. Но и там над рабочими тяготели весьма серьезные проблемы. Компании «Англо-Чилиан» и «Лаутаро Нитрейт» предпочитали брать на работу холостяков, чтобы сэкономить на жилье и меньше тратиться на мелочные лавки, где многие товары продавались по цене ниже их стоимости, как это было договорено с профсоюзами. Таким образом, среди рабочих было много неженатых, а также женатых, но поступивших на работу под видом холостяков, ибо иначе их не взяли бы. Компании потихоньку превращались в платных сводниц, привечая проституток, забредавших в эти поселки. За ними устанавливали медицинский надзор, чтобы избежать потерь рабочей силы из-за болезней. Раньше в Мария Элена и Педро-де-Вальдивия проституток не пускали. И холостяки отправлялись искать удовольствий в Пампа-Уньон или же спускались в Токопилью или Антофагасту. Многие из них, подцепив гонорею, выбывали из строя. Это не устраивало хозяев, и они изменили свою позицию.

Нечто похожее происходило и в Чукикамате. Там холостые рабочие жили в многокомнатных

¹ Система добычи и обработки селитры, требовавшая огромного физического труда.

бараках, которые назывались «баркасами». Проституток, приходивших в их «каюты», окрестили «морячками». «Морячка» обитала в комнате рабочего. Ночью она спала с ним, не беря за это ни сентаво. А днем, когда он работал, пользовалась комнатой, обслуживая — уже за деньги — клиентов из других смен.

Все это глубоко запало мне в душу. Я увидел своими глазами, что любовь и семья — редкие гости на предприятиях империалистов.

Я был в Антофагасте, когда немецкое посольство в Сантьяго предъявило иск газете «Сигло» за оскорбление главы иностранного государства, с которым Чили поддерживала отношения. Я был зарегистрирован в качестве ответчика редакции. Меня арестовали, и дней десять я провел в антофагастской тюрьме. Моими наиболее близкими товарищами там были двое служащих из ведомства почтовой и телеграфной связи, привлеченных к суду за растрату. По ночам им снились кошмары, чудилось, будто с их родственниками творятся ужасные вещи, и они теряли присутствие духа. Меня переправили в столицу, где я должен был предстать перед судом. Как только меня оправдали, я вновь окунулся в работу редакции.

В те годы, при правительстве Хуана Антонио Риоса, все наше внимание было приковано к войне, от исхода которой зависела судьба человечества. Газета была самым страстным вдохновителем кампании солидарности с Советским Союзом и всем антифашистским лагерем. Она вела активную борьбу за разрыв отношений с державами оси Берлин — Рим — Токио, чего удалось добиться лишь к концу войны. Сильное противодействие правых оттянуло этот шаг.

Как-то один из руководителей партии, заглянув в редакцию, сообщил мне, что одна из участвующих в скачках «Клуба конного спорта» лошадей носит кличку Жуков. «Ты посмотри,— сказал он,— до чего доходят эти негодяи!» Я тоже возмутился и тотчас написал хлесткий комментарий, обрушившись на хозяина лошади, вне всякого сомнения, фашиста, позволившего себе наглость дать ей имя маршала.

В тот же день, когда вышла эта заметка, ко мне в кабинет вошел высокий человек средних лет. Он выразил решительный протест по поводу той «затрещины», которую я ему дал. Мы поменялись ролями. Объясняться пришлось уже не ему, а мне. Посетитель оказался югославом, антифашистом сердцем и душой, да вдобавок другом коммунистов. Его визитной карточкой был чек в партийную кассу. «Как югослав,— сказал он мне,— я за освобождение моей родины, и Россия для меня — мать всех славян. Я восхищаюсь Жуковым и поэтому дал его имя моему коню».

Эта маленькая неудача показала мне, что нужно знать, как и чем живут другие люди, и принимать их такими, какие они есть, а не какими их кто-то представляет себе или хочет видеть.

Как раз в те дни адвокат Герардо Ортусар попросил меня выступить свидетелем на бракоразводном процессе. Считается, что в Чили не существует развода, однако это не совсем так. Развод имеет место, но по очень веским основаниям и без юридического расторжения семейных уз. Закон отменяет совместное проживание, но не дает супругам права на повторный брак. Никто не прибегает к столь своеобразному раз-

воду. Бедняки просто расходятся. А те, у кого есть деньги на адвоката, нотариуса и прочие издержки, пользуются — при согласии обеих сторон — лазейкой в законе, позволяющей считать брак недействительным. В этом случае свидетели удостоверяют, что в момент бракосочетания никто из супругов не проживал в том округе, который официально указан в книге регистрации актов о заключении брака. Благодаря этой уловке брачный союз объявляется недействительным и стороны получают право на повторное супружество. Это и есть настоящий развод по-чилийски.

Судья принял у меня соответствующую присягу.

«Клянетесь либо обещаете говорить правду о том, что у вас будут спрашивать?» — «Да, обещаю».

Следующее действие обязывало нотариуса заслушать мое заявление.

Нотариус сидел за маленьким рабочим столиком в двух-трех метрах от судьи. Он взял у меня удостоверение личности, переписал имя и фамилию, спросил адрес, женат я или холост, и начал записывать и одновременно зачитывать вслух историю, пересказ которой занял бы слишком много места, да в этом и нет необходимости. Речь шла о том, каким образом и почему именно я могу засвидетельствовать, что никто из супругов не проживал в округе, где, согласно официальным документам, произошло бракосочетание. Не произнося ни звука, я с интересом и изумлением следил за рассказом нотариуса. Исписав несколько страниц, тот вдруг остановился и изрек: «Ну, хватит ломать комедию. Пожалуйста, подпишите».

Церемонный судья восседал за своим пюпитром, перелистывая гражданский кодекс. Потом он выполнит оставшиеся формальности, вынесет приговор, тот пойдет в верха на утверждение, после чего будет признан недействительным брак, который определяется законом как «торжественное соглашение, соединяющее мужчину и женщину нерасторжимо и на всю жизнь».

В 1943 году Коммунистический Интернационал был распущен. Он выполнил свою главную задачу — содействовать формированию в различных странах компартий и внедрению в их повседневную практику принципа пролетарского интернационализма. Причины, вызвавшие его создание, были в основном исчерпаны, а с другой стороны, возникла необходимость, чтобы каждая партия, руководствуясь единым учением, действовала смело и творчески в решении насущных национальных проблем. Вот почему Коммунистический Интернационал принял постановление о самороспуске. Мне довелось разъяснять это событие читателям «Сигло» в нескольких статьях, которые заняли целую страницу.

Когда исход военного конфликта был уже не за горами и пришла пора подумать о послевоенном периоде, Генеральный секретарь Компартии США Эрл Браудер явил миру, и в частности Латинской Америке, насквозь идеалистическую концепцию будущего. По Браудеру, выходило, что близок день, когда появится точка совпадения интересов капитализма и зависимых стран. И развитие последних пойдет якобы на пользу и тем и другим. Из этой абсурдной концепции

неизбежно вытекали ошибочные выводы, шедшие вразрез с теорией классовой борьбы и с интересами угнетенных народов. «Браудеризм» оказал влияние на коммунистические партии континента, некоторые из них даже сменили название и забыли о своей авангардной роли. Коммунистическая партия Чили была одной из тех, кто в меньшей степени поддался этому уклону, хотя и тут не обошлось без потерь. Ее верная в целом политика национального сплочения в борьбе против фашизма приняла такую форму, которая в итоге несколько ослабила самостоятельную борьбу пролетариата. Я чрезвычайно пристально следил за развитием событий и принял сторону тех товарищей, кто, как Рикардо Фонсека, Гало Гонсалес и Володя Тейтельбойм, дал бой этому уклону.

После разгрома гитлеровской Германии сложилась ситуация, не имевшая ничего общего с тем, о чем грезил Браудер. За «горячей» войной последовала «холодная». На востоке и в центре Европы в остром единоборстве между силами реакции и прогресса возникли государства народной демократии. На европейском западе американский империализм приложил немалые усилия, чтобы спасти буржуазный строй. В Чили первыми проявлениями «холодной войны» были кровавые события на площади Бульнеса¹ и создание правительства «третьего фрон-

¹ В январе 1946 года на севере забастовали рабочие селитряных копей. Конфедерация трудящихся Чили призвала страну к забастовке в их поддержку. 28 января на площади Бульнеса в центре Сантьяго, рядом с дворцом Ла-Монедра, был организован митинг солидарности с бастующими. Окружившие площадь правительственные войска открыли огонь.

та». Антикоммунизм обрел плоть. Сформировалось Чилийское антикоммунистическое действие. «Сигло» несколько раз закрывали. Днем и ночью мы несли вахту. Чтобы предупредить возможные нападения, дежурили даже на крыше здания. Между социалистами и коммунистами произошла ожесточенная стычка, и Конфедерация трудящихся Чили оказалась расколотой. Отражая натиск реакции, решительно поднялись широкие народные массы, и на этой волне возникло правительство Гонсалеса Виделы, куда вошла компартия. Но президент республики и руководство радикалов уступили нажиму империализма. И предательство состоялось.

В течение нескольких лет я вел кочевую жизнь. Любовь моей юности оказалась не прочной. Я влюбился в Лили и женился на ней 14 декабря 1946 года.

Лили работала в газете, сначала помощником ассистента по личным вопросам¹, потом — секретарем главного редактора, которым был я.

Много сказано и написано о том, как начальники «через службу ищут дружбу» со своими секретаршами. В моем случае дело приняло иной оборот. Лили вознамерилась завоевать меня. Начала она с того, что запирала на ключ дверь моего кабинета снаружи, чтобы никто не отрывал меня от работы, а закончила, запирая ее изнутри и не раз отрывая меня по приятным поводам.

Я рассказываю об этом истины ради и в знак преклонения перед Лили, ибо не знаю, какому дьяволу обязан, но я всегда внушал окру-

¹ Сотрудник, занимающийся улаживанием личных проблем — бытовых, материальных и т. д. — работников предприятия.

жающим какой-то почтительный страх, а она этот страх преодолела.

Раньше я был противником брака. И в этом заблуждался. Теперь я понимаю, что одна из радостей жизни — это домашний очаг, сначала твоих родителей, а потом твой собственный. Но в этом заблуждении был и свой плюс. Оно спасло меня по меньшей мере от одного ошибочного брака. В Лили я нашел тип женщины, которого не встречал раньше. В ней были и красота, и шарм, но, помимо этого, я обнаружил в ней неиссякаемую, исходящую от самого сердца приверженность делу партии. Уроженка Икике, дочь портового грузчика и кухарки, она с раннего детства видела, как пламенеет флаг партии. Тридцать лет, пройденные рука об руку через радости и горести, подтверждают, что я поступил верно, поддавшись ее чувству и ответив на него своей безграничной любовью.

Из подполья к легальной жизни

Сразу после моей женитьбы к нам переехала мать вместе с моей сестрой Далилой. Я был счастлив, что они живут с нами под одной крышей. Но это счастье длилось недолго. Начались репрессии против коммунистов, и я получил приказ «лечь на дно». Я перебрался в дом Атилио Молинали на улице Артуро Прата, 1400 с чем-то. О моем пристанище, кроме Рикардо Фонсеки, знал только большой друг Молинали, Карлос Дрогетт, который почти каждый вечер приходил поболтать с нами. Потом я жил в районе Кинта Нормаль, далее — на трех разных квар-

тирах в Сан-Мигель и в одном из домов у подножия холма Сан-Кристобаль. Лили, мать и Далила уехали на юг с Луисом Альберто, нашим первенцем, которому было всего несколько месяцев. Лили жила одно время в Кабрерии, рядом с Майтенреуэ, к западу от Анголя, где мои братья купили клочок земли.

Не прошло и нескольких месяцев после начала репрессий, как Кругок журналистов организовал торжественное собрание в актовом зале Чилийского университета, чтобы вручить своим членам значки и удостоверения работников прессы. Коллегия журналистов тогда еще не была учреждена. По решению партии я прибыл на это собрание в окружении группы журналистов и фоторепортеров. В тот момент, когда я получал удостоверение и значок, в зале вспыхнули аплодисменты и раздались выкрики против президента республики. Полиция попыталась схватить меня, но мы оказались проворнее. На улице в машине с заведенным мотором нас поджидала другая группа товарищей. Скрылись мы без особого труда.

«Сигло» продолжала выходить, правда зажатая в тисках цензуры. Я переправлял в редакцию статьи. У меня уже был кое-какой опыт работы в подобных условиях, поскольку при правительстве Дуальде «Сигло» неоднократно подвергалась контролю цензоров. Помню, среди них были поэт Карлос Касассус и драматург Серхио Воданович. Я так редактировал свои материалы, что они становились проходимыми. Но не всегда это удавалось. Некоторые статьи увидели свет, другие были отвергнуты цензорами или искромсаны до неузнаваемости. Наступил момент, когда продолжать издание газеты

стало нецелесообразным. Ее распространению чинили всяческие препятствия, а цензура еще более ужесточилась. В этих условиях ежедневное появление «Сигло» способствовало тому, что как в стране, так и за рубежом складывалось впечатление, будто существует свобода печати. И партия решила приостановить выпуск газеты.

В то время я писал также для «Санкудо» («Комар»), колючей сатирической газеты, которую мы нелегально печатали на mimeографе. Затем партия оборудовала подпольную типографию в одном из домов на улице Куриньянки, в районе Сан-Мигель. И началось издание «Вердад» («Правда»), где было больше страниц и лучше печать. Я возглавлял эту газету. К несчастью, через несколько месяцев полиция обнаружила типографию, и нам пришлось вновь прибегнуть к mimeографу. Региональные и местные комитеты партии, а также некоторые партийные ячейки выпускали свои собственные газеты и печатали прокламации — тоже на mimeографе.

Значительную часть времени я посвящал чтению. Кроме того, написал книгу — политический репортаж о нескольких годах борьбы чилийского народа. Она условно называлась «И придет наш день». Доминго Пига, в чьем доме я скрывался, предложил спрятать рукопись в своем рабочем кабинете, в здании Экспериментального театра Чилийского университета. Я согласился. Надежность места не вызывала сомнений. Но вот как-то вечером Пига принес неприятнейшее известие: рукопись исчезла. Кто-то из служащих университета обнаружил ее и отнес ректору, Хувеналию Эрнандесу.

Тот приказал сжечь рукопись, а второго экземпляра у меня не было.

Мне поручили возглавить Комиссию ЦК по пропаганде, куда вошли Карлос Росалес, Эухенио Вальехос и врач Эрнан Сануэса, в чьем видавшем виды автомобиле я неоднократно ездил.

Это были времена самых жестоких репрессий. Около двух тысяч ссыльных томилось в Писагуа, сотни — в других местах, за свое революционное прошлое тысячи тружеников были выброшены на улицу. Удары диктатуры в значительной мере расчленили партию. Товарищи, отличавшиеся энтузиазмом в период подъема народного движения, перед лицом временных успехов врага утрачивали веру в себя, теряли присутствие духа, а кое-кто даже принялся клясть в хвост и в гриву политику и деятельность партии. Короче говоря, репрессии достигли апогея и инициатива была в руках неприятеля.

В те дни и родились ставшие крылатыми слова Карлоса Росалеса. Когда у него спрашивали, как идут дела, он, не задумываясь, отвечал, имея в виду правительство: «Мы положили его на лопатки».

Безграничный, ни на чем не основанный оптимизм не приносит пользы. Чаще всего это признак бездеятельности, а порой и угнетенного состояния духа. Но это не имеет никакого отношения к Росалесу, который всегда отличался активностью и энтузиазмом.

В Комиссии по пропаганде мы заботились о том, что впоследствии стало постоянной политической линией партии: использовать любую легальную лазейку, чтобы нести свое слово народу и одновременно создавать самую широкую —

насколько возможно — сеть подпольных изданий. Уже после того, как прекратился выпуск «Сигло», нашим первым шагом на пути развертывания легальной пропаганды стало издание газеты «Опосисьон» («Оппозиция»). Ее редакцию мы разместили в доме врача Сануэсы на улице Натаниэля, рядом с площадью Альмагро. Легальным редактором этой газеты стал Хайме Файвович, только что окончивший правовой факультет Чилийского университета. После «Опосисьон» мы начали открыто издавать «Пуэбло» («Народ»), а несколько позже — «Демокрасиа» («Демократия»), нам удалось наладить ее ежедневный выпуск. Ее главным редактором был журналист Франсиско Хавьер Нейра, в прошлом — рабочий-угольщик. Что касается подпольных изданий, то здесь следует отметить Эухенио Вальехоса, отвечавшего за вопросы пропаганды в региональном комитете Сантьяго.

Рикардо Фонсека неоднократно привлекал меня к совместной работе. Я работал с ним в течение многих лет: сначала среди молодежи, потом — в «Сигло». Он держал меня в курсе политических дел, часто помогал советами по вопросам пропаганды, а кроме того привлекал к работе над партийными документами. Мы вместе писали многие речи, с которыми Фонсека выступал в палате депутатов, в частности ту из них, где он разоблачил неправомерный и направленный на удушение свободы закон «О защите демократии».

Когда репрессии диктатуры пошли на спад, мы с Лили решили, естественно, согласовав этот вопрос с партией, возродить наш домашний очаг. Мы сняли дом в поселке Сан-Рамон, в рай-

оне Ла-Систерна, а потом в Эль-Сальто, в Кончали. Я «всплыл» под именем Луиса Корреа. Я не был широко известной личностью, редко когда появлялся на фотографиях в «Сигло». Это дало мне определенную свободу действий.

Помимо партийных поручений мне приходилось думать и о том, как прокормить семью. В поселке Сан-Рамон я занялся разведением цыплят и кроликов. Результаты были более чем скромные, главным образом потому, что как-то ночью нескольких птиц у меня украли. В Эль-Сальто я приторговывал дровами, углем, овощами и зеленью. Кроме того, изготовил небольшую партию мыла. Зеленью меня снабжали владельцы мелких участков, разбросанных в окрестностях Кончали, но большим спросом этот товар не пользовался. Не раз нам с Лили приходилось выходить с корзинами на улицу и сбывать овощи в убыток себе. Это было все-таки лучше, чем дожидаться, пока они сгниют и пропадут вовсе.

Смерть Фонсеки была тяжелейшим ударом для партии и для меня лично. Я не смог присутствовать на его похоронах. Вместо меня пошла Лили, хотя вот-вот должна была родиться наша дочь Лили Анхелина. Похороны проходили в субботу, во второй половине дня. В траурной процессии шло не менее пятнадцати тысяч коммунистов. Впервые со времени предательства Гонсалеса Виделы партия развернула на улицах Сантьяго свои знамена. Несколькими днями раньше в столице вспыхнула увенчавшаяся победой борьба масс против повышения платы за проезд на общественном транспорте. Оба события показали, что диктатура выдохлась, теряла силы, в то время как трудящиеся, народ обретали все большую веру в самих себя.

Я жил на улице Венесуэлы в Эль-Сальто, когда 4 января 1950 года к нам нагрянули агенты сыскной полиции. Я снимал дом, принадлежавший Гальварино Ривере, который был председателем палаты розничной торговли, а позднее — при правительстве Ибаньеса — членом палаты депутатов от второго избирательного округа Сантьяго. Одна из сестер Лили, Эльса, вместе с мужем и детьми, переехала жить к нам. Учитывая финансовые трудности, которые испытывали обе семьи, это наше сообщество было обоюдовыгодным. До переезда Эльса жила на улице Сантоса Дюмонта, на склоне холма Сан-Кристобаль. У ее мужа была там мебельная мастерская. В ней, затерявшись в стружках, и остался пакет с документами, сохранить которые им поручила партия. Хозяин дома нашел его и отнес в полицию. Там установили, кто снимал дом и куда переехали эти люди. Так, разыскивая моего свояка, полиция наткнулась на мое убежище.

Арестовали меня на рассвете. В тот же день, ранним утром, бросили в одиночку в главное управление сыскной полиции на улице Генерала Макены. Это была камера размером два на три метра, с зарешеченным окошком, сквозь которое едва пробивался свет. На цементном полу стояли деревянные нары и параша. Стены были испещрены надписями, оставленными заурядными уголовниками.

«Я здесь по своей же дурости», — гласила одна из них.

«Я — козел отпущения», — возвещала другая.

Часто попадались мольбы к господу и клятвы в невиновности.

Ночью меня повели на один из верхних этажей здания. Там в течение долгих часов шло

«дознание». Трое полицейских, одним из которых был Дуглас Сааведра, жестоко били меня. Временами я терял сознание. Едва приходил в себя, как они вновь брались за дело. Мне повредили ухо. Когда они то ли устали, то ли убедились, что ничего компрометирующего моих товарищей вырвать им не удастся, меня отвели в камеру. Я растянулся на нарах, укрыться было нечем. К счастью, стояло лето, и, несмотря на то что было часа два-три утра, холода я не чувствовал. Измученный побоями и в глубине души довольный тем, что с честью выдержал испытание, я заснул крепким сном. Вечером следующего дня меня вновь вызвали. Я подумал, что возобновится «дознание». Однако этого не случилось. Меня провели в какую-то комнату, оказавшуюся кабинетом комиссара Форча. Там находилась делегация от Клуба журналистов — Хуан Эмилио Пакуль, Андрес Идальго и Марио Саес. Я был приятно удивлен и тотчас заметил, что и на них произвело впечатление то, как я выглядел. Мое лицо было сплошь в синяках. Кроме того, в течение примерно сорока часов у меня во рту не было и глотка воды. Лили принесла мне еду и два одеяла, но их передали лишь после визита журналистов.

У меня сложилось впечатление, что комиссар Форч не знал, в каком я виде, ибо в противном случае он, мне кажется, по меньшей мере отсрочил бы свидание. Будучи в легком замешательстве, Форч поспешил заявить, что заключенные имеют обыкновение избивать друг друга в камерах, чтобы потом свалить вину на полицию и добиться как минимум перевода в больницу.

«Но это не имеет ко мне никакого отношения», — ответил я твердо и вкратце рассказал о побоях, которым меня подвергли.

Больше меня не избивали и перевели в спортивный зал сыскного управления. Там я пробыл около пятнадцати дней вместе с Хуаном Варгасом Пуэблой и Эдуардо Сейхо. Варгас Пуэбла часто вспоминал и рассказывал нам, как он раньше работал штукатуром и строил это самое здание. Сейхо, который родился в Чили, но с малых лет рос в Аргентине, был самым видным перонистским руководителем мебельщиков Буэнос-Айреса. Разочаровавшись в перонизме, он встал на политические позиции, близкие к тем, что занимали коммунисты. По этой причине правительство выслало его из Аргентины на родину.

Меня сослали в Петруфкен, где я застал еще троих ссыльных — рабочего с медного рудника «Эль-Теньенте», служащего из лаборатории «Петризио» и торговца из десятого района Сантьяго. Городок этот стал нашей тюрьмой, нам вменялось в обязанность ежедневно отмечаться в полицейском участке. Спали мы в одном из помещений городского стадиона, выделенном для нас мэром Луисом Муньосом Монхе, который потом, при правительстве Ибаньеса, стал начальником главного сыскного управления. Наши матрасы были набиты соломой — канареечными перьями, как говорят крестьяне. Чтобы покрыть расходы на еду, мы работали на двух стройках. На одной из них пришлось рыть выгребную яму. Копать землю, выбрасывать щебень и камни было довольно изнуряющей работой. Мы уставали, как собаки, что, правда, имело положительную сторону: ночью спали

сном праведников, не чувствуя укусов блох, которых в помещении стадиона было полным-полно.

Диктатура уже надорвалась на более чем двухлетнем правлении страной с помощью введения осадных положений и законов о чрезвычайных полномочиях. Движение борьбы за свои права, развернутое в конце лета служащими, объединило большинство народа и, помимо прочих завоеваний, принесло свободу узникам Писагуа и всем ссыльным. Таким образом, после двух или трех месяцев пребывания в Петруфкене я оказался на свободе. По пути в Сантьяго я навестил мать, которая жила в то время в Кабрерии. Чтобы не волновать ее, братья и сестры скрыли известие о моей ссылке.

Лили с Луисом Альберто и Лили Анхелиной, двумя старшими детьми, устроилась в доме у своей сестры Мануэлы. Когда я вернулся в Сантьяго, мы решили снять две комнаты и в поисках пробегали, высунув языки, целую неделю.

«Вы одни или с детьми?» — задавали нам один и тот же вопрос.

«У нас двое малышей».

«О какая жалость! Я так люблю детей, — сказала одна сеньора, — но видите, у меня здесь клумбочки, а малыши их потопчут».

«Сожалею, — сказала другая, — но мой муж работает по ночам, а днем спит, и ему нужна тишина».

«Не могу сдать вам комнаты, — сокрушалась третья. — Вы видите, дворик такой маленький, и негде вешать белье».

В те дни я встретил журналиста Франклина Кеведо. «А почему бы тебе не соорудить свой

домишко?» — спросил он. «Но у меня нет участка». — «Я тебе все устрою».

Сказано — сделано. Франклин Кеведо раздобыл для меня временный участок. Принадлежал он Луису Миранде Ларраоне, чиновнику из отделения матери и ребенка Национального медицинского управления служащих. Персонал этого управления закупил участки в Ла-Систерне, разбив их потом на более мелкие, чтобы получилось дешевле. Хозяином одного из них и был Миранда. С миру по нитке доставал я необходимые материалы. Андрес Эскобар, казначей Центрального Комитета, выделил мне несколько дверей и оконных рам из дома на улице Лиры, принадлежавшего дону Танкредо Пиночету и приобретенного партией под типографию «Сигло». Рано или поздно ее выпуск должен был возобновиться, и с учетом этого дом перестраивался. А посему кое-какие материалы списывались. Вирхилио Фигероа подарил мне черепицу.

Я заплатил мастеру, и тот соорудил домишко. Он был с двускатной крышей, всего из двух комнат, с глинобитными стенами, которые крепились к угловым стойкам проволокой, без потолка и с земляным полом. Электричества не было: пользовались свечами и керосиновой лампой, привезенной тестем и тещей из Икике. Не было и водопровода. Мы ходили за водой к колонке на углу. Располагался дом в двух кварталах к западу от проспекта Гран-Авенида; если ехать по улице 18 сентября, это между остановками 28 и 29.

С помощью тестя — родители Лили переехали к нам — я вырыл выгребную яму, оборудовал кухню, обнес участок штакетником и проволо-

кой, посадил фруктовые деревья, картошку, фасоль и зелень. Пришла весна, и домик, выбеленный известью, с садиком и огородом выглядел очень красиво. Мы были безмятежно счастливы. Но однажды в воскресенье пришел один сеньор и дал нам от ворот поворот.

«Кто вам разрешил строиться на этом участке?» — вопрошал он с негодованием. «Его хозяин», — ответил я. «Хозяин — я». — «Нет, сеньор. Хозяин — Луис Миранда Ларраона». — «А я говорю, что нет. У Миранды другой участок».

В результате выяснилось, что Миранда ошибся. Мы сделали все возможное, пытаюсь договориться с истинным владельцем участка. Предлагали обмен или же, чтобы он заплатил нам за дом. Но хозяин был непреклонен. У нас не оставалось иного выхода, кроме как разобрать дом и выстроить его заново там, где полагалось.

Новый дом мы сделали более добротно и из четырех комнат, но на протяжении нескольких лет нам не удавалось более или менее обжить его. В первую зиму потолок был только в двух комнатах, и не хватало еще многих дверей и оконных рам. По моему плану в одной комнате должно было быть четыре двери, в другой — две и по три — в остальных. Кроме того, почти все комнаты были с окнами.

«Тебе не кажется, что дверей многовато?» — спросила Лили архитектора Рауля Барренечеа, когда тот навел нас.

«Все хорошо», — сказал он ей.

Я почувствовал себя победителем в этом споре с женой. Лили же по-прежнему была убеждена, что наш друг-архитектор из ложно пони-

маемого им чувства уважения ко мне скрыл свое истинное мнение. Несколько дней спустя, повстречав Барренечеа в центре города, она вернулась к этой теме. Теперь он заявил, что дверей и впрямь излишек. «А почему же ты не сказал об этом Лучо?» — «Да как тебе такое может прийти в голову? Зачем же его огорчать?»

Исполненная гордости, с видом победителя, влетела Лили в дом и рассказала мне об этой встрече. Со временем мы заделали несколько дверей.

Не прошло и года после смерти Фонсеки, как секретарь ЦК по оргвопросам Луис Рейносо был исключен из партии за фракционную деятельность и авантюристическую политику. Заклучалась она в так называемых «прямых действиях»: было сколочено несколько ударных групп, которые совершали налеты на булочные и бесплатно раздавали хлеб жителям окрестных домов. Такая политика тормозила борьбу масс, подменяла ее борьбой мелких групп, изолировала партию, затрудняла выход из подполья и способствовала репрессиям, безрассудно приумножая число жертв полицейских облав.

Рейносо зашел в своих интригах так далеко, что послал одного из своих людей, Бенхамина Кареса, на проходивший в Варшаве Всемирный конгресс сторонников мира и отправил с ним документ, обращенный к некоторым коммунистическим партиям, в котором обрушивался с нападками на политику и руководство Компартии Чили. На этом конгрессе присутствовал Неруда. Косвенным путем, не через Кареса, он

ознакомился с документом, сразу понял, что речь идет об антипартийном заговоре, и дал знать об этом Гало Гонсалесу, сменившему Рикардо Фонсеку на посту Генерального секретаря. Попытка предательства вызвала в партии возмущение раскольнической группой, которая, как выяснилось, состояла всего из нескольких отщепенцев. Некоторое время спустя их изгнали из наших рядов, и группа эта прекратила свое существование.

После ликвидации ффракции Рейносо один из руководящих членов партии сказал мне, что нашей главной заботой должна быть борьба, но такая, которая не повлекла бы за собой новых жертв. Я выразил несогласие с его точкой зрения, а потом обсудил этот вопрос с Гало Гонсалесом. Тот понял, что подобная позиция неверна, ибо она тоже наносила урон развитию движения масс и борьбе за легализацию партии. Конечно же следовало беречь членов партии, не бросать их под копыта лошадей, обучать борьбе в самых сложных условиях и быть непреклонными в строгом соблюдении норм и правил подпольной работы. Но не бывает борьбы без жертв, без того, чтобы какая-то часть бойцов не пала под ударами врага.

С Гало Гонсалесом мы виделись дважды в неделю. Вместе работали над докладами и статьями. Издавали нелегально журнал Центрального Комитета «Принсипиос» («Принципы»). Гонсалес поручил мне написать биографию Рикардо Фонсеки.

Настоящим подвигом было издание в условиях подполья «Всеобщей песни» Пабло Неруды. Америко Соррилья наладил отличную систему, позволявшую перебрасывать с одного места

на другое специалистов и материалы. Множество людей работало в этом деле рука об руку. Оттиски фальцевали в доме священника, владельца крошечного участка в Кончали. Когда книга была готова, тираж рассредоточили по разным домам и организовали продажу. Большая часть экземпляров хранилась в одной из усадеб в горах, опоясывающих Сантьяго, ее нашел Виктор Бьянки. Он работал в отделе национальных угодий министерства земель и очень помог нам, когда Неруду тайно переправляли через чилийский юг на территорию Аргентины. Я знал Бьянки по редакции «Сигло», куда он одно время приносил свои карикатуры. Мне поручили поговорить с ним как раз насчет тайника для «Всеобщей песни». Кроме того, мне довелось вместе с Родольфо Доносо читать корректуру оттисков. Часть этой работы мы проделали на квартире Ольги Уртубии, жившей на улице Виктории Суберкасо, напротив холма Санта-Лусиа, в двух шагах от комиссариата полиции. Я ездил также в Пуэрто-Монт, организуя продажу книги. Пабло с его неизменной чуткостью к делам партии любил это издание больше всех других, выпущенных во многих странах, несмотря на то, что есть среди них просто-таки великолепно оформленные.

В начале пятьдесят второго года все настойчивее вставал вопрос о президентских выборах, ибо срок полномочий Гонсалеса Виделы подходил к концу. С целью выдвижения единого кандидата были установлены контакты с народно-социалистической партией. Но эта партия, руководимая Ампуэро, провозгласила своим кан-

дидатом Ибаньеса, и на том переговоры закончились. Группировка, которую возглавлял Сальвадор Альенде, не согласилась с кандидатурой Ибаньеса и перешла в ряды социалистической партии Чили. Вместе с ней мы выдвинули Альенде. Он собрал чуть более пятидесяти тысяч голосов. Поскольку никаких шансов у него не было, основная борьба шла между Артуро Матте и Карлосом Ибаньесом, который и победил, получив абсолютное большинство. Но кандидатура Сальвадора Альенде положила начало принципиальной позиции, которая с годами превратилась в подлинно революционную и общенародную альтернативу.

В те дни я еще раз повстречал Хоакина Мартинеса Аренаса. Тот сказал, что Ибаньес — лошадь без седока и что народно-социалистическая партия, оседлав его, захватит бразды правления. События показали, что это мнение было ошибочным.

Еще до прихода Ибаньеса к власти мы возобновили издание «Сигло», которой руководил Орландо Мильяс. Он попросил меня написать передовую для первого номера газеты, переживавшей второе рождение. Я подписался своим именем и вынес в заголовок слова «Как мы говорили вчера...». Этими словами монах Луис де Леон¹ возобновил цикл своих лекций в университете Саламанки после того, как несколько лет отсидел в тюрьме по приговору инквизиции. Мы с Лили вернулись на работу в редакцию, но главной моей обязанностью в партии оставалась пропаганда, за которую я и отвечал.

¹ Луис де Леон (1527—1551) — испанский поэт.

Кандидатура Альенде вызвала к жизни Фронт народа, куда вошли коммунистическая партия, социалистическая партия, демократическая партия и партия труда. К тому же создание Единого профцентра трудящихся Чили положило конец расколу в профсоюзном движении. Обстановка позволила партии на несколько лет перейти на полулегальное положение. Более того, ее голос стал звучать со страниц некоторых органов печати. Я использовал связи с журналистами, чтобы высказывать в печати мнение партии по злободневным политическим проблемам, переживаемым страной. Очень хорошо помню, как в журнале «Веа» («Смотрите»), в частности, было опубликовано интервью с Гало Гонсалесом. Я сам сделал его и отдал Хенаро Медине, главному редактору журнала. Это было хорошей журналистской сенсацией, и Медина с удовольствием напечатал интервью.

В первой половине пятидесят пятого года правительство Ибаньеса обрушилось с репрессиями на рабочее движение и партию. Во время одной из полицейских облав мне пришлось скрыться. Полиция ворвалась в наш дом. Филеры унесли все мои книги. Спустя короткое время, в июне, я совершил первое путешествие в Советский Союз. Прodelать его пришлось с фальшивыми документами, ибо министерство внутренних дел, руководимое Карлосом Монтеро Шмидтом, дало паспортно-регистрационному управлению указание не выдавать паспорта членам компартии и другим представителям левых сил. С поддельными документами я выехал в Аргентину. Фотографию с номером¹ сделал мне

¹ Номер на фотографии должен совпадать с номером удостоверения личности.

Антонио Кинтана, снимавший квартиру на улице епископа Оррего, рядом с площадью Италии. Из Сантьяго я отправился в Пуэрто-Варас, где остановился в отеле для туристов. На следующий день я отбыл на автобусе в Петроуэ. Потом переправился на лодке через озеро Тодос-лос-Сантос и заночевал в Пеулье. Там находятся чилийская таможня и полицейский контрольно-пропускной пункт, через которые я прошел без особых затруднений. Еще на одном автобусе, поменьше размером и с особым приспособлением для расчистки дорог от снега, я пересек Кордильеры и оказался в Лагуна-Фриас, на первом аргентинском пограничном посту. Там и застало меня переданное по радио в полдень сообщение о попытке военного переворота с целью свержения Перона. Он пошатнулся, но не пал. Падение Перона произошло несколько месяцев спустя. Из Лагуна-Фриас я проследовал до Барилоче, сначала по суше, а потом на баркасе через Нау-эль-Уапи. Когда под вечер следующего дня я приехал на вокзал, чтобы ночным поездом отбыть в Буэнос-Айрес, кассир сказал, что мест нет. Тогда я воспользовался паролем, который дал мне Гало Гонсалес.

«Вот уже три дня, как я в пути. И если кто-то вдруг раздумает ехать и освободится место, я был бы вам крайне признателен за уведомление». Это была условная фраза. Кассир подмигнул. Через несколько минут он жестом подозвал меня к окошечку кассы. Я заплатил за билет и дал ему сверх пятьдесят «насьоналес» — аргентинских песо. Наш поезд шел с потушенными огнями. Пассажиры проявляли беспокойство, но в пути ничего не произошло. Когда мы проезжали Баия-Бланка, город спал.

Около месяца жил я в Буэнос-Айресе. Оттуда, все еще пользуясь своим чилийским удостоверением личности, я отправился на самолете в Сан-Паулу, а из этого города поездом — в Рио-де-Жанейро, тогдашнюю бразильскую столицу. Здесь мне пришлось воспользоваться еще одним поддельным паспортом.

У этого документа был изъян: отсутствовал штемпель о въезде в Бразилию. Служащий авиакомпании «Пан эйр-ду-Бразил» крайне удивился.

«Когда вы приехали и каким путем?» — «Три дня назад, — ответил я. — Пересек границу в Уругуайане».

Он позвонил в морскую полицию, куда я и вынужден был отправиться.

Я продолжал утверждать, что въехал через Уругуайану (речной порт на аргентино-бразильской границе) и не моя вина, что там не проштамповали паспорт, и не я виноват, что ехало много народу на церковный конгресс, проходивший в те дни в Рио, что, возможно, из-за обилия пассажиров таможенник забыл поставить штемпель и что наконец из-за этого конгресса я был вынужден съехать из отеля, поскольку все места зарезервировали для его участников.

К счастью, в связи с этим мероприятием таможенники и полиция были перегружены работой, поэтому тот тип, что принимал меня, не проявил особого интереса к моей персоне и разрешил следовать дальше.

Ступить на землю, где свершилась первая в мире победоносная социалистическая револю-

ция и где фашизм потерпел самое сокрушительное и решающее поражение, было для меня безграничным счастьем, воплощением мечты. В СССР я пробыл около трех месяцев, посещая музеи, фабрики, совхозы и колхозы, не переставая поражаться размаху созидания, свершавшегося на благо всего народа. Незнание языка, конечно, преграда. Но многие вещи понятны и без слов. Я видел, к примеру, как деревенские девушки читают объемистые книги, а рабочие в парках играют в шахматы. Это уже само по себе было и ново и красноречиво.

Почти месяц пробыл я в Пушкино, в санатории, расположенном километрах в двадцати от Москвы. Там проводили свои отпуска советские товарищи, было много итальянцев, албанцев, мужчины и женщины из разных стран. Дружба, товарищество не знают ни языковых, ни национальных барьеров. Одно из самых приятных воспоминаний моей жизни — проводы, устроенные мне при отъезде из Пушкино. Все встали вокруг меня — образовался хоровод — и пели, танцевали, осыпали цветами.

В один из тех дней в Москву на лечение прибыл Гало Гонсалес. Потом приехал делать операцию желудка Оскар Астудильо, а чуть позже — Элиас Лаферте в сопровождении Америко Соррильи. От них я узнавал о событиях в стране и семейные новости. Вместе с Соррильей, Арнедо Альваресом и его женой мы посетили Сталинград, путешествовали по Волге и Волго-Донскому каналу. Были в Ростове, а потом в Сочи, в этом прекрасном городе-курорте на берегу Черного моря.

С чилийской группой работал историк Василий Ермолаев, человек, чье здоровье подорвала

война. Там он лишился легкого: будучи раненым, несколько дней пролежал на снегу. Четверо из его братьев и сестер погибли, защищая Ленинград. По-испански он говорил не очень хорошо. «Сегодня вечером идем на ограду», — сказал он как-то после обеда. Я не сразу понял, что он приглашал меня в цирк (вместо «сирко» — цирк — он сказал «серко», что значит «ограда»). Несмотря на это, он любил беседовать с нами. И часто расспрашивал нас о событиях и деятелях чилийской истории. Гало Гонсалес и я ходили с ним в Третьяковскую галерею. Экскурсовод вела нас по залам, показывая одну картину за другой. Когда мы начали осмотр произведений послереволюционного периода, она, как и прежде, задерживалась на несколько минут перед каждой картиной, в то время как Ермолаев переводил все меньше и меньше. Между ними то и дело вспыхивала дискуссия. Было ясно, что экскурсовода, равно как и нас, удивлял лаконизм переводчика. Они в очередной раз горячо заспорили, как вдруг Ермолаев обратился к нам: «Извините, товарищи. Среди наших советских художников есть очень хорошие. Но, по правде говоря, никто из них не достиг высот дореволюционных мастеров. Я не могу переводить все дифирамбы экскурсовода, потому мы и спорили».

В другой раз он повел нас в Большой, посмотреть Галину Уланову в «Жизели». «Она — ленинградка, — сообщил он нам. — Мы с ней одноклассники и земляки. На моих глазах она росла как актриса. Когда я был студентом, в моей комнате висела ее фотография. Она мне очень нравилась, но ни разу не удостоила меня даже взгляда».

И он рассказал нам, как в студенческие годы подрабатывал в Ленинграде на рекламе спектаклей. Он приглашал на генеральные репетиции писателей и журналистов, чтобы те потом писали рецензии и рассказывали об увиденном в литературных кругах. Но однажды, провожая какую-то девушку, он не успел пригласить писателей и журналистов и привел вместо них своих сокурсников. Его уличили и выдворили.

Вражеская пропаганда в глазах многих искажала истинный образ советских людей. Опровергая вымыслы, я могу удостоверить, что это люди из костей и плоти, твердые и в то же время отзывчивые, гостеприимные и благородные, с очень развитым чувством критики и самокритики. Ермолаев — один из них.

Возвращаясь из Советского Союза, я пробыл дней двадцать в Монтевидео. Ждал инструкций из Чили, откуда должны были сообщить, как и каким маршрутом мне въехать на территорию страны. В городе Колонии я сел на пароход до Буэнос-Айреса, а оттуда добирался трансандским поездом. К себе домой, в Ла-Систерну, я прибыл ночью, свалившись как снег на голову, и увидел новорожденную, свою дочь Вивиану Кристину, появившуюся на свет в мое отсутствие. Примерно та же сцена повторилась несколько лет спустя, когда без меня родилась Мария Виктория.

В первые дни 1956 года Единый профцентр призвал трудящихся Чили ко всеобщей забастовке, выдвинув требование о повышении зарплаты. Правительство Ибаньеса обрушило репрессии на профцентр и арестовало его руководителей. Был вновь открыт концлагерь в Пи-

сагуа. Там я и оказался вместе с Володей Тейтельбоймом, Америко Соррильей, Хуаном Чаконом Короной, Хусто Саморой, Мануэлем Гальярдо, Хорхе Монтесом и другими товарищами. Среди заключенных находились один из руководителей социалистов, Оскар Вайс, а также журналисты Хосе Гомес Лопес и Фернандо Мурильо.

Кружок журналистов тотчас развил бурную деятельность, и не прошло месяца, как я вместе с двумя другими газетчиками вышел на свободу. Когда прибыл в Сантьяго, партия известила меня о том, что я должен вновь ехать в Москву — представлять КПЧ на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Эту поездку я совершил со своим настоящим паспортом. По требованию палаты депутатов правительство решило выдать паспорта, задержанные в канцеляриях.

Таким образом, я имел возможность и честь присутствовать на этом историческом съезде, где был осужден культ личности Сталина. Это событие вызвало возбуждение во всем мире, и в частности в рядах коммунистических партий, воспитавших себя в духе почтения к личности этого человека. В Коммунистической партии Чили оно прошло без проблем, но не обошлось без личных потрясений. Кто в большей, кто в меньшей степени, но все мы были знакомы с его произведениями и смотрели на него, причем с восхищением, как на представителя партии, открывшей перед человечеством эру социализма, и народа, разгромившего фашизм. Мы не имели ни малейшего представления о его грубых ошибках, а слухи о них воспринимали как вымыслы врага. Один рабочий — коммунист из Вальпара-

исо написал Гало Гонсалесу письмо, в котором сообщал, что не в силах поверить в то, о чем писала в те дни пресса.

Осуждение культа личности и других ошибок Сталина было необходимо и оказало благотворное воздействие на советское общество и коммунистическое движение.

В апреле 1956 года состоялся съезд Коммунистической партии Чили. Проходил он нелегально в Картахене, в летнем пансионате школы имени Доминго Фаустино Сармьенто. В силу сложившихся обстоятельств число делегатов было предельно ограничено. Но этот съезд имел большое значение в жизни партии. Он принял программу, правильность основных направлений которой была подтверждена жизнью, наметил перспективу завоевания власти вооруженным путем и ознаменовал новый этап в деятельности партии.

В поездке в Картахену я сопровождал Гало Гонсалеса. В Майпу наш автомобиль попал в аварию. Прибыли мы с большим опозданием, что заставило товарищей изрядно поволноваться.

Центральный Комитет, избранный в Картахене, ввел меня в состав Политической комиссии и Секретариата, где практически я уже и так работал.

По моему предложению, Картахенский съезд постановил считать впредь днем основания партии 2 января. В этот день в 1922 году социалистическая рабочая партия на съезде в Ранкагуа приняла решение о своем переименовании в коммунистическую и о присоединении к созданному Лениным Интернационалу. До съезда в Картахене считалось, что партия родилась

4 июня 1912 года, когда Рекабаррен основал в Икике социалистическую рабочую партию. Я исходил из того, что коммунистические партии — детище социальной и политической эволюции своих народов и в то же время Октябрьской революции. Я утверждал также, что сохранить старую дату основания партии — значит считать ее одной из первых — в числе трех или четырех других — коммунистических партий, возникших в мире. А это говорило бы по меньшей мере об отсутствии скромности. Некоторые товарищи, такие, как Орландо Мильяс, не разделяли моей точки зрения, но она была одобрена подавляющим большинством.

Теперь я не уверен, прав ли был тогда, а следовательно, верным ли было принятое постановление.

Не подлежит никакому сомнению, что коммунистические партии во многих странах возникли под влиянием победы Октябрьской революции. Но ведь победа революции — это была и победа революционных идей Ленина над концепциями реформистов. А социалистическая рабочая партия уже восприняла идеи и принципы диктатуры пролетариата и пролетарского интернационализма, лежащие в основе ленинизма. Она выступала против империалистической войны 1914 года и решительно поддержала социалистическую революцию 1917-го. Кроме того, Рекабаррен и его товарищи провозглашали себя коммунистами и ратовали за коммунизм раньше, чем социалистическая рабочая партия изменила название. Пожалуй, эта проблема требует более глубокого изучения, чтобы либо изменить, либо подтвердить постановление Картахенского съезда.

К тому времени Ибаньес второй раз стал президентом республики, пообещав, среди всего прочего, отменить закон «О защите демократии», прозванный в народе «проклятым законом». Минуло две трети его президентского срока, а закон оставался в силе, хотя против него и выступали партии, представлявшие значительное большинство населения страны. Жизнь показала, что партия коммунистов несокрушима. Прилагались немалые усилия, чтобы искоренить ее влияние в рабочих и народных массах. С медных рудников, селитряных копей, угольных шахт, сталелитейных и цементных заводов, фабрик, предприятий морского и железнодорожного транспорта были уволены тысячи тружеников — членов партии или тех, кто ей симпатизировал. Но партия возрождалась в тех же самых местах. Ее вновь пытались раздавить, но она вновь заявляла о себе. Ее невозможно было уничтожить, как невозможно уничтожить родник, бьющий из-под земли. Напротив, партия росла и в борьбе обретала фактическую легальность. Убедившись в том, что обещания и политические декларации Ибаньеса не принесут пользы, если сложа руки дожидаться их результатов, мы расширили легальную деятельность партии, а также ее связи и совместные действия с различными демократическими силами.

Когда скончался Гало Гонсалес, его похороны вылились в мощную демонстрацию единства и сплоченности масс. Под его руководством, после смерти Фонсеки, партия с успехом прошла через испытания, выпавшие на ее долю в период диктатуры, и предстала перед страной силой, которая вновь была на подъеме. Мне

довелось держать речь над гробом товарища Альберто — это было подпольное имя Гало. В ней я заявил, что партия уже завоевала легальность фактически и теперь сделает это юридически.

Центральный Комитет партии избрал меня ее Генеральным секретарем. Гало Гонсалес на смертном одре успел сказать Хосе Гонсалесу, что, по его мнению, сменить его должен я. Хульета Кампусано первой высказалась «за». Корвалан, сказала она, — это революционер, выкованный партией, после чего последовали другие хвалебные оценки и выражения, которые я не могу повторить.

Послесловие. Эти страницы были написаны исключительно по памяти. Они в общих чертах рассказывают об одном периоде моей жизни. Я сознательно не дал здесь анализа ни политики, ни истории партии, это относится также к рабочему и народному движению в Чили. Было бы претенциозным строить подобный анализ вокруг такого человека, как я, который был не больше чем одним из многих чилийских коммунистов.

Я довел рассказ только до своего избрания на пост Генерального секретаря, потому что было бы тщеславным живописать последующий период моей жизни, делая упор на личные переживания, как это происходит на изложенных выше страницах. Однако, если представится возможность, я продолжу заметки о пережитом, пусть даже с нарушением хронологии.

Ритоке, август 1974 года

Часть II

САНТЯГО —
МОСКВА —
САНТЯГО

**SANTIAGO
MOSCOW
SANTIAGO**

Открытые ветру и солнцу

В октябре 1958 года я впервые приехал в чудесный город Пунта-Аренас, чтобы принять участие в областной партийной конференции. Там я встретился с Хосе Мигелем Варасом, который работал тогда на радиостанции «Голос юга». Вместе мы побывали в гостях у некоторых товарищей; среди них были и такие, которые чувствовали себя заброшенными и жаловались на невнимание Центрального Комитета. Один старый коммунист, югослав по происхождению, говорил мне о сектантстве, бравшем верх в наших рядах, и что партии нужно возглавить массы и повести их на открытую борьбу. Иначе не преодолеть застоя и, больше того, можно потерять влияние. «Если здесь, в этой комнате,— объяснял он мне,— я посажу дерево, оно завянет и умрет. Но если я посажу его во дворе, то там, открытое ветру и солнцу, оно будет расти, набирая силу». Эта великая истина, так образно выраженная рядовым коммунистом из провинции Магальянес, была включена в доклад XI Национальному съезду партии. А мне это послужило уроком, который я старался никогда не забывать.

В шестидесятых годах перед нами встали серьезные проблемы и большие задачи.

Со времен Рекабаррена наша партия была самой влиятельной силой в организованном

рабочем движении. В своей деятельности она не ориентировалась исключительно на рабочих, но всегда сознавала, что защита интересов и прав трудящихся — ее главная задача и что борьба за социализм и коммунизм — это прежде всего миссия пролетариата. Поэтому партия в первую очередь создавала и укрепляла свои организации на предприятиях, где сосредоточено наибольшее число рабочих. Пролетариату при капитализме, кроме своих цепей, терять нечего. Ни у одного другого класса стойкость и боевитость не проявляются в столь последовательной и ясной форме. Приведу такой пример.

Правительство Хорхе Алессандри попыталось установить девятипроцентный годовой потолок увеличения заработной платы, хотя темпы роста дороговизны были гораздо выше. Партия решила организовать и возглавить борьбу рабочего класса против этих планов, ущемлявших его интересы. В авангарде шли шахтеры угольного бассейна. Они бастовали почти сто дней и добились увеличения заработной платы на семнадцать процентов.

Эта забастовка — одно из важнейших событий в истории чилийского рабочего движения.

На угольных шахтах Коронеля и Лоты трудилось тогда около десяти тысяч рабочих, большинство многодетные. Предъявляя свои требования компаниям, они всегда принимали меры на случай, если конфликт не будет улажен и выльется в забастовку. Так было и на этот раз. В каждой шахтерской семье припасли муку, фасоль, вяленую рыбу и немного угля. Но там, где надо было кормить много ртов, этого надолго не хватало. Запасы кончились, но помогла классовая солидарность — моральная и материаль-

ная поддержка других трудящихся угледобывающего района, а затем и всей страны.

Спустя некоторое время началась одна из самых злобных антикоммунистических кампаний. Газеты и радиостанции, состоявшие на службе хозяев и правительства, в один голос трубили о том, что, мол, лишь коммунисты противились окончанию забастовки, тогда как трудящиеся, особенно их жены и дети, ратовали за возобновление работы на условиях, предложенных компаниями и правительством.

Со всей страны ехали к шахтерским поселкам грузовики с продовольствием. Были эвакуированы тысячи детей. Многие семьи в разных городах хотели приютить их у себя. Вместе с рабочими-угольщиками боролся весь пролетариат.

Но хозяева, правительство не уступали. Тогда был организован и проведен «марш шахтеров», сыгравший решающую роль в достижении победы.

Он должен был начаться в Лоте в восемь часов утра. Накануне мы договорились с Клотарио Блестом, что вместе отправимся на юг страны, в шахтерский район, и я заехал за ним на улицу Рикардо Санта Крус. Мы отправились на машине «Фиат-1110», который партия предоставила в мое распоряжение. Добрались до Нижней Лоты примерно в три часа ночи. Все жители уже высыпали на улицу. Трубили горны, стучали барабаны оркестра Союза коммунистической молодежи. За час до назначенного времени люди выстроились у дороги, после чего была дана команда начать марш на Консепсьон. И потекла человеческая река. Чуть позже в нее влилась большая колонна из Коронеля,

и она стала еще длинней и полноводней. От сорока до пятидесяти тысяч человек — мужчин, женщин и детей — участвовали в марше. Поблизости от Эль-Эскуадрона сделали привал, затем поход продолжался. Начался дождь, люди ускорили шаг. Около двух часов дня мы были в Сан-Педро, перешли мост через реку Био-Био и вошли в город. Тридцать шесть километров, отделявших Лоту от Консепсьона, преодолели за семь часов. Сначала предполагали, что этот путь займет одиннадцать часов.

Горняки — хорошие ходоки. Нередко они отправляются в гости к родным и друзьям в деревню, за черникой, на поиски нескольких жердей для курятника или для крыши, а может быть, чтобы подпереть свою лачугу, покосившуюся от дождя и ветра; проходят многие километры по холмам, окружающим их поселки. Жены и дети не отстают от них.

Несколько членов парламента от здешних мест присоединились к маршу у самого Консепсьона. Я не заметил, чтобы Монтес, который шел с колонной от Лоты, и Клотарио Блест, в то время председатель Единого профсоюзного центра трудящихся Чили, выбились из сил. Что касается меня, должен признать, были моменты, когда мне казалось, что больше не выдержу. И только сознание того, что я — Генеральный секретарь партии, партии рабочих-горняков, заставило меня пройти марш до конца. Каждый шаг был мукой. Я сбил ноги до крови. Обнаружил это, только когда разулся в доме моей сестры Исабель после митинга, которым завершился этот большой день.

20 и 21 мая на Чили обрушилось землетрясение. Правительство решило воспользоваться

стихийным бедствием, состраданием народа к потерпевшим. Оно затеяло грязную игру и, взывая к патриотизму шахтеров, уговаривало прекратить забастовку, однако при этом ни оно само, ни угольные компании не шли ни на какие уступки. Но шахтеры не поддались и победили.

Об этой крупной битве шахтеров был сделан документальный фильм. Его снял кинооператор Серхио Браво. Текст написал Панчо Колоане, и сам читал его за кадром. Фильм показывался по всей стране. К сожалению, оригинал фильма потом пропал.

Избирательная кампания 1958 года, несмотря на победу в ходе борьбы за президентский пост Хорхе Алессандри¹, продемонстрировала появление нового, сильного левого движения с явно выраженной пролетарской гегемонией. Другим, еще более значительным событием стала победа кубинской революции, явившаяся мощным стимулом для активизации деятельности революционных партий и движений. На всем континенте установился новый политический климат. В сложившейся ситуации империализм США решил пустить в ход все средства, чтобы не допустить дальнейшего подъема революционной волны, не остановившись перед вооруженным вторжением в бухту Кочинос. Однако главную ставку он делал тогда на так называемый «Союз ради прогресса» — как реформистскую альтернативу революционной перспективе, которую Куба открыла своим героическим

¹ Президент Чили в 1958—1964 гг.

примером. На ту же карту ставила чилийская Христианско-демократическая партия.

Еще до и особенно после прихода к власти христианско-демократического правительства¹ перед нашей партией стояла задача во что бы то ни стало усилить работу среди масс, дать отпор реформизму. Она делала это, не теряя из виду главных врагов — империализм и олигархию. Но партия не разжигала искусственно противоречие между революционерами и реформистами. Когда Фрей одержал победу на выборах, в левом лагере были такие, которые предлагали полностью отвернуться от христианско-демократического правительства. Мы же, коммунисты, считали, что надо заставить его осуществить обещанные реформы. Если бы оно сделало это, то, хочешь не хочешь, вступило бы в конфликт с самыми реакционными кругами, а если бы не сделало, то лишилось бы поддержки народа. Находясь у власти, демохристианское правительство лавировало, выполняя одни обещания и не выполняя другие, то есть сидело между двух стульев. В итоге оно оказалось правительством, что называется, «и нашим и вашим». Объективно его деятельность представляла шаг вперед, но значительно меньший, чем хотелось народу. И тогда он, народ, повернул более круто влево.

На протяжении шестилетнего президентства Фрея шла политическая битва — особенно между коммунистами и христианскими демократами — за массы. Эта битва велась и среди женщин, и в деревнях, и в университетах.

¹ Христианско-демократическая партия (ХДП) пришла к власти в 1964 г. после победы на президентских выборах ее кандидата Э. Фрея.

На президентских выборах 1958 года Сальвадор Альенде занял второе место по числу собранных голосов. Ему отдали предпочтение избиратели-мужчины, женщин же за него проголосовало меньше. В левом лагере не было недостатка в мужчинах, которые винили в поражении женщин. Наша партия решительно выступила против столь вздорных выводов. В конечном счете в обществе, где господствует мнение о превосходстве мужчины, где, как правило, мужчины занимают все командные посты, на них прежде всего и ложится вина за политическую отсталость женского населения.

Наша партия всегда уделяла внимание политической работе среди женщин. И здесь, как в библейском сказании, сначала появился мужчина. Им был Сальвадор Барра Волл, товарищ Рекабаррена, а позднее первый администратор газеты «Сигло». Он стал первым, кто в газете «Деспертар-де-лос-Трабахадорес» писал под женским псевдонимом статьи, адресованные женщинам.

Партия организовала Движение за эмансипацию женщин, а затем Союз женщин Чили, сыгравшие впоследствии значительную роль. Многие наши товарищи посвятили свою жизнь работе среди женщин. Это, в частности, Микаэла Тронкосо, Амелия Герреро и Мария Рамирес. Гигантский вклад внесла в решение этой задачи наша дорогая Хульета Кампусано. На предприятиях и в учреждениях, где преобладали женщины, — на текстильных и обувных фабриках, в фармахимических лабораториях, школах и больницах — выдвинулось также немало активисток. Но все это в конечном итоге оказалось недостаточным.

Для достижения цели надо, чтобы за партией пошли массы, однако урожай будет обильным лишь при условии, что вся партия усвоит знания, приобретенные специалистами, будет участвовать в решении задач, которыми до определенного момента занимались немногие. Поэтому расширение влияния среди женщин стало рассматриваться как обязанность всех членов партии. Хотя и не сразу, мы добились в этом заметных успехов. Резко возросла активность членов партии в центрах матерей, руководителями все большего числа которых стали наши товарищи — женщины. Численность женщин в составе партии поднялась до 36 процентов. Временами в некоторых организациях, например в Арике и Северном Сантьяго, женщин было больше, чем мужчин. Женщины выдвигались на руководящие посты в местных и областных комитетах и в самом Центральном Комитете, избирались в представительные органы — муниципальные советы и парламент.

Испытывала партия и необходимость укрепления своих позиций в деревне. Лидерами здесь стали такие наши товарищи, как Хосе Баскунян Сурита и Хуан Чакон Корона. На протяжении многих лет они тайком пробирались в помещичьи имения, посещали дома крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Но, как и на всех других участках работы, пока ею занимались только соответствующая комиссия и один-два активиста, результаты были довольно скромными. Поворот произошел, когда вся партия поставила перед собой задачу добиться широкого влияния среди деревенских масс.

Начали с издания газеты «Сурко»¹, которой руководил Хуан Аумада Триго, и с решения поручить городским партийным организациям развернуть работу в сельской местности. Вскоре многие ячейки взяли шефство над сельскими зонами. Ячейке «Одинокая звезда», в которую входил я, было поручено установить связи с крестьянами Алуэ, того самого Алуэ, где происходит действие в замечательной повести Хосе Сантоса Гонсалеса Веры. В конце каждой недели Серхио Инсунса, Серхио Волоски и еще кто-нибудь отправлялись в эту деревню, расположенную недалеко от Мелипиллы, для установления дружеских отношений с ее жителями. В нашей первичной партийной организации был зубной врач, который вызвался ездить раз в две недели в Алуэ и бесплатно лечить крестьян. Правда, для этого нужна была бормашина с ножным приводом, ибо в Алуэ не было электричества. К счастью, машину отыскали и купили. Каждую субботу, когда приезжал этот зубной врач, на прием к нему приходило много народа. Одновременно в соседнем районе, поблизости от Мелипиллы, вела работу другая партийная ячейка. Среди ее членов был ветеринар — «хриплый» Диас, который очень много помогал крестьянам. В этой деревне разводили овец. Животные страдали от чесотки. «Хриплый» Диас и товарищи из его ячейки вылечили их. В итоге окрепли дружеские связи с крестьянами, стали обычными беседы с ними на разные, главным образом политические, темы. Возникли новые профсоюзы и крестьянские комитеты,

¹ «Сурко» — по-испански «борозда».

возросло влияние партии в деревне. Мы прониклись заботами сельских тружеников. В результате легче стало вести пропагандистскую и организационную работу.

В последние годы правления Алессандри страну потрясли крупные крестьянские забастовки, которыми руководили главным образом христианские демократы. Тогда же усилилось и влияние нашей партии среди крестьян разных провинций, рабочих, занятых на лесоповале, и среди индейцев-мапуче. В ряде мест, например в Лолокос, Лонконауиде и на острове Пангаль, коммунисты возглавили борьбу за возвращение исконным жителям отнятых у них земель. На острове Пангаль я оказался спустя несколько часов после того, как там появился отряд карабинеров. Они сгоняли мапуче с острова, — фактически это был полуостров, ибо соединялся с сушей узкой полоской дюн. По ней-то от хижины индейского вождя, который одолжил нам лошадей, мы и поскакали во весь опор на остров. Путь нам — со мной ехали Сантос Леонсио Медель и Сесар Серда, в то время ответственный за работу партии в деревне, отличный наездник, — указывал проводник. К месту мы прибыли в самый критический момент. Лицом к лицу, как в битвах прошлого, на расстоянии в десяток метров, стояли, с одной стороны, мапуче, с другой — карабинеры. Нам удалось предотвратить столкновение, которое могло окончиться кровопролитием. Мапуче отвоевали право использовать остров Пангаль под пастбище.

При правительстве Фрея владельцы большого имения Лонготомы оказали сопротивление экспроприации, прибегнув к вооруженной си-

ле¹. На их сторону встала группа крестьян, обманутых помещичьими посулами. Наши товарищи из Ла-Лигуа и Петорки провели сложную работу, убедили их не поддерживать хозяев. Кроме того, они организовали выступление народа за экспроприацию имения, других поместий и рудников этого района провинции Аконкагуа. Битва была выиграна благодаря совместным действиям трудящихся города и деревни или, точнее говоря, благодаря тому, что коммунистическая партия поставила на первый план интересы крестьян и решительно поддержала меры христианско-демократического правительства по экспроприации Лонготомы. Такую форму обрела на практике политика твердой, но не слепой оппозиции правительству. Мы стремились действовать совместно с прогрессивными силами и оппозиции и правительственного лагеря против реакционных сил и в оппозиции и в правительстве.

Партия не уставала повторять, что крестьянство — главный союзник рабочего класса. Пока она ограничивалась словами и, как упоминалось выше, героической работой лишь некоторых товарищей, многого добиться не могла. Положение изменилось, когда мы взялись за дело сообща.

О пробуждении чилийского крестьянства стало известно и за границей. Однажды в Монтевидео на национальном активе Коммунистической партии Уругвая один товарищ спросил ме-

¹ В 1967 году правительство Э. Фрея объявило о проведении аграрной реформы, однако осуществлялась она крайне медленно. К 1970 году землю получили только 28 тысяч из 740 тысяч безземельных и малоземельных крестьянских семей.

ня, как нам удалось добиться таких успехов в деревне. Я сказал ему: «Отвечу вам тремя словами». И произнеся это, почувствовал, что собеседник сочтет меня педантом, но все же продолжил: «Работая в деревне».

Это еще один пример того, что успехов можно добиться лишь действием, а не словами.

В период, о котором здесь идет речь, Союз коммунистической молодежи перестал носить детские штанишки, возмужал, превратился в самую сильную, активную боевую молодежную политическую организацию. Он завоевал прочные позиции в рабочих центрах, поселках трудящихся, школах и университетах, снискал глубокие симпатии в народе. «Хота, хота, сэ, сэ»¹, «Хувентудэс Коммунистас де Чиле!»², «Аль партидо салюд, аки эста ла хувентуд!»³ — эти боевые слова всегда дружно подхватывались, встречались аплодисментами. Руководимые им бригады имени Рамоны Парры, состоявшие из юношей и девушек разного социального происхождения, боевых, решительных, смелых, вызывали восхищение, пользовались любовью среди масс, уважением деятелей искусства, художников. Одновременно эти бригады вызывали ненависть врага. На пороге 1970 года именно они стали той силой, которая открыла избирательную кампанию в поддержку Сальвадора Альенде после того, как его провозгласили своим кандидатом в президенты все партии Народного

¹ Так произносится сокращенное название (J. J. C. C.) Союза коммунистической молодежи.

² «Союз коммунистической молодежи Чили».

³ «Партии привет от молодежи!»

единства. Провозглашение это, конечно, важно, но одного этого недостаточно. Кто начнет пропаганду за кандидата? Кто напишет на стенах имя Альенде? Руководители партии и «хоты»¹ решили, что этим ответственным делом и займутся бригады, носившие имя молодой работницы лаборатории «Рекальсине» Рамоны Парры, погибшей в 1946 году во время расстрела демонстрации на площади Бульнеса. Молодежь справилась с заданием, показав беспримерный героизм и самоотверженность. Имя народного кандидата появилось на стенах, изгородях, скалах, валунах по всей стране. И все это — за считанные дни.

В рядах Союза коммунистической молодежи было немало талантливых певцов и музыкантов. Один из них — Виктор Хара, погибший от рук фашистов. Его творчество, ставшее национальной гордостью, приобрело мировую известность.

В битве за влияние среди молодежи «хота» и ее союзники взяли верх над молодыми демокристами в университетах. Длительная борьба за университетскую реформу сопровождалась постоянным соперничеством между левыми и центристскими силами. В итоге студенческая масса под руководством Союза коммунистической молодежи добилась принятия радикальной реформы. «Хота» превратилась в ведущую силу в Чилийском и Государственном техническом университетах. Заметим, кстати, что партия, среди активистов которой в университетских кругах выделялись Фернандо Ортис и

¹ «Хота» — сокращение, обозначающее Союз коммунистической молодежи.

Энрике Парис — члены Центрального Комитета, убитые фашистами, а также Эрнан Рамирес и Энрике Кирберг, также стала самой влиятельной политической организацией в этих высших учебных заведениях.

Как не раз говорилось, партию и «хоту» неизменно соединяет взаимная любовь. В духе таких отношений с партией воспитывал «хоту» Рикардо Фонсека. Он выступал против малейшего проявления авангардизма, то есть тенденции «гнуть в свою сторону». Организационно «хота» самостоятельна. Но идеологически и политически это молодежная организация коммунистической партии, школа формирования партийных кадров. Генеральные секретари «хоты» в шестидесятые годы Марио Саморано и Гладис Марин, а еще раньше Мануэль Кантеро и Самуэль Рикельме следовали примеру Фонсеки. Ясно, конечно, что «хота» — детище партии. Она обрела силу, проводя решительно и смело политику партии, политику борьбы против открытых врагов рабочего класса и всего народа — империализма и олигархии, политику солидарности с Советским Союзом, Кубой, Вьетнамом, Никарагуа, с сальвадорским народом и со всеми, кто сражается за мир, национальную независимость и социализм. «Хота» организовала памятные выступления в поддержку Кубы и Вьетнама в критические для народов этих стран моменты.

Мы, коммунисты, всегда относились к своим молодым товарищам с глубоким пониманием их забот, увлечений, вкусов. Для партии не было главным, какой музыкой увлечена молодежь. Как никто другой, она поддерживала и поощряла интерес к народной музыке, национальным тан-

дам. Но не накладывала и не накладывает табу на музыку или танцы иного происхождения, если они по душе молодым людям. Она также не делала проблему из мини-юбок, длинных волос или пышных бород. Более важны настроения и идеи молодого поколения, его боевой дух и здоровые привычки, причем под последним мы не понимаем ничего несвойственного нормальному образу жизни. Аскетизм нам чужд, так же как и распущенность.

Главным в шестидесятые годы был, конечно, взятый народным движением курс на приход к власти. Линия партии обозначила путь к этой важнейшей цели. Доклад ЦК XII съезду, состоявшемуся в марте 1962 года, был озаглавлен: «За создание народного правительства». XIII съезд в 1965 году прошел под девизом «Рабочий класс — центр единства и движущая сила революционных преобразований». А в ноябре 1969 года XIV съезд выдвинул лозунг «Народное единство — путь к завоеванию власти!».

В предшествовавшем десятилетии, во времена товарища Гало Гонсалеса, наметилась возможность прихода чилийского народа к власти невооруженным путем. В последующие годы эта возможность расширилась и стала предметом теоретической и политической разработки, которая, хотя и не может быть названа исчерпывающей, позволила увидеть реальную перспективу, воплотившуюся в победу Народного единства и частичное завоевание власти.

Борьба была нелегкой и не всегда мирной: массовые забастовки, занятие земельных участков, уличные столкновения, марши протеста — у нее были разные формы.

Силой, сплотившей антиимпериалистическое и антиолигархическое движение, стал Фронт народного действия (ФРАП), образованный коммунистами, социалистами и другими левыми партиями. Наша партия призывала всех участников Фронта привлекать, объединять всё новые силы. После президентских выборов 1964 года она выступила за совместные действия с наиболее прогрессивными кругами христианских демократов и предложила достичь договоренности с радикальной партией, в рядах которой начали приобретать все большее влияние противники сговора с правыми. Сектантские элементы твердили, что это, мол, классовое соглашательство, означавшее уступку гегемонии буржуазии в народном движении. Последующее развитие событий показало, что они были не правы и что включение радикалов в левый блок — а это положило начало формированию Народного единства — отвечало интересам народа. Победа Сальвадора Альенде с небольшим преимуществом в голосах подтвердила, что для исхода выборов имела значение лепта, внесенная любым участником левой коалиции.

Сальвадор Альенде не раз признавал решающий вклад нашей партии в победу народа. Ему всегда импонировала политика широкого единства, которую проповедовали и проводили коммунисты.

В 1969 году шла подготовка к президентским выборам. Одним из лидеров христианских демократов был Радомиро Томич, стоявший по своим взглядам несколько левее Эдуардо Фрея, избранного президентом в 1964 году при поддержке правых сил. Томич считал, что если христианские демократы одержат победу при поддержке

правых, то это будет победой правых. Возвратившись из США, где он занимал какое-то время пост посла Чили, Томич выступил с предложением заключить пакт между Христианско-демократической партией и Народным единством, за то, чтобы выдвинуть представителя ХДП общим кандидатом. Это было нереально. Правительство Фрея размыло почву, на которой держался престиж ХДП среди народных масс. Оно не сделало почти ничего для установления атмосферы дружбы и взаимопонимания в отношениях между ХДП и левыми силами, которые к тому времени окрепли и упрочили свои позиции. Томич и его сторонники особенно нажимали на коммунистическую партию, полагая — и это тоже было нереально, — что мы можем отойти от наших ближайших союзников и выступить в Народном единстве за пакт с христианскими демократами, который обеспечит победу на выборах Томича как общего кандидата. Необходимо было твердо и ясно заявить: «С Томичем ни шагу», что я и сделал, отвечая одному из журналистов, который спросил, не поддержим ли мы, коммунисты, на выборах представителя ХДП. «Ни шагу» означало, разумеется, что такая поддержка невозможна.

Томичу не оставалось ничего другого, как обходиться без поддержки левых сил. В своей избирательной кампании он обрушился на правых, высказывался за некапиталистический путь развития для Чили и утверждал, что капитализм не способен разрешить проблемы латиноамериканских народов. После 4 сентября 1970 года Томич выступил за то, чтобы на пленарном заседании конгресса христианские демократы проголосовали за утверждение прези-

дентом Сальвадора Альенде, получившего на выборах относительное большинство. Однако правые настаивали на том, чтобы парламентарии ХДП проголосовали за Алессандри при условии, что он подаст затем в отставку и тем самым откроет путь для проведения новых президентских выборов, на которых они проголосуют за демохристианского кандидата.

Мы делали все возможное для того, чтобы установить с христианскими демократами отношения взаимопонимания в антиимпериалистической и антиолигархической борьбе, поощрить и поддержать то позитивное, что было в правительственной политике Фрея. Более того, когда генерал Роберто Вио Марамбио попытался привлечь на свою сторону армию, чтобы сбросить правительство ХДП, наша партия сыграла решающую роль в срыве этих мятежных планов. Мы все сделали для того, чтобы народ, руководимый Единым профсоюзным центром трудящихся, вышел на улицы, преградил путь заговорщикам.

Решение ХДП подтвердить на совместном заседании обеих палат парламента избрание Альенде президентом не было, таким образом, случайным. Не сама по себе установилась и атмосфера сотрудничества между христианскими демократами и силами Народного единства в первые месяцы после народной победы.

Одни международные события шестидесятых годов оказывали положительное влияние на развитие благоприятной ситуации в нашей стране, другие затрудняли его. Разгром контрреволюционеров на Плайя-Хирон, события в Чехословакии в августе 1968 года, Карибский кризис, падение правительства Гуларта в Бразилии,

империалистическая интервенция в Доминиканской Республике, преступная агрессия США против героического народа Вьетнама... Позиция чилийских коммунистов по отношению ко всем этим событиям известна как в стране, так и за рубежом. Она не давала и не дает повода для сомнений. Наша партия была — и я уверен, что всегда будет, — на баррикадах вместе с теми, кто борется против врагов нашего народа, за мир и социализм.

Очевидно, что право и долг каждой партии определять направления своей политики, отвечать за ее разработку и осуществление. Время подтверждает, что лишь в исключительно серьезных случаях, когда ошибки одной партии сказываются на международном коммунистическом движении, допустимо и даже может стать необходимым тактично и уважительно, как это принято в отношениях между товарищами, высказать свое мнение. Ясно вместе с тем, что защита и распространение нашей марксистско-ленинской идеологии требуют постоянной борьбы.

Наше отношение к Компартии Китая, по моему мнению, было единственно верным и отличалось выдержкой даже в период тесных связей между Китайской Народной Республикой и режимом Пиночета в Чили. Сразу же после победы революции в Китае по просьбе китайских товарищей мы направили в Пекин видных активистов нашей партии, они были переводчиками, помогали в проведении мероприятий в защиту мира. Среди других там работали художник Хосе Вентурелли, писатели Луис Энрике Делано, Франсиско Колоане, Хайме и Мерседес Вальдивьесо, критик Йерко Моретич и журналистка

Вирхиния Видаль. Затем неожиданно такое сотрудничество стало осуществляться в обход нашей партии, а ее политическая линия подверглась нападкам. Но мы не делаем из этого главной проблемы. Разногласия с Компартией Китая—трагедия для международного коммунистического движения, они отнюдь не способствовали развитию всемирной борьбы за социализм и мир. Как только откроется реальная возможность наладить взаимопонимание, мы предпримем необходимые шаги, чтобы способствовать этому.

Кандидат в сенаторы

Партия решила выдвинуть меня кандидатом в сенаторы от провинций Ньюбле, Консепсьон и Арауко на парламентских выборах, предстоявших в марте 1961 года. Товарищи считали, что положение сенатора придаст моему имени больший вес, повысит мой авторитет и облегчит передвижение по родной земле и при поездках за границу.

С Хорхе Монтесом, депутатом и кандидатом на переизбрание, мы объехали провинцию Консепсьон. Он сопровождал меня и в поездке по департаментам Сан-Карлос и Итата. С Сантосом Леонсио Меделем мы проехали по провинции Арауко. С тем и другим я добирался до самых отдаленных пунктов района, бывал в самых маленьких деревушках, в поселениях мапуче, в самых захолустных сельских уголках.

В Кириуэ жил всего один коммунист — учитель, который, к сожалению, заболел и лежал

в постели. Тем не менее Монтес и я решили собрать жителей. Мы зашли в департаментское управление и там оформили разрешение на проведение митинга. Выбранное для него место находилось в нескольких метрах от «чертова колеса» и других аттракционов.

У нас был «Фиат-1110», который вел Луис Агирре, опытный шофер из Антофагасты, узник Писагуа в течение всего времени, пока там существовал концлагерь, созданный Гонсалесом Виделой. Несколько раз мы проехали по улицам поселка, приглашая людей на митинг. Мы по очереди говорили в мегафон советского производства — наше мощное боевое оружие. На митинг собралось много народу. Место и время, предвечерние часы, были удачно выбраны. Некоторые пришли послушать нас просто из любопытства. Я предоставил слово первому оратору — Хорхе Монтесу, потом он дал слово мне. Мы произнесли свои речи и возвратились в Сан-Карлос. Чтобы сосчитать голоса, которые я собрал в Кириуэ, думаю, хватило бы пальцев одной руки.

В Полкуре, на другом конце провинции Ньюбле, у подножия Кордильер, мы провели еще один незабываемый предвыборный митинг. Он проходил в полдень на краю центральной площади, окруженной изгородью, чтобы домашние животные не повредили недавно посаженные там деревца. Это было самое большое собрание из всех, какие знала Полкура. Мы были счастливы. Но наше счастье продолжалось недолго. Я только начал выступать, когда появились, вызывая сигналя, три или четыре автомобиля. Они медленно ехали на восток. Слушавшие нас люди повернулись и кто верхом, а кто пеш-

ком направились вслед за машинами. В одной из них сидел Умберто Агирре Доолан, сенатор, добивавшийся переизбрания. Через несколько минут должно было начаться провозглашение его кандидатом: речи, одобренные вином и жаренной на углях телятиной. Но все это нас не обескуражило. Я бы сказал — наоборот. Мы продолжали объезжать каждую из трех провинций, одно местечко за другим.

В провинциях Консепсьон и Арауко положение складывалось более благоприятно. Там партия сильна со времен Рекабаррена. Тем не менее и здесь мы не отступились от намерения побывать в каждой деревне и поселке. Особенно радостными были встречи с жителями в самых маленьких поселках, городских кварталах или в сельской глубинке. Незабываемое впечатление произвели на меня крестьяне, которые, опасаясь репрессий помещиков, дожидались наступления ночи, чтобы приблизиться к месту, где проходили наши собрания, послушать слово коммунистов. Иногда они держались в отдалении, делая вид, что оказались здесь случайно. Я многому научился у простых людей. Эти встречи помогли мне свободнее выступать с любой трибуны. Они помогли мне глубже проникнуться народными проблемами, обогатили мое знание простого народного языка.

Голосов, которые партия собрала на предыдущих выборах, было недостаточно, чтобы меня избрали сенатором. Однако на этих выборах я получил относительное большинство. Этому способствовали и форма проведения предвыборной кампании, и то, что я уроженец этих мест (в Томе за меня проголосовали очень многие), и особенно усилия, приложенные партией, — это все-

гда залог успеха в выполнении намеченных задач.

Пабло Неруда вместе с Матильдой¹ также сопровождал меня в моих предвыборных поездках кандидата в сенаторы по трем провинциям. В Сан-Карлосе, Чильяне, Койуэко, Консепсьоне, Томе, Пенко, Талькауано, Лоте, Коронеле, Арауко, Куранилауэ, Лебу, Каньете и поселениях мапуче в Понотро он, как и я, поднимался на трибуну и произносил короткие, содержательные речи. Кроме того, на каждом митинге Пабло читал свои стихи.

В Консепсьоне после встречи с юношами и девушками из университета один журналист спросил его с подковыркой: «Вы приехали в этот город с какой-то скрытой целью?» Любитель задавать вопросы знал, поскольку об этом сообщалось, что Неруда приехал со мной и что предстояло выдвижение кандидатов компартии на выборах. Он просто хотел поставить его в неловкое положение. Пабло с обычной невозмутимостью и приглушенным голосом сразу же отбил этот выпад: «Не знаю, о каких скрытых целях вы говорите. У меня в груди скрыто сердце, а в нем — коммунистическая партия. Так что я приехал провозгласить Генерального секретаря моей партии, Луиса Корвалана, кандидатом в сенаторы республики. Вот и все».

В Лебу мы остановились в доме брата Матильды, владельца мебельной фабрики. Одну из его дочерей звали Пасионарией, сына — Тимошенко, другого сына — Сталин. И надо же так случиться — в Чильяне лет за двадцать до этого его исключили из партии за троцкистские

¹ Супруга Пабло Неруды.

взгляды! Это был приятный человек, страдавший болезнью Паркинсона. Убежденный, что его исключение — поспешная мера, я решил, если партийная организация и он сам выразят согласие, добиться пересмотра принятого в отношении его решения. Он умер, прежде чем удалось что-то изменить. Но фактически партия снова оказывала ему доверие, которое он заслуживал.

Вместе с Меделем, Луисом Годоем, Эраклио Угарте, Перальтой из областного комитета Арауко и моим сыном Луисом Альберто, которому было тогда тринадцать лет, я посетил остров Санта-Мария. Мы пересекли его верхом на лошадях от края до края — от Пуэрто-Сур до Пуэрто-Норте. Утром, когда мы отправлялись с материка, из Тубула, море было спокойным. Во второй половине дня, после того как объехали остров, мы должны были направиться к Пунта-Лавапье, в одну из самых красивых бухт на чилийском побережье, расположенную у южной оконечности залива Арауко. Море разбушевалось. Приходилось плыть в буквальном смысле слова, споря с ветром и волной. Мы вышли из Пуэрто-Сур, оставили позади обрывистые скалы Пунта-Гуанайе и двинулись наперекор морской стихии. Другого выхода не оставалось. Катер не мог уклониться от ветра, налетавшего на него с открытого моря — с южной стороны океана — и от устья реки Карампанге. Мы были в непромокаемых дождевиках, но разве убережешься от воды, которая окатывала нас с головы до ног? Контрерас, владелец катера, показал себя как опытный морской волк. Суденышко в любую секунду могло опрокинуться — и поминай как звали. Задача состояла, следовательно, в том,

чтобы избежать этой опасности, ускоряя или замедляя ход катера. Контрерас справился с этим. Ни на мгновение не переставая следить за движением волн, он одной рукой орудовал рулем, а другой — регулировал скорость. К счастью, все закончилось благополучно. В Пунта-Лавापье наше прибытие вызвало аплодисменты, а Контрераса встретили как героя.

Восемь лет спустя, в 1969 году, партия вновь решила выдвинуть меня кандидатом на пост сенатора, на этот раз от провинций Аконкагуа и Вальпараисо. Не помню, располагали ли мы тогда достаточным количеством голосов, чтобы провести своего представителя в сенат. Помню только, как печать и радио в Вальпараисо усердствовали, доказывая, что я нездешний. Другие кандидаты были не только уроженцами Вальпараисо, но, как выражались организаторы их избирательной кампании, и «тихоокеанскими броненосцами». Тем самым, хотя открыто этого не говорили, хотели создать впечатление, что кандидат-коммунист не тянул и на парусную лодку. Снова наша партия взялась за дело, поставив задачей добиться моего избрания. Она перешла в наступление. Предвыборная борьба разгоралась. Нам даже показалось возможным провести в сенат двух представителей, был зарегистрирован кандидатом также Серхио Вускович. Человек глубоких коммунистических убеждений, пользовавшийся большим уважением, он активно участвовал в кампании за избрание сенатором Генерального секретаря партии, но и сам получил немало голосов. Как и на предыдущих выборах, в Вальпараисо и Аконкагуа мы одержали победу: там за меня проголосовало больше избирателей, чем за других кандида-

тов в сенаторы. Кроме того, мы избрали трех человек в палату депутатов — Мануэля Кантеро, Луиса Гуаставино и Карлоса Андраде. Это доказало уязвимость «броненосцев», которые не были защитниками правого дела, и то, что для рабочего класса, для народа любой коммунист, где бы он ни родился, не чужак.

Не могу сказать, что деятельность сенатора доставляла мне удовольствие. Главным для меня была и должна была остаться моя работа как руководителя партии, а не парламентская деятельность. Другие товарищи, особенно Орландо Мильяс, находили время для того и другого. У меня это не получалось. Я в состоянии сосредоточиться только на одном. Поэтому сенаторские обязанности были для меня не просто на втором плане, а вызывали в душе недовольство, так как я не имел возможности отлично выполнять их. Я постоянно находился в «паритетном отсутствии»¹, а когда должен был являться на заседания, где «паритетное отсутствие» не допускалось, делал это через силу. Должен признать, что в немалой степени этому способствовали раздражавшие меня многие парламентские обычаи: нескончаемые, бессодержательные речи, продолжительные дискуссии, часто по пустяковым вопросам, нудная и затяжная процедура рассмотрения законопроектов. Я принял серьезное участие в парламентской работе только при обсуждении проекта аграрной реформы во времена правительства Хорхе Алессандри, а затем Эдуардо Фрея Монтальвы.

¹ Обычай, когда парламентарий, чтобы его отсутствие на заседании не сказалось на соотношении сил, договаривался с парламентарием из противоположного политического лагеря о его неучастии в голосовании.

Несколько раз я пользовался также в важных случаях так называемым «часом вне повестки». В этот час, когда в пределах пропорционально распределенного времени каждый мог говорить, о чем хотел, я произносил политические речи. Первая из них была посвящена кубинской революции. В «час вне повестки» ораторы нередко выступали перед пустыми скамьями, их вынуждены были слушать лишь председатель или заместитель председателя сената. В мой час зал был почти полон. Я только что возвратился с Кубы, а незадолго перед этим произошло вторжение контрреволюционеров на Плайя-Хирон. Тема вызывала интерес, и к тому же это было мое первое выступление как сенатора.

Несколько позже я принял участие в работе комиссии сената по экономике, которая должна была рассматривать законопроект, касавшийся порта Арика. Из этого северного города прибыло несколько делегаций, с доводами которых ознакомилась указанная комиссия. При голосовании я принял сторону жителей Арики, рабочих, торговцев и промышленников, которые добивались сохранения режима свободного порта для ввоза машин, оборудования и сырья. Через несколько дней арикский филиал суконной фабрики Банварте прислал мне в подарок пару отрезов кашемира. Естественно, я их вернул. Но не рассердился, ибо подумал, что подобные подарки, вероятно, обычное дело для большинства сенаторов и, стало быть, не представляли чего-то особенного ни для тех, кто их посылал, ни для тех, кто получал. Поэтому в письме, приложенном к отправленному обратно пакету, благодарил за подарок, но отказывался принять его, пояснив, что для нас, коммунистов, голосо-

вать за законопроект, подобный тому, за который проголосовал я,— долг, выполняемый безвозмездно.

Прошло какое-то время, и однажды Самуэль Рикельме, тогда первый секретарь областного комитета партии Сантьяго (в тот период на всю провинцию Сантьяго существовал один обком), рассказал мне, что партийные уполномоченные побывали на фабрике в Ньюньоа, которой владело семейство Банварте, чтобы попросить хозяина внести вклад в фонд партии. Промышленник вежливо принял наших товарищей и согласился сделать взнос. При этом он сказал, что поступает так потому, что помнит о той поддержке, которую я оказал жителям Арики. На него произвело впечатление столь необычное поведение парламентариев-коммунистов.

Я решил обратиться с просьбой к руководству партии, чтобы по истечении срока моего сенатского мандата ни под каким предлогом меня не выдвигали больше на должности такого рода. Но задолго до предстоявших всеобщих выборов пришедшая к власти тирания покончила с конгрессом. Он, конечно, не был совершенным. Однако это более или менее демократическое учреждение, и в его состав входило немало верных народу депутатов и сенаторов. Фашизм не мог этого допустить.

Переворот

Утром в понедельник, 10 сентября, за день до переворота, в помещении Центрального Комитета партии на улице Театинос, в доме № 416, собралась на заседание Политическая комиссия ЦК. Нужно было проанализировать сложившее-

ся в стране серьезное положение, принять соответствующие решения и поставить ответственные задачи.

Накануне Виктор Диас, Орландо Мильяс и я встретились с президентом Альенде у него дома, на улице Томаса Мора. Президент признавал, что страна на грани переворота. Он рассказал нам, что с генералом Пратсом они обсудили возможность обосноваться в расположении одной из воинских частей и оттуда оказывать сопротивление мятежникам. Было несколько полков, во главе которых стояли верные офицеры, но и они уже не могли бы повести за собой подчиненных. Карлос Торо, бывший заместитель генерального директора службы расследования, и товарищ Максимо, социалист, поддерживавшие постоянный контакт между собой и связанные с дружественно настроенными офицерами в вооруженных силах, соглашались с этим мнением, высказанным президенту генералом Пратсом. События последующих дней подтвердили, что действительно среди военнослужащих были верные люди, но они уже не располагали командирской властью. Многие из этих офицеров держались стойко. Их отдали под суд, изгнали из армии. Некоторых бросили в тюрьмы, выслали из страны. Были и другие офицеры — те, которые при правительстве Народного единства играли в его друзей, а на деле оказались хамелеонами: после переворота пошли на сотрудничество с диктатурой.

На заседании Политкомиссии надо было, что называется, выложить карты на стол. Как обстояло дело с нашими собственными силами, военизированными кадрами, которые нам удалось подготовить в целях защиты завоеваний

народа? Какими реальными средствами и возможностями они располагали?

Мы создали комиссии бдительности при партийных органах, каждая в составе десяти человек. Они придерживались полувоенной дисциплины и действовали в соответствии с указаниями областных комитетов партии.

В них насчитывалось по всей стране около трех тысяч человек, половина приходилась на провинцию Сантьяго. Эти люди играли важную роль в осуществлении мер предосторожности при проведении массовых мероприятий, охране помещений партии и обеспечении безопасности ее руководителей. Все они научились — кто лучше, а кто хуже — приемам самозащиты и обращению с короткоствольным оружием. Эффективность своей деятельности товарищи продемонстрировали во время празднования пятидесятилетия партии в январе 1972 года, обеспечив порядок и безопасность всех массовых мероприятий, организованных по случаю юбилея в провинциях, а также крупнейшего митинга в Сантьяго на Национальном стадионе. Такая работа требовала усилий и самоотверженности. Когда, к примеру, речь шла о проведении собрания в театре «Кауполикан», члены комиссий бдительности брали помещение под контроль в два часа ночи, тщательно его обследовали и охраняли его внутри и снаружи с этого времени и до окончания заседания.

Кроме комиссий бдительности мы располагали, как мы их называли, «малыми группами», каждая из которых включала пять человек. В них принимались товарищи с не менее чем пятилетним партийным стажем, без дисциплинарных взысканий, как правило прошедшие воен-

ную службу, отличавшиеся ясным пониманием политики партии и твердой убежденностью в ее правильности, стойкие, готовые на самопожертвование. Они должны были, если потребуется, взяться за оружие и действовать как умелые бойцы.

Наш «инструментальный» запас состоял из неопределенного количества короткоствольного оружия, имевшегося в наличии у членов комиссий бдительности. Для защиты завоеваний народа и конституционного правительства мы обзавелись четырьмястами автоматическими винтовками и шестью гранатометами, каждый с тремя гранатами. Это оружие предназначалось для малых групп, личный состав которых, в основном умевший обращаться с ним, не превышал по всей стране двухсот человек.

Военизированных сил, которыми располагала наша партия, хватало, чтобы при известных условиях начать партизанскую войну. Но их было явно недостаточно для боев, исход которых должен был решиться за два-три дня, с вооруженными силами страны, поднявшими мятеж против конституционного правительства. Кроме того, эти формирования не составляли единой организации, были слишком разбросаны и не получили автоматического оружия, которое удалось накопить.

Значительная часть народа, десятки тысяч коммунистов, социалистов, других революционеров были расположены к тому, чтобы вступить в борьбу. Но вместе с тем мы понимали, что соотношение сил явно ухудшилось и правительство уже не было хозяином положения. Основная масса средних слоев находилась в тот момент в лагере контрреволюции, куда оказались

перетянуты даже некоторые группы трудящихся.

На заседании Политкомиссии я подчеркнул, что, по моему мнению, в таких условиях мы должны все же предпринять все возможное, чтобы сорвать переворот, а если он произойдет, поднять массы на сопротивление режиму, не дать уничтожить партию и Союз коммунистической молодежи. Если мы призовем народ на фронтальную битву с врагом, сказал я, то на этот призыв откликнутся бойцы наших военизированных формирований, десятки, сотни тысяч безоружных граждан. Но это означает, добавил я, вступить в бой, который, мы знаем заранее, будет проигран, втянуть в смертельную битву лучших товарищей из нашей партии и революционеров из других организаций, готовых отдать жизнь за народное дело.

Изложенные соображения были одобрены, приняты соответствующие решения. Составлен «Манифест к народу» с призывом оказать сопротивление перевороту, сорвать его. Вечером в тот же день Манифест зачитала в передаче сразу по нескольким радиостанциям Хульета Кампусано. 11 сентября он появился в газете «Сигло». В понедельник же, ближе к вечеру, собрались члены Центрального Комитета, находившиеся в Сантьяго. Они заслушали подробную информацию Орландо Мильяса, поддержали решения, принятые утром Политкомиссией.

Каждый член Центрального Комитета взял на себя конкретную задачу. Профсоюзные, крестьянские, молодежные руководители, члены парламента на своем участке должны были сделать все возможное, чтобы объединить и мобилизовать людей на сопротивление, попытаться

предотвратить переворот, который, как уже стало ясно, начал осуществляться.

Одновременно мы решили обратиться с письмом к президенту Альенде, поторопив его обнародовать соображения о политическом урегулировании конфликта между исполнительной властью и парламентским большинством по поводу конституционных реформ.

Речь шла об одобрении этих реформ при условии представления еще одного проекта изменений в основном законе, чтобы установить порядок урегулирования разногласий между исполнительной властью и парламентом и созвать учредительное собрание. Оно функционировало бы параллельно с существующим конгрессом, вынесло бы окончательное решение относительно конституционных реформ. Если в этом случае не удастся достичь политического урегулирования, президент был готов пойти на проведение плебисцита.

Хосе Кадемартори, занимавший тогда пост министра экономики, отвез и вручил наше письмо президенту в тот момент, когда он совещался с членами правительства.

На встрече с Альенде в воскресенье, 9 сентября, мы уже обсуждали с ним те же вопросы. Он хотел уладить положение при полном согласии своей партии и Народного единства. Но такого согласия не получалось. Все заседания руководителей Народного единства, состоявшиеся в те дни, оказались безрезультатными.

Уго Миранда рассказал мне, когда мы находились на острове Досон, что президент Альенде в разговоре с ним вечером в понедельник, 10 сентября, высоко оценил письмо и усилия нашей партии с целью способствовать полити-

ческому урегулированию, которого он добивался. Есть также свидетельства, что во вторник, 11 сентября, или в среду, 12-го, президент собирался обнародовать свое решение уладить конфликт на указанных условиях.

Этот конфликт далеко выходил за рамки конституционных реформ, и, вероятно, объявление, которое должен был сделать президент, уже не спасло бы правительство. Однако этот шаг нарушил бы, по крайней мере на несколько дней, планы организаторов переворота. Им пришлось бы перетасовывать свои карты, а руководство христианских демократов, потворствовавшее свержению правительства насильственным путем, оказалось бы в затруднительном положении.

Известно, что империализм США и чилийская реакция вступили в сговор против народного правительства еще до того, как оно образовалось. Как ни парадоксально, эта заговорщическая деятельность началась задолго до президентских выборов 1970 года. Уже на выборах в 1958 году произошло нечто, не ускользнувшее от внимания руководящих кругов империализма и олигархии. Альянде уступил тогда победу, не добрав приблизительно тридцать тысяч голосов. Алессандри же при четырех баллотировавшихся кандидатах получил относительное большинство, собрав только двадцать девять процентов всех голосов, и Национальный конгресс утвердил его президентом. Кроме того, на политическую арену вступило крестьянство. В годы правления демохристиан его влияние усилилось. Вместе с тем быстро укреплялись и рас-

ширялись организации, в которых преобладали пролетарские и полупролетарские элементы. Возможность прихода левых сил к власти в результате выборов при трех или более кандидатах была, таким образом, реальной.

Эта возможность стала более очевидной, когда в начале 1964 года в провинции Курико состоялись выборы, на которых шла борьба за вакантное место в палате депутатов. На этих выборах в провинции, считавшейся оплотом олигархии, победил социалист Оскар Наранхо. Его победа была ошеломляющей. Правые так напугались, что прекратили поддерживать Хулио Дурана, кандидата радикальной партии¹, готового войти в сговор с олигархией; решили принять сторону Эдуардо Фрея, у которого, как представлялось — и это подтвердилось потом, — было больше шансов одержать верх над кандидатом левых сил Альенде.

В апреле 1968 года Радомиро Томич оставил пост посла в Вашингтоне и возвратился в Чили, чтобы вновь включиться в политическую жизнь страны и добиваться выдвижения своей кандидатуры на пост президента республики. Он выступал с откровенно антиправыми заявлениями, высказывался за полную национализацию медной промышленности, говорил о преимуществе так называемого «коммунитарного социализма». Между правыми силами и большинством ХДП возникла труднопреодолимая пропасть. Соглашение между ХДП и правыми с каждым днем становилось все более недостижимым. Рассчитывать на такое соглашение, чтобы с его помощью исключить перспективу победы левых сил

¹ Речь идет о президентских выборах 1964 года.

на выборах 1970 года, было уже нереально. В этих условиях в октябре 1969 года генерал Роберто Вио предпринял попытку поднять военный мятеж. Он добивался свержения правительства Фрея. Однако конечная цель этого мятежа — подавление демократического и революционного движения, срыв президентских выборов в следующем году. О том, что именно в этом была главная цель мятежников, убедительно свидетельствует то, что именно Вио стал организатором преступного покушения, убийства командующего сухопутными войсками генерала Рене Шнейдера, выступавшего за уважение воли избирателей и решения Национального конгресса. Это произошло за двенадцать дней до вступления Сальвадора Альенде на президентский пост. По словам участников покушения, они намеревались похитить генерала Шнейдера, чтобы спровоцировать вмешательство армии в события и фактически воспрепятствовать передаче власти народному избраннику.

ЦРУ не удалось стереть в Чили отпечатки своих пальцев. Чилийская реакция действовала в явном сговоре с американским империализмом. Аугустин Эдвардс, глава газетного треста «Меркурио», отправился в Вашингтон сразу после победы Сальвадора Альенде на выборах. 15 сентября он встретился за завтраком с Киссинджером и Джоном Митчелом, министром юстиции. Тогда и начал разрабатываться план, предусматривавший недопущение Альенде на пост президента. Затем этот план был одобрен Никсоном и Хелмсом, директором ЦРУ. Доллары потекли в Сантьяго в руки заговорщиков. «Деньги — не проблема», — скажет посол США

в Сантьяго Корри, получивший точные инструкции «спасать Чили от коммунизма».

На протяжении всех 1043 дней правления Альенде империализм и олигархия не дремали. Вашингтон начал с того, что сократил, а затем и вовсе прекратил предоставление кратко- и долгосрочных кредитов через Межамериканский банк развития, Международный банк реконструкции и развития и Экспортно-импортный банк. Так же поступили почти все частные американские банки. По поводу отказа Экспортно-импортного банка в кредитах Чили газета «Уолл-стрит джорнэл» 4 июня 1971 года признавала, что это объяснялось не экономическими, а политическими причинами. «Нью-Йорк таймс» от 1 августа добавляла, что решение о блокировании кредитов со стороны Экспортно-импортного банка было принято на уровне Белого дома. То же произошло с другими американскими банками. Компании США действовали заодно с правительством Никсона. 1 октября 1971 г. последний получил лично от вице-президента компании ИТТ («Интернэшнл телефон энд телеграф») Уильяма Мерриам предложение создать при Совете национальной безопасности специальный орган для давления на Чили, чтобы заставить ее подчиниться. Одновременно Мерриам посоветовал принять ряд мер, направленных на экономическую блокаду Чили. Помимо отказа в кредитах со стороны США, речь шла о воздействии на банки других стран. Они тоже должны прекратить давать ссуды. Вместе с остановкой на шесть месяцев закупки чилийской меди это создаст нехватку валюты у правительства Альенде. ЦРУ же станет осуществлять план, рассчитанный на создание в нашей

стране напряженного внутреннего положения, попытается заручиться поддержкой военных. Компания «Кеннекот» потребовала от правительств Франции и Голландии наложения эмбарго на чилийскую медь. Но этого мало. США отказались продавать Чили пшеницу через Управление международного развития и прервали поставку запасных частей для крупных горнодобывающих предприятий, для всего станочного и транспортного парка американского производства. Со своей стороны внутренняя реакция организовала укрытие товаров, черный рынок, утечку капиталов, контрабандный перегон скота в Аргентину, саботаж в сельском хозяйстве, забастовки владельцев автотранспорта, а в последние дни — ряд террористических актов и преступных покушений, среди них — убийство капитана первого ранга Артуро Арайя, преданного, энергичного военно-морского адъютанта президента Альенде.

Борьба развернулась на всех фронтах, и ее подоплека была в основном политической, идеологической. Столкнулись две силы: та, что стремилась к антиимпериалистическим и антиолигархическим социальным преобразованиям с социалистической перспективой, и та, что выступала против уже достигнутых прогрессивных перемен, желала полного восстановления господства империалистов и олигархии.

Сразу после того, как Альенде вступил на пост президента республики, развернулась битва за производство. Лозунг империализма и олигархии: «Добиться краха экономики». Цель трудящихся и всего народа — двигать ее вперед, преодолевая любые трудности. Были достигнуты заметные успехи. Единый профсоюз-

ный центр трудящихся активно взаимодействовал с правительством ради увеличения производства, особенно на государственных предприятиях. Они подписали важное соглашение, в котором увеличение заработной платы связывалось с ростом производительности труда. Но были и такие, которые гнули в другую сторону. В некоторых партиях выявились иные тенденции и взгляды. Кое-кто утверждал даже, что рост производства — это, мол, буржуазная цель. Нередко на фабриках и заводах государственного сектора зачисляли на непроизводственные должности дополнительных работников и даже пользовались этим, чтобы содержать сотрудников партийно-политического аппарата, или же увеличивали зарплату, несмотря на то что предприятия не располагали собственными средствами для покрытия новых расходов. Допускалось также нарушение программы Народного единства в отношении к мелким и средним собственникам города и деревни, это толкало их в лагерь оппозиции. Те, кто действовал так — хотели они того или нет, — подыгрывали империализму, первоочередной целью которого было добиться, чтобы правительство потерпело неудачу на экономическом фронте.

После того как Народное единство создало свое правительство, завоевало часть политической власти, оно начало вытеснять империализм и олигархию из самых важных центров, управлявших внутренней финансовой и экономической жизнью. Возникли административные советы на государственных предприятиях, производственные комитеты, профсоюзные промышленные кордоны, крестьянские советы, комитеты по снабжению и ценам, другие органы, при

посредстве которых трудящиеся, народные массы брали в свои руки управление, особенно в области производства и распределения. Этого было недостаточно: классовый характер государства не изменился. Олигархия сохраняла сильные позиции в парламенте, судебных органах, средствах массовой информации, в той же экономической сфере, административном аппарате и в вооруженных силах. Поскольку вопрос о государственной власти, по меткому и подтвержденному жизнью выражению В. И. Ленина,— главный вопрос всякой революции, на протяжении трех лет существования правительства Народного единства за власть шла борьба. На муниципальных выборах в апреле 1971 года поддерживавшие правительство партии получили 50,8 процента голосов (если не считать голосовавших незаполненными бюллетенями). Это была серьезная победа, но она не решала вопроса о власти. Надо было свести до минимума поползновения оппозиции, добиваться объединения еще более широких сил вокруг правительства, полностью изолировать олигархию и агентов империализма, лишить их власти.

Двумя годами позже, в марте 1973 года, партии Народного единства получили на выборах сорок три процента голосов, что все еще означало внушительную поддержку населения. К тому же оппозиции не удалось избрать такое количество парламентариев, которое позволило бы ей располагать двумя третями голосов в обеих палатах конгресса, чтобы целиком блокировать деятельность правительства и таким путем добиться смещения президента Альенде.

Правительство Народного единства можно было свергнуть лишь с помощью оружия, в ре-

зультате предательства группы мятежных генералов и адмиралов. Однако падение правительства Альенде было прежде всего результатом политического поражения.

Как указала наша партия на пленуме своего Центрального Комитета в августе 1977 года, «соотношение сил складывалось в пользу революции, когда было единство взглядов внутри Народного единства, когда предпринимались действия в соответствии с программой, когда осуществлялась мобилизация народных масс и правительство опиралось на нее, когда огонь направлялся против главных врагов и тем самым принимались во внимание различия в лагере оппозиционных сил.

И наоборот, когда упомянутые условия не соблюдались, когда брали верх расхождения среди участников коалиции, когда пытались действовать вопреки программе, когда стремились противопоставить народное правительство некоторым слоям народа, пусть даже незначительным, когда средние слои превращались в главного врага, народное правительство терпело поражения, враг использовал наши ошибки, и соотношение сил ухудшалось».

Изменение соотношения сил не в нашу пользу произошло, разумеется, не случайно, а потому, что враг политически действовал активнее нас, а мы (я говорю во множественном числе о всех партиях Народного единства) допускали немыслимые проявления сектантства. Сразу же после народной победы 4 сентября возникло выражение «у пэ¹ от пятого числа», которое кое-

¹ «У пэ» — первые буквы слов «Унидад популар», то есть Народное единство.

кто употреблял по отношению к чилийцам, быстро менявшим свою позицию, претерпевшим политическую эволюцию и переходившим к поддержке правительства Народного единства. А в последние дни этого правительства были люди, упорно противодействовавшие соглашению с ХДП, в рядах которой тоже, конечно, были открытые противники достижения договоренности.

Мы также допустили серьезные политические и идейные упущения в области гражданских свобод и, в частности, средств массовой информации, находившихся в наших руках. Мы позволили врагу пользоваться и злоупотреблять свободой, а средства информации, которыми мы располагали, в особенности государственный канал телевидения и телевизионный канал Чилийского университета, вместо того чтобы призывать народ и правительство к дальнейшему осуществлению социальных преобразований, играли на руку политиканскому празднословью и пустозвонству.

Предрассудки и закостенелые взгляды делали свое дело. В 1973 году импорт продовольствия достиг непомерных для чилийской экономики объема и стоимости. Несмотря на это, разрастался черный рынок, недоставало продуктов. Уже завершилась аграрная реформа. Важнейшей задачей было увеличение сельскохозяйственного производства. В стране было несколько тысяч тракторов. К тем, которыми мы располагали в 1970 году, добавились новые, привезенные из социалистических стран. Их ввоз в свое время вызвал в Народном единстве никчемную дискуссию: кое-кто ставил под сомнение качество этих машин, возражал против связанных

с их использованием в Чили технологических перемен. Мы были вынуждены поставить точки над «і». «Ничего не понимаю в тракторах,— сказал я.— Много лет назад побывал на тракторном заводе в Сталинграде. Потом видел машиностроительный завод в румынском городе Плоешти, на том самом месте, где в прежние времена французы строили самолеты. Не знаю, чьи тракторы были лучше, как не знаю, где в мире производятся самые хорошие тракторы. Единственное, что я знаю, в чем абсолютно уверен,— это то, что самый плохой трактор — тот, которого у нас нет, и если социалистические страны предлагают нам сельскохозяйственные машины в кредит, думаю, не может быть разных мнений, как поступить».

Справедливо замечание, что правительство Народного единства пало не из-за того, что мы ошибались, а из-за того, что поступали верно. Если бы были одни только ошибки, империализм и олигархия не стали бы затевать переворот и устанавливать жестокий фашистский режим. Но наш долг — не скрывать, а выявлять ошибки, для того чтобы нынешние и завтрашние борцы критически усвоили наш опыт, извлекли уроки из наших успехов и неудач. В связи с этим мы можем сказать, что на всех участках, во всех сферах были и достижения и поражения. Нет нужды касаться их подробно на этих страницах, но стоит упомянуть главные, такие, как наша неспособность защитить правительство и революционные завоевания, какие бы формы ни приобретала борьба.

Повторяю: количества более или менее подготовленных бойцов и оружия было достаточно, чтобы начать затяжную вооруженную борьбу, но недостаточно, чтобы сразу же противостоять более чем стотысячному войску, обладавшему огромной огневой мощью.

Здесь сказывались и политические ошибки. В 1963 году, то есть за семь лет до победы на выборах 4 сентября, мы начали военную подготовку некоторых кадровых партийных работников. И если мы не достигли должных успехов в этом деле, то не только и не столько из-за материальных затруднений, которые испытывал революционный отряд, действовавший в стране с буржуазно-демократическим правительством, сколько из-за влияния буржуазной идеологии, в том числе из-за представления, что чилийская армия будет верна конституции, что по своему профессиональному характеру она будет подчиняться гражданским властям и воле народа, каким бы ни было существующее правительство.

Товарищ, ответственный за военную работу партии в то время, составил в 1977 году по моему настоянию доклад на тридцати трех страницах о том, что было сделано и чего не было сделано в этой области. В представленном документе высказывались ценные соображения, говорилось, что партия, как авангард, должна располагать кадрами подготовленных в военном отношении революционеров, и в связи с этим вспоминалось, что в конце 1963-го или в начале 1964 года было предложено хотя бы части состава Центрального Комитета, включая членов Политкомиссии ЦК, пройти курс такой подготовки, познакомиться с основными принципами вооруженной

борьбы. Это предложение, добавляет автор доклада, было одобрено, но не осуществлено, так как лишь двое из членов Центрального Комитета прошли подобную подготовку. «Существо проблемы,— писал он,— в том, что на уровне ЦК мы оказались неспособными в полной мере проводить линию партии, которая обращала внимание на необходимость овладеть всеми формами борьбы». Отсюда недопонимание областными и местными комитетами своей ответственности за конкретное осуществление задачи, за широкое привлечение людей в малые группы и комиссии бдительности.

Формирование сил самообороны не может происходить стихийно, к нему нельзя подходить по-анархистски. Оно должно быть результатом твердой политической линии, решений и практических мер, принимаемых авангардной организацией или организациями. Боеспособность достигается лучше всего в огне борьбы. Но можно добиваться боеспособности и тогда, когда не стоит задача подняться против классового врага с оружием в руках. Не видеть этого — значит оправдывать неподготовленность революционного отряда, действующего в условиях буржуазной законности, к использованию всех форм борьбы. У нас в стране при правительстве Артуро Алессандри, пришедшем к власти в конце 1932 года после периода сильной политической неустойчивости, буржуазия стала создавать свою «республиканскую милицию», а во времена Народного фронта социалистическая партия организовала «социалистическую милицию». В обоих случаях речь шла о легальных либо терпимых с точки зрения действовавшей законности военизированных формированиях. Нельзя ис-

ключить, что подобная ситуация снова возникнет в будущем, хотя не в той же самой форме. Ведь после случившегося народ не может доверять вооруженным силам, если только их классовая природа и идеология существенно не изменятся. Можно привести другой интересный факт из нашего опыта, относящийся к более близкому к нам времени. Комиссии бдительности, которые наша партия организовала в середине шестидесятых годов, не были секретом для тогдашних правительств. «Не один раз, а в ряде случаев,— говорится в упомянутом докладе,— сами полицейские начальники вступали в переговоры с нашими ответственными за комиссии бдительности, чтобы договориться о некоторых вопросах, и даже делали дружеские замечания, когда кое-кто из наших товарищей — по наивности или из бахвальства — появлялся с выставленным напоказ оружием или носил его слишком на виду».

Если на смену фашистской тирании придет буржуазное правительство, а не народно-революционный режим, то народу будет нелегко осуществить свое право располагать собственными органами самозащиты. Но каким-то образом народ должен будет решить эту задачу.

Так же нелегко будет, если не произойдут серьезные революционные перемены, вести работу в вооруженных силах для распространения там демократических и прогрессивных идей. Но такую работу проводить необходимо. Речь идет не о превращении вооруженных сил в арену раздоров, а о том, чтобы освободить их от вредного, антипатриотического и антидемократического влияния, которое оказывали и оказывают

империализм и олигархия, и объединить, направить их на служение высокому долгу защиты подлинно национальных интересов.

Чилийские армия и военно-морской флот родились в борьбе за независимость. Они познали победы и поражения, покрыли себя славой во многих битвах. После завоевания независимости стали защитниками не только национально-го суверенитета, но и классового государства. Военно-морской флот воспитывался в английском духе, а армия после 1891 года — в прусском. С сороковых годов нашего века их обучают американцы. Проповедуемые Пентагоном и его академиями «модные» военные концепции служат интересам антипатриотических сил. Согласно лежащей в их основе доктрине, вооруженные силы прежде всего должны быть готовы сражаться с так называемым внутренним врагом, которым в конечном счете и на деле оказались народ Чили, чилийская демократия — все, что было прогрессивного в нашей стране. Пиночет расправился со всеми командирами и солдатами, не согласившимися примкнуть к мятежникам. Он приказал убить генерала Карлоса Пратса Гонсалеса и его жену Софию, отстранил от командования военно-морским флотом адмирала Монтеро, бросил генерала Бечелета в тюрьму, где тот умер от сердечного приступа. Он толкнул на самоубийство полковника Кантуариаса, велел арестовать, а затем выслать из страны генерала Поблете, полковника Галаса, майора Кастильо, капитанов Вергару и Сильву, многих других офицеров и унтер-офицеров армии и корпуса карабинеров. Кроме того, Пиночет стремился так или иначе отделаться от высокопоставленных военных, которые могли оттеснить

его или безоговорочно не подчинялись диктатору.

Наверняка большинство чилийских солдат не дают себе полного отчета в том, что было сделано с армией и другими вооруженными формированиями и что их побудили, заставили выступить против собственного народа. Распространять правду об этом в рядах военнослужащих, повсюду — наш патриотический долг. Пиночет не скупится на высокопарные разглагольствования. Он изображает себя самым горячим патриотом и националистом из всех чилийцев, противником чужеземных идей. На деле же он олицетворение предательства. Его идеологические концепции, проводимая им экономическая политика, интересы, которым он служит, чужеземные. И как не согласиться с Пересом Росалесом¹, который считал, что чужеземцы для Чили — лишь враги свободы.

Итак, мы думаем, нужно бороться за то, чтобы после падения диктатуры страна располагала претерпевшими глубокое преобразование вооруженными силами. В них должны укорениться демократические идеи как одна из главных основ их единства и боевого духа на службе народу и родине.

Старые идеи и институты не исчезнут сами собой. Но в конечном счете после переворота 11 сентября и фашистского угнетения никто не сможет думать, как раньше, и оставаться таким же, как раньше.

¹ Висенте Перес Росалес (1807—1886) — чилийский общественный и политический деятель либерального толка, известный своей книгой «Воспоминания о прошлом».

Президент и друг

Наш народ знал немало демагогов. Одним из них был Артуро Алессандри¹. В 1920 году Алессандри произносил речи, как он сам выражался, «с открытой душой», в защиту «дорогой черни», против «золотых каналов». Но, став президентом, забыл про «чернь», пошел за «канальями», проявил бездушие и жестоко расправился с рабочими селитряной пампы и Пунта-Аренаса. Народу пришлось также узнать и пережить в 1927—1931 годах диктатуру Карлоса Ибаньеса дель Кампо, а затем череду государственных переворотов и контрпереворотов и новое пребывание на президентском посту Артуро Алессандри.

За Алессандри последовали Педро Агирре Серда, Хуан Антонио Риос и Габриель Гонсалес Видела. Хотя эти три президента были членами радикальной партии, правили они по-разному. Первых двоих можно без обвиняков назвать прогрессивными, причем в большей степени первого, нежели второго. Все же их правление не удовлетворяло народ. Они не оправдали возложенные на них надежды. Правление Гонсалеса Виделы принесло горести. Во время избирательной кампании Гонсалес Видела не уставал заверять, что «никакая сила, человеческая или божественная, не сможет отделить его от народа и от коммунистической партии». Не прошло и года его президентства, как он обрушился на народ, запретил компартию и бросил

¹ Президент Чили в 1920—1924 гг., в 1925 и в 1932—1938 гг.

в концентрационный лагерь Писагуа, сослал тысячи членов нашей партии и симпатизировавших ей.

Пережив это, народ перестал доверять буржуазным политикам. В то же время в его глубинах рождалась мысль о том, что свою судьбу надлежит взять в собственные руки. Лидерство буржуазии бралось под сомнение. Большая заслуга Сальвадора Альенде в том, что он уловил эти настроения и взялся перевернуть страницу непоследовательных деятелей и предателей в книге чилийской политики. Мы никогда с ним не беседовали на эту тему. Но я уверен, он думал, что народ Чили должен наконец избрать президента, который будет верен и честен по отношению к нему, и поставил себе целью стать таким президентом.

В прошлом веке президент Хосе Мануэль Бальмасада воспротивился господству английского капитала. Он хотел, чтобы добыча селитры служила источником процветания Чили. Реакционеры-консерваторы стали на сторону мистера Норта, «короля селитры», и местных капиталистов, грабивших национальное богатство. Эти лицемеры, изображая себя защитниками свободы, спровоцировали военно-морской флот поднять мятеж против конституционного президента. Хосе Мануэль Бальмасада после свержения покончил с собой в здании миссии Аргентинской Республики 19 сентября 1891 года.

Для Сальвадора Альенде этот президент во многих отношениях был примером. Он тоже воспротивится господству иностранного капитала,

на этот раз в лице североамериканского империализма, и не отступит от благородной цели вернуть Чили ее главное богатство, которым теперь была медь, а не селитра.

Альенде продемонстрировал нестигаемую волю к достижению этой цели и к выполнению программы Народного единства. Не раз он давал понять врагу, что никогда не капитулирует, останется верным народу, даже если за это придется заплатить жизнью. Еще 4 декабря 1971 года в речи на Национальном стадионе, посвященной завершению братского визита Фиделя Кастро в Чили, президент Альенде предупредил: «...я говорю спокойно, абсолютно спокойно: я не апостол и не мессия, из меня не выйдет мученика, я социальный борец, выполняющий определенную, порученную мне народом задачу. Но пусть поймут те, кто хочет повернуть историю вспять, кто хочет игнорировать волю большинства чилийцев: я не сделаю ни шага назад, хоть и не создан быть мучеником. Пусть они знают: я оставляю дворец Ла-Монеда, только когда кончится мандат, врученный мне народом.

Пусть они знают, пусть это услышат, пусть это глубоко врежется в их сознание: я буду защищать... народное правительство, ибо такую задачу мне поручил народ. Другой альтернативы нет — только изрешетив меня пулями, они смогут помешать осуществлению моей воли, а она состоит в том, чтобы добиваться выполнения программы народа».

Так и произошло.

Незадолго до своей гибели он сознавал, что нам вряд ли удастся выправить положение. В первые часы после выступления мятежников

президент понял: судьба его правительства решена. Его последняя речь по радиостанции «Магальянес» не оставляет в том сомнений. Для него это была последняя возможность обратиться к трудящимся. Альенде воспользовался ею, чтобы сказать: надо защищаться, не дать расправиться с собой, он не уйдет в отставку и заплатит своей жизнью за верность народу. Альенде предупредил тогда врага о том, что поражение будет временным, ибо социальные процессы нельзя остановить силой.

Последние часы жизни Сальвадора Альенде — пример высочайшего героизма. Утром 11 сентября он был абсолютно выдержан и спокоен, собирал информацию обо всем, принимал решения. Альенде находился в Ла-Монеде. Он попросил, а затем потребовал, чтобы дворец покинули женщины. С ним осталось примерно сорок мужчин — сотрудники его правительства и члены его личной охраны, к которым присоединились семь человек из службы расследования. Президент указал всем боевые позиции, лично распределил оружие и сам стрелял из своего автомата.

Он говорил много раз, что не покинет добровольно Ла-Монеду и будет отстреливаться до последнего патрона (который, возможно, даже оставил бы для себя), защищая права народа и законность своего пребывания на президентском посту.

«Президент,— сказал Фидель Кастро на митинге в Гаване 28 сентября 1973 года,— не просто был смел и тверд в выполнении своего слова — умереть, сражаясь за дело народа, но и превратился в решающий час в фигуру гигантского масштаба. Присутствие духа, выдержка,

динамизм, командные способности и героизм, которые он проявил, восхитительны. Никогда раньше на этом континенте ни один президент не совершал такого исполненного драматизма подвига. Неоднократно беззащитная мысль подавлялась грубой силой. Но сейчас можно сказать, что грубая сила никогда не сталкивалась с подобным сопротивлением, оказанным на военном поприще идейным человеком, оружием которого всегда были слово и перо».

Кроме Ла-Монеды были и другие места, например Государственный технический университет, поселок Ла-Легуа, министерство общественных работ, фабрика «Сумар» и другие предприятия, где также взялись за оружие и сражались до конца члены народных партий, беспартийные рабочие, представители молодежи. И хотя их борьба не могла изменить положение, эти бойцы погибли не зря. Их славный пример вдохновляет и будет вдохновлять народ.

Между коммунистической партией и Сальвадором Альенде сложились отношения искренней и верной дружбы. Хотя она зародилась давно, со времени, когда Альенде стал руководящим деятелем социалистической партии и ее депутатом от Вальпараисо, а позднее — министром здравоохранения в правительстве президента Педро Агирре Серды, с 1952 года эта дружба стала более тесной, прочной. В начале того года часть социалистов высказалась в поддержку кандидатуры Карлоса Ибаньеса дель Кампо на пост президента. Другая часть заняла иную позицию. Она считала, что на президентские выборы надо было идти в союзе с компартией и

всеми левыми силами, выдвинув программу и кандидата с ясно выраженной антиимпериалистической и антиолигархической направленностью. Среди социалистов не было согласия, и в этих условиях одни, принявшие название народно-социалистической партии, заключили пакт с Аграрно-лабористской партией и прочими политическими группами и поддерживали кандидатуру Ибаньеса, а остальные, выступавшие под флагом Социалистической партии Чили, пошли на соглашение с коммунистами, в результате чего возник Фронт народа, который выдвинул кандидатом в президенты Сальвадора Альенде. Штаб по проведению кампании за его избрание разместился в старом большом доме с выложенными плитками двориками и коридорами, располагавшемся на восточной стороне улицы Серрано, совсем рядом с проспектом Бернардо О'Хиггинса. Во главе штаба стоял доктор Альфонсо Асенхо, а генеральным секретарем был Володя Тейтельбойм.

Ибаньес одержал победу, собрав 480 тысяч голосов. Он получил абсолютное большинство. В ходе избирательной кампании Ибаньес высказывался за аграрную реформу, против Риоде-Жанейрского пакта, привязавшего латиноамериканские армии к Пентагону. Кроме того, он выступал за отмену так называемого закона «О защите демократии», более известного под названием «проклятый закон», по которому запрещалось участие нашей партии в общественной жизни. Эмблемой его кандидатуры была метла. Этим как бы провозглашалось намерение вымести грязь политиканства и коррупции, которые пышно расцвели при диктатуре Гонсалеса Виделы.

Сторонники кандидатуры Сальвадора Альенде располагали очень скудными средствами и незначительными пропагандистскими возможностями для ведения предвыборной работы. Наша партия находилась на нелегальном положении. Несмотря на это, была развернута энергичная избирательная кампания. Володя Тейтельбойм, Хульета Кампусано и особенно Элиас Лаферте — в то время вместе с Сальвадором Окампо они представляли партию в сенате — сопровождали кандидата Фронта народа в поездках по стране. Главными пунктами его программы были: отмена «проклятого закона», возвращение стране ее национальных богатств, выход из Рио-де-Жанейрского пакта, наделение крестьян землей, установление отношений с Советским Союзом и странами народной демократии, а также удовлетворение самых насущных требований трудящихся. Предвыборные митинги были многолюдными. Однако Сальвадор Альенде получил только 52 тысячи голосов.

Что же произошло? Вспоминаю, как по дороге домой с многотысячного митинга, завершавшего избирательную кампанию Сальвадора Альенде, — я жил тогда к западу от Гран-авенида, между 28-й и 29-й остановками, — у меня завязалась беседа с одним рабочим. Этот человек признался мне, что из всех кандидатов ему больше нравится Альенде, но что голосовать он будет за Ибаньеса, так как у того больше возможностей победить, к тому же мой собеседник ни за что не хотел, чтобы избрали Петро Энрике Альфонсо, правого радикала, который продолжал бы политику Гонсалеса Виделы, или же представителя олигархии Артуро Матте Ларраина. Людям вообще не нравится участвовать

в деле, имеющем мало шансов на успех. А кроме этого, каких же усилий стоит вывести на орбиту кандидата, выдвинутого партией или поддержанного ею, в условиях буржуазного строя, при котором господствуют антикоммунистические предрассудки и гражданскими свободами могут пользоваться лишь те, у кого политическая власть и деньги!

В следующем, 1953 году, в марте, истек срок, на который был избран в сенат Элиас Лафферте. Его кандидатура не могла быть выдвинута для переизбрания, так как продолжал действовать «проклятый закон». Ибаньес не отменил его — это произошло лишь в конце его пребывания на президентском посту. Тогда партия решила поддержать кандидатуру Сальвадора Альенде на выборах в сенат от провинций Тарапака и Антофагаста, которые до этого представлял в верхней палате Элиас. Мы действовали так не в силу обстоятельств, а исходя из совпадения наших с ним позиций в основных вопросах.

Сальвадор Альенде происходил из состоятельной семьи. Однако он понимал страдания народа. Еще министром здравоохранения он проявлял особую заботу о матерях и детях. На протяжении более тридцати лет едва ли не в каждой речи касался этой темы. Выступая с трибуны, Альенде популярно разъяснял, как детское недоедание, недостаток белков в питании беременной женщины или младенца сказываются на физическом развитии и умственных способностях человека в течение всей его жизни. Возглавленное им правительство поставило целью бесплатно выдавать пол-литра молока каждому чилийскому ребенку и смогло это сделать. Это

не был демагогический шаг, как утверждали некоторые. Это акт справедливости, учитывавший жизненно необходимую потребность нарождавшегося поколения и всех детей до 14 лет.

Чуткость к человеку была свойственна Альенде. Вспоминаю его официальный визит в Советский Союз в конце 1972 года. Леонид Ильич Брежнев был сильно простужен, однако пришел в Большой Кремлевский дворец, чтобы приветствовать президента Чили и возглавить советскую делегацию на переговорах. По окончании последней советско-чилийской встречи Л. И. Брежнев и Сальвадор Альенде удалились в соседний зал, чтобы побеседовать наедине, лишь в присутствии переводчика. Когда подошла к концу их беседа, президент Чили сказал: «Товарищ Брежнев, я вижу, вы больны. Благодарен вам за то, что, несмотря на это, вы участвовали в наших переговорах. Я врач и вижу, что простуда у вас усиливается. Хочу попросить: пожалуйста, не считайте для себя обязательным быть на сегодняшнем приеме».

Эту отзывчивость Альенде я испытал на себе. Однажды на приеме в кубинском посольстве по случаю годовщины победы Повстанческой армии меня вдруг срочно вызвали к телефону. Звонили из дому, сообщили, что моя младшая дочь Мария Виктория — тогда ей было года четыре — проглотила ни много ни мало целый пузырек снотворных таблеток и ее спешно увезли в детскую больницу в Арриаране. Я побледнел. Альенде заметил, что со мной что-то неладное, и, узнав, в чем дело, предложил и настоял, чтобы мы вместе поехали в больницу. Как врач, он отправился в палату к Марии и спустя некоторое время вышел оттуда с приятной вестью, что

девочка уже вне опасности. Никогда не забуду этого поступка.

Альенде, конечно, прекрасно понимал, что положение рабочих и крестьянских семей, всего народа можно улучшить лишь решительными мерами, в корне покончив с империалистическим господством и монополией частной собственности на банки и землю, а также добившись для Чили самостоятельной внешней политики. Поэтому с такой настойчивостью, убежденностью он ратовал за национализацию меди и банков, за аграрную реформу, за установление отношений со всеми социалистическими странами...

Он имел обыкновение говорить, что не является вождем или мессией, а тем, что собой представляет, обязан своей партии и народу. Альенде, хотя не раз терпел поражение, сохранял глубокую веру в массы, в силу их организованности, борьбы и идей. Он был последовательным и твердым сторонником профсоюзного единства трудящихся, взаимопонимания социалистов и коммунистов и союза всех левых сил. Поэтому он и был тем великим деятелем, пропагандистом и проповедником идей социального переустройства, в котором нуждалась моя страна.

До и после президентских выборов 1970 года Альенде постоянно заботился об укреплении коалиции левых партий, единства народа. Он помышлял о создании более широкого движения, которому предлагал дать название «Фронт родины».

Альенде высоко ценил самоотверженность в борьбе. Как-то он сказал мне: «Если когда-нибудь мне поручили бы написать чью-либо биографию, я выбрал бы героем Даниеля Вер-

гару¹. Это самый самозабвенный и расторопный из всех сотрудников правительства. Он всегда на своем посту, днем или ночью, когда светит солнце, идет дождь или гремит гром».

В послании Национальному конгрессу 21 мая 1971 года президент Альенде, опираясь на поддержку большинства граждан, отдавших свои голоса Народному единству на муниципальных выборах за месяц до этого, подтвердил решимость добиваться полного осуществления своей правительственной программы. Он указал на необходимость принятия новой конституции и создания однопалатного парламента, предупредил об угрозе конституционному строю, которую несет склонная к насилию олигархия.

Реакция подняла вой. А Христианско-демократическая партия сделала важное заявление, в котором, в частности, говорилось: «Создание правительства Альенде — это конкретная возможность разрушить капитализм. Для достижения этой цели недостаточно завоевать президентский пост или располагать большинством в конгрессе. Революционный процесс требует также мобилизации средних классов. Эта мобилизация — единственное, что может позволить избежать столкновения, конфронтации с привилегированным меньшинством. И если указанный процесс должен будет развиваться в демократических условиях, — за что мы выступаем, — то он потребует от всех чилийцев умножить усилия, с тем чтобы сделать реальным достижение поставленных целей: благополучия, прогресса и достоинства».

¹ Даниель Вергара — коммунист, заместитель министра внутренних дел в правительстве Народного единства.

Вывод очевиден. Сила Народного единства, революционный порыв масс оказывали позитивное воздействие на все демократические круги, воодушевляя прогрессивные течения и способствуя изоляции реакционных элементов. Народное движение достигло своего апогея, когда конгресс единогласно одобрил 11 июля 1971 года проект национализации меди, а несколькими днями позже правительство взяло в свои руки Телефонную компанию.

Политика перемен никогда не пользовалась такой поддержкой, как тогда. Но дьявол уже начал строить козни. Делалось все возможное, чтобы отдалить христианских демократов от Народного единства, сблизить их с правыми. Империалистическое давление нарастало, а в рядах левых сил не было сплочения. Президент продолжал выполнять программу Народного единства. Но заговор уже готовился. Тем, кто замыслил переворот, удалось привлечь на свою сторону значительную часть средних слоев, а Христианско-демократическая партия открыто примкнула к крайне правой реакции, проголосовала в палате депутатов за резолюцию, обвинявшую правительство в мнимых нарушениях законности, поддержала мятежные забастовки и прервала диалог, инициатором которого был епископат. Только небольшая группа смелых христианско-демократических руководителей выступила против переворота. Большинство же в ХДП поддержало заговорщиков, отнеслось к ним с симпатией, ошибочно полагая, что через некоторое время все вернется на круги своя и управление страной снова перейдет в руки христианских демократов.

Пабло — боец партии

Среди вещей, которые уцелели после обысков в нашем доме, — письмо Неруды. Оно написано зелеными чернилами на желтой бумаге. У верхнего обреза каждого листа, посередине, напечатано: «Исла-Негра — Чили». Не знаю, каким образом Лили удалось спрятать это письмо. Сейчас, когда пишу эти строки, я не могу спросить ее об этом, так как она в Чили и пробудет там несколько месяцев. Письмо помечено 12 января 1967 года. Его привезла моя дочь Вивиана, когда приехала вместе с нашей младшей дочкой учиться в Москву.

Пабло пишет мне, что у него было «опасное заболевание десен, требующее длительного лечения», из-за чего он не смог в те дни побывать в Центральном Комитете. Мимоходом он упоминает о нападках, которым подвергся со страниц журнала «Пунто финаль». Выражает надежду, что сможет побеседовать со мной 20-го или 21-го числа. «Речь ведут обо мне, — замечает он, — но замахиваются выше». И почти тут же заключает: «Что бы я ни ответил, будет им на руку».

Затем Пабло пишет о главном — приглашает меня к себе в Исла-Негра. Пишет о мозаичном панно, выложенном художницей Мери Мартнер на камине в его библиотеке. Это произведение «могло бы быть оценено в тридцать тысяч эскудо по художественному исполнению и использованным материалам» — лазурит и другие чилийские камни. «Поэтому, — добавляет Пабло, — мне не по душе проявленное безразличие» (может быть, он приглашал меня раньше, а я ему

не ответил). «Нам хотелось бы, чтобы ты — ты и Лили,— продолжает он,— провели хотя бы один вечер у нас дома. Если это совсем невозможно, пожалуйста, пришли кого-нибудь, чтобы присутствовал от имени партии и принял это дополнение к тому, что есть в Исла-Негра, на закрытой церемонии, которая продлится полчаса. В любой день я могу умереть, а эти дела надо оформить. У Матильды на этот счет такое же мнение, как у меня».

Пабло уже оформил передачу в дар партии своего дома, который строил с такой любовью и старанием на прекрасной излучине тихоокеанского побережья. В одной из нотариальных контор Сан-Антонио был выдан соответствующий документ на имя Луиса Энрике Делано и доктора Эрнана Сануэсы, специально уполномоченных для этого.

Партия намеревалась, конечно, оставить дом в руках Матильды и Пабло до конца их дней и выполнить просьбу поэта о его захоронении в Исла-Негра. Кроме того, имелась договоренность превратить усадьбу в музей. Автор «Всеобщей песни» пережил бы свое время, годы и века. Издания его книг почти на всех языках заняли бы место на полках. Деревянные фигуры, украшавшие форштевни парусных кораблей, слоновый бивень с иероглифической надписью, старый телескоп, глобус, локомобиль, чугунный котел, такой огромный, что в нем можно было готовить еду для целого полка, выложенный изразцами фонтанчик для питья, красовавшийся в начале века в управлении серебряного рудника Уантахайа,— все, что там было, все, что Пабло собирал в своих поездках, обходя живописные рынки мира, и другие реликвии ос-

тались бы нетронутыми. Доход от музея поступал бы в распоряжение муниципалитета Эль-Киско. Намеревались построить еще несколько помещений, пожалуй, на нижней стороне участка, чтобы там «отдыхали уставшие люди» — рабочие медных рудников, угольных шахт и селитряных копей, как завещал Пабло во «Всеобщей песне».

Тирания разгромила «Ла-Часкону» — дом Неруды в Сантьяго, у подножия холма Сан-Кристобаль, и конфисковала дом в Исла-Негра. Из-за протестов, которые вызвали в стране и за рубежом эти варварские действия, хунта отступила и временно оставила усадьбу на берегу океана в руках Матильды.

Наступит день, когда здесь все можно будет устроить так, как намечала партия и как хотел того Пабло.

Народ чтит память о поэте. Ежегодно в день его рождения к дому Пабло в Исла-Негра приходят сотни людей и оставляют прекрасные, идущие от сердца слова на камнях и на окружающей дом ограде.

Пабло питал глубокую привязанность к своей партии. Стихи, которые он посвятил ей, прекрасны и исполнены безграничной любви. Всякий раз он говорил о партии с радостью и гордостью.

В капиталистическом обществе, даже в тех странах, где есть демократические свободы — реальное завоевание народа, многие коммунисты — среди них немало представителей интеллигенции — вынуждены держать в секрете свою политическую принадлежность. Поступают они так ради безопасности. Пабло Неруда пользовался уже широкой известностью, когда стал коммунистом. Он считал своим долгом во все-

услышание заявить об этом. Поэт гордился тем, что он коммунист. Его поведение заставляло врагов корчиться от бессильной злобы, утверждать, что политика, мол, убивает поэзию. Пабло опровергал эти домыслы стихами и прозой. Этот пример еще раз подтверждает историческую истину: всенародное признание писателей, деятелей искусства неразрывно связано с тем, живут ли они проблемами своего времени, посвящают ли себя отстаиванию справедливого дела.

Пабло позвонил мне по телефону из Исла-Негра, чтобы пригласить на премьеру «Ромео и Джульетты» в его переводе. Он сказал, что в билетной кассе театра Антонио Вараса будет два билета — для меня и моей жены — и что надеется увидеться там с нами. Весь артистический и дипломатический мир как будто договорился быть в этот вечер в театре. Пришли туда и несколько министров правительства Фрея. Когда приехали мы с Лили, Пабло с Матильдой ждали нас в фойе. Пабло сам забрал оставленные в кассе билеты и, увидев, что наши места оказались не в одном с ним ряду, стал обращаться по очереди ко всем, находившимся рядом, пока не устроил, чтобы мы смогли сидеть вместе. Вроде бы незначительная деталь. Но я об этом никогда не забуду. Первый антракт, второй, а затем и финал талантливой постановки театрального отделения Чилийского университета. Британский посол, другие послы, министры и деятели искусства, подошедшие, чтобы приветствовать и поздравить Пабло, видели нас вместе. Этого он и добивался. Пусть никто не забудет, что всемирно известный поэт, превосходный переводчик, воссоздавший для сцены дра-

му Шекспира о любви, состоит в коммунистической партии!

Пабло и партия были неразделимы. Я хочу сказать, что он как человек, как личность никогда не чувствовал себя звездой, свободным поэтом, единственное призвание которого — стихи, литература. Как коммунист, он вносил вклад в партийное дело своим словом, стихами, прозой и вместе с тем высказывал свое мнение по политическим вопросам в обычном, установленном для всех членов партии порядке. В его выступлениях на заседаниях Центрального Комитета всегда содержались интересные замечания. «Я думаю,— сказал он на пленуме, состоявшемся после избрания президентом Фрея,— что католическая масса проявляет склонность к голосованию за христианских демократов не только и не столько потому, что они кажутся более близкими к небесам, а потому, что во многих отношениях они в большей степени, чем мы, стоят ногами на земле». Это соображение было уместным и созвучным тому, что заботило участников пленума, который как раз и принял решение о необходимости сделать больший упор на работу среди масс. Именно на этом фронте нам предстояло состязаться с христианскими демократами.

Пабло состоял в ячейке электроэнергетического предприятия «Чилектра». Участие в ее работе было для него делом нелегким, поскольку специфические вопросы, на обсуждение которых уходило много времени, были далеки от него, иногда он вовсе не понимал, о чем шла речь. В последние годы, по возвращении из Франции, Пабло перешел в первичную организацию Эль-Киско, района, к которому относится

Исла-Негра. Положение изменилось, так как проблемы жителей побережья, обсуждавшиеся в этой ячейке, были ему хорошо знакомы. Это был человек, постоянно и заинтересованно следивший за деятельностью партии, за тем, что происходило в стране и в мире.

В апреле 1971 года Пабло, тогда посол во Франции, позвонил мне по телефону в Москву: я был приглашен на XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Он попросил, чтобы я обязательно заехал в Париж и рассказал о съезде и, конечно, о том, как шли дела в «Чилюшке», — так он называл свою страну, особенно если был вдалеке от нее. Мы откликнулись на его просьбу. Не успели Лили и я выйти из самолета в аэропорту Орли, как он засыпал нас вопросами. Он радовался победе, одержанной Народным единством на муниципальных выборах, а также решению Сальвадора Альенде установить отношения с Германской Демократической Республикой, которую в то время несправедливо не допускали в ООН. Мы оставились в посольстве. Пабло представил нас сотрудникам, мы долго говорили с ним. Во Франции Неруда яростно защищал дело Чили в тяжбе с североамериканскими медными компаниями, которые негодовали в связи с надвигавшейся национализацией рудников. Его заботило все — от этого важнейшего общенационального дела до положения одного человека — служащего посольства, престарелого чилийца, который много лет назад прибыл во Францию, работал шофером и которого по возвращении в Чили ждала нищенская пенсия.

Конечно, Пабло повел нас на «Блошиный рынок». Там мы пообедали. Когда мы шли по улоч-

кам «Марше-о-пюс»¹, многие торговцы и завсегдатаи рынка узнавали и приветствовали его. У Пабло были небольшие глаза, казалось, что он ими ничего не видит. Однако от его взгляда ничто не ускользало! И слышал он все. Мы остановились у одного прилавка. Пабло купил Лили красивые деревянные, с фигурами Дон Кихота и Санчо Пансы ложку и вилку. Затем он заволновался, увидав какую-то вещь, на которую мы не обратили внимания. Это была гравюра французского художника, изображавшая сцену из крестьянской жизни в местечке Уалки, недалеко от Консепсьона. Гравюра была сделана в прошлом веке, и, разумеется, Пабло купил ее. Находка ошастливила его.

Мы ни разу не видели Пабло сбитым с толку или колеблющимся. Земля никогда не уходила у него из-под ног, он не сбивался с пути, даже сталкиваясь с самыми сложными проблемами национальной или международной жизни. Как последовательный революционер, он был патриотом и интернационалистом при всех обстоятельствах. Кое-что в политике некоторых братских партий в области искусства приходилось ему не по вкусу. Но он верил, что все это будет преодолено жизнью, и, главное, Пабло понимал, что лишним словом он даст пищу врагу, потому и воздерживался от высказывания личных мнений, без учета позиции партии. «Никто,— писал Неруда, обращаясь к Союзу коммунистической молодежи, в своем знаменитом письме, которое назвал «Четырьмя листками трилистника»²,—

¹ «Блошинный рынок» (франц.).

² Найти четыре листка у трилистника считается в Чили предвестием удачи.

не должен считать себя выше партии. И это чувство скромности означает не самоуничижение, а возвышение над личным, усвоение дисциплины, которая всегда ведет нас к правде».

Пабло Неруда был человеком хорошей закваски. На его решение стать коммунистом повлияла гражданская война в Испании. Контакты Пабло с рабочими селитряных копей, шахтерами-угольщиками и горняками медных рудников, с простыми и скромными людьми из самых разных уголков страны, а также уважение, которое ему всегда оказывалось в нашей партии, способствовали его постоянной и боевой активности коммуниста, посвятившего себя избранному делу.

Партия никогда не оказывала давления на его волю. Он по собственному желанию решил передать нам в дар кроме дома в Исла-Негра деньги, полученные поэтом в связи с присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» в 1953 году и Нобелевской премии в 1971 году. Только по вдохновению Неруда посвящал партии бессмертные стихи и воспевал борьбу своего народа.

Мы не ставили Неруду в привилегированное положение. Со всеми представителями интеллигенции, коммунистами или сочувствующими, партия всегда стремилась сохранять такие же ровные и открытые отношения. Поэтому не встретило возражений пожелание ансамбля «Килапаюн» обладать исключительным правом собственности на матрицы грампластинок, которые он записал на фирме, созданной «хотой» в одной из стран, где проживают чилийцы-изгнанники, для популяризации чилийской песни. Бо-

лее того, при рассмотрении этой просьбы было решено, что партия и «хота» не должны получать отчислений от авторских гонораров своих членов — деятелей культуры и искусства, даже если, как и в упомянутом случае, имелись бы взаимное согласие и обоюдная выгода.

Партия считает своим долгом всячески помогать коммунистам — представителям интеллигенции, не ожидая от них чего-либо в ответ или, другими словами, не прося у них ничего сверх возможностей и веления собственного сердца.

Отношения с Нерудой были в этом смысле примером. Мы постоянно виделись. Я часто бывал у него в Исла-Негра. Мы встречались в Центральном Комитете партии. Вместе ездили по стране, особенно в Ньюбле, Консепсьон и в район Ла-Фронтеры. Когда он появлялся в Сантьяго, нередко заезжал к нам домой.

Однажды по дороге в ЦК — мы шли по улице Компаниа — он сказал, что не понимает, как людям может нравиться Сантьяго: «С трудом пробираешься через поток пешеходов на тротуаре, пересекаешь улицы, поднимаешься по лестницам или едешь в лифте. А если ты дома, — дзинь! — тебе не дает покоя телефон». Ему нравился Вальпараисо, но прежде всего Исла-Негра.

Мы, Лили и я, приехали к нему туда за одиннадцать или двенадцать дней до переворота. Думаю, что это было в день святой Розы или святого Рамона, 30 или 31 августа. Пабло был очень болен, прикован к постели и обеспокоен тем, что происходило. Он думал даже, что, если мятежники одержат верх, они появятся в Исла-Негра и учинят там бог знает что.

Я попытался успокоить его и сказал: «Да, может произойти переворот. Но тебя, Пабло, они не посмеют тронуть. Ты достаточно велик, чтобы они осмелились сделать это».

Он ответил мне спокойно: «Ты ошибаешься. Гарсиа Лорка, восхитивший мир «Цыганским романсеро», был королем поэзии, а ты знаешь, что с ним сделали».

Сантьяго — Москва — Сантьяго

Как только я в последние дни 1976 года прибыл в Москву, наши партийные руководители, с которыми я встретился, поставили передо мной вопрос о необходимости созвать пленум Центрального Комитета. ЦК не собирался с августа 1973 года. Следовало проанализировать период деятельности народного правительства и причины, приведшие к его свержению, сделать соответствующие выводы, рассмотреть новую ситуацию в стране и возможно точнее наметить направления нашей политики, нацеленной на то, чтобы покончить с фашистской тиранией.

Пленум пришлось проводить за пределами Чили. Он состоялся в Москве в августе 1977 года.

Мы вынуждены были провести за рубежом еще два пленума: в апреле 1979 года и в мае — июне 1981 года.

В августовском пленуме приняли участие все члены Центрального Комитета, находившиеся в этот момент вне страны, за исключением Хосе Пино, который по болезни не приехал из Бол-

гании, и Э. Н., у которого возникли трудности с выездом из Италии. Всего на пленуме присутствовали шестьдесят два человека, из них пятьдесят два члена ЦК и десять приглашенных. Нас известили, что из Чили специально на пленум приедут два товарища. Потом нам сообщили, что выедет только один. Но никто не прибыл. Тем не менее положение и борьба в стране были очень хорошо освещены. Этому способствовало участие в работе пленума Ракели, Даниелы, Елены, Марио и Эдуардо, которые несколькими месяцами раньше были в числе тех, кто сражался в подполье. В заседаниях пленума смог принять участие также Хорхе Монтес, последний узник концлагеря Трес Аламос.

Доклад, представленный пленуму от имени Политкомиссии ЦК, был одобрен единогласно. Он вышел несколькими изданиями. Два из них предназначались для отправки в страну. Одно из этих изданий состояло из трех брошюр, отпечатанных на тонкой бумаге. Каждая помещалась в обычный конверт и посылалась как письмо по тысячам адресов — в профсоюзы, казармы, церкви, адвокатские конторы, учреждения... Другое издание замаскировали под рекламный проспект фирмы, организующей туристские поездки в Египет и на Средний Восток. На обложке брошюры небольшого формата надпись: «Евротур приглашает тебя в древнюю Персию...»

Свержение правительства президента Альенде, чудовищные фашистские репрессии потрясли страну и весь мир. Почему случилась эта трагедия? Разве Чили не была одной из самых демократических стран континента? Как произошло, что вооруженные силы, которые считались чисто профессиональными по характеру и

конституционалистскими, попрали конституцию? Почему мы оказались неспособными защитить народное правительство или по крайней мере оказать активное сопротивление мятежникам? Был ли правильным лозунг: «Нет гражданской войне!», который настойчиво выдвигался в середине 1973 года? На эти и другие вопросы партия к тому времени еще не дала ответа, что вызывало путаницу и разного рода сомнения.

Аналитики различных идеологических направлений, особенно же марксисты-ленинцы из разных стран, изучали то, что произошло в Чили. Некоторые из исследований, глубокие и серьезные, представляют ценный вклад в систематизацию нашего опыта. Наряду с этим есть работы, которые носят поверхностный характер и ограничиваются повторением общих истин: к примеру, главная ошибка, мол, в том, что не смогли своевременно сменить путь, перейти от мирного пути к вооруженному, как будто это так же просто, как перейти с одной стороны улицы на другую.

Среди нас также возникли некоторые расхождения в оценках, не столь серьезные, но все же ненужные. Чтобы партия была сильной, необходимо постоянно заботиться о единстве взглядов ее членов, и прежде всего ее руководителей. Под этим знаком и проходила работа августовского пленума. Им не завершился анализ событий в Чили, но исследование, сделанное на нем, было самым тщательным и нелицеприятным. Центральный Комитет не ушел от ответственной задачи, которую ему полагалось взять на себя, и проведенный им разбор проблем отразил мнение партии.

Важность значения августовского пленума 1977 года еще вот в чем. Статьей 49 устава партии предусмотрено, что изменения в него могут быть внесены не только по решению национального съезда, но также «с единодушного согласия Центрального Комитета, когда это диктуется политическими условиями». В соответствии с этим была единодушно одобрена идея добавить в устав несколько положений. Новая, 50-я статья устанавливала, что «в случае, если партия находится в подполье и вследствие этого откладывается созыв национального съезда, пленумы Центрального Комитета наделяются полномочиями принимать решения, которые закреплены уставом за съездом». После утверждения этой статьи было решено создать новый орган — Руководящий комитет, более малочисленный по составу, чем Центральный Комитет, уполномоченный выполнять функции последнего между его пленарными заседаниями. Другое новое уставное положение указывало, что «у Коммунистической партии одно руководство независимо от того, что некоторые его члены могут действовать в стране, а другие — за ее пределами».

Приняв на себя полномочия съезда, Центральный Комитет получил возможность произвести обновление своего состава в рамках узаконенных партийных норм. Оно началось на этом же пленуме, который утвердил осуществленную после военного переворота кооптацию ряда товарищей и ввел в ЦК десять новых руководителей.

Не помню, кому принадлежала инициатива включить в устав положение, которое уполномочивало Центральный Комитет вносить в него

изменения в случае, если не сможет собраться съезд партии. «Кому бы она ни принадлежала,— заметил Родней Арисменди, когда я рассказал ему об этом,— он был предусмотрительным человеком, понимал, что партия не может связать себе руки, если окажется в подполье».

Во втором пленуме ЦК, который состоялся за пределами Чили в апреле 1979 года, приняли участие три товарища, прибывшие из страны. Один из них, Мигель, выступил с основным докладом. Этот пленум, одобвивший линию, которая была публично изложена в манифесте партии от мая того же года, поручил Руководящему комитету произвести новые изменения в руководстве партии, включить в состав ЦК до двадцати новых товарищей вместо такого же числа выбывающих из ЦК. Не менее четырнадцати из этих двадцати новых человек должны были находиться в стране. Об этом решении сообщили Внутренней руководящей группе (ВРГ) и попросили ее внести соответствующие предложения. Их, как и предложения, подготовленные нами за рубежом, рассмотрел Руководящий комитет на своем заседании в январе 1980 года, на которое приехали три представителя из Чили. Единогласно были одобрены кандидатуры семнадцати товарищей, находившихся в стране, и трех из числа проживавших за границей. Эти семнадцать, живущих в Чили, представители партии и Союза коммунистической молодежи, идут в первых рядах борцов против фашизма.

Центральный Комитет был избран в 1969 году на XIV съезде партии. Минуло много времени, произошли важные события, словом, желательно было его обновление. К тому же мы не-

досчитывались двадцати девяти из его девяноста членов, избранных XIV съездом. Шестеро из них пали от рук фашистов: Исидоро Каррильо, Энрике Парис, Марта Угарте, Давид Миранда, Альберто Молина и Хуан Лопес. Об одиннадцати нет вестей вот уже более шести лет, и, вероятно, они тоже убиты. Это Виктор Диас, Марио Саморано, Ульдарико Донайре, Хорхе Муньос, Фернандо Ортис, Хосе Вейбель, Фернандо Наварро, Сесар Серда, Бернардо Арайя, Мануэль Варгас и Хайме Донато. Семеро скончались: Оскар Астудильо, Пабло Неруда, Эктор Корвалан, Эухенио Вальехос, Омар Кордова, Луис Фигероа и Вальдо Атиас. Пятеро были отстранены от исполнения обязанностей членов ЦК за выезд из страны без согласия руководства партии или за другие проступки, совершенные после фашистского переворота.

Пленум ЦК, проведенный в мае — июне 1981 года, утвердил замену, одобренную Руководящим комитетом, и поручил ему осуществить новые перемещения, касающиеся состава Центрального Комитета, также с последующим утверждением. Предусматривалось, что в результате этих перемещений будут выведены из ЦК пятнадцать его прежних членов и включены до пятнадцати новых, по преимуществу товарищи, ведущие борьбу в стране.

Кроме того, пленум 1981 года решил восстановить деление на членов и кандидатов в члены Центрального Комитета.

До того момента из девяноста товарищей, избранных в состав ЦК на XIV съезде (семьдесят пять членов и пятнадцать кандидатов), продолжали выполнять свои обязанности пятьдесят четыре человека. С учетом же кооптированных

после 1973 года общее число членов ЦК было восемьдесят восемь.

Руководящий комитет собрался в октябре 1982 года. Этому предшествовало создание комиссии по изучению состава ЦК. Комиссия провела ряд заседаний и проделала обстоятельную работу. Она рассмотрела конкретно кандидатуру каждого коммуниста и приняла во внимание соображения, высказанные руководством, чтобы сформировать новый ЦК, политически закаленный, способный преодолевать трудности, чинимые фашистскими репрессиями, и укреплять партийную организацию ради достижения важнейшей цели — свержения диктатуры и установления нового демократического строя.

Руководящий комитет одобрил предложения об изменениях в составе ЦК, в который теперь входили шестьдесят девять членов и четырнадцать кандидатов.

Когда проходил августовский пленум 1977 года, большинство членов Центрального Комитета находилось вне страны. В Чили, не считая товарищей, которые были арестованы и с того момента пропали без вести, оставалось лишь девять из девяноста членов и кандидатов в члены ЦК, избранных XIV съездом. К тому же по разным причинам не все они продолжали партийную работу.

В настоящее время нам удалось изменить положение. Большинство членов ЦК, в том числе большая часть членов Политкомиссии ЦК, сейчас находится в стране.

Такова история августовского пленума 1977 года, последующих заседаний ЦК и Руководящего комитета, в частности, та сжатая инфор-

мация, которой пока можно поделиться, об изменениях, происшедших в составе центрального руководящего органа партии за прошедшие годы. Имена новых членов Центрального Комитета держатся в секрете. Доклады и выступления на пленумах ЦК и заседаниях Руководящего комитета сохранены в письменном виде и на магнитофонной пленке.

Вернемся на шесть или семь лет назад.

В 1976 году на нас обрушились удар за ударом — от потери в мае руководства, которое возглавлял Виктор Диас, до ареста в декабре Фернандо Ортиса и его товарищей. Связь между подпольем в стране и руководством за рубежом оказалась прерванной. Чтобы восстановить ее, в апреле 1977 года мы направили в Буэнос-Айрес Рикардо. Но там его схватили... Это потянуло за собой арест и убийство в Сантьяго Энрике Корреа, газетный киоск которого на углу проспекта Аламеда и улицы Амунатеги был связным пунктом. Исчез также сапожник Эрнан Сото, задержанный на условленном месте встречи.

Репрессии 1976 года, нарушение связи между товарищами в стране и за рубежом нанесли большой ущерб партии. Тем, кто стоял у руля после ареста руководства, возглавляемого Фернандо Ортисом, пришлось столкнуться с большими трудностями, в том числе финансового порядка. Несколько месяцев не представлялось возможным помочь им из-за границы.

Связь была восстановлена во второй половине 1977 года. В этом отношении оказался очень полезным приезд Роберто, возглавлявшего руководство партии в стране. Он пробыл с нами два или три месяца, мы обсудили и решили ряд важных дел.

В том же 1977 году в рядах партии стала ощущаться неудовлетворенность сложившимся положением. Рядовые коммунисты и некоторые руководители резко высказывали недовольство отсутствием «тыловой поддержки». Они не знали, какие усилия мы прилагали, с какими препятствиями сталкивались, стремясь оказать ее. Наметился разлад между теми, кто находился в стране, и теми, кто жил за рубежом. К примеру, один товарищ, провожая другого, выезжавшего за границу, сказал ему на прощание: «Передай привет старикам, но скажи им, что борьба ведется здесь». Все это очень беспокоило нас.

В некоторых партийных организациях сложилось также представление о «золотой жизни в эмиграции». Возник вопрос, где находится руководство партии. Были товарищи, решительно утверждавшие: «Руководство в стране — и все тут».

В начале 1980 года мы получили информацию от Альберто. Среди прочего он сообщал: «Одна коммунистка спросила о том, что будет, когда вернутся те, кто за рубежом. «Неужели, — сказала она, — мы вручим им партию на подносе?» Мы ответили ей: «Произойдет то, что вместе с нами будут наш Генеральный секретарь, Володя, дон Америко¹ и многие другие активисты и руководители, которые познали горечь изгнания». Мы не устанем воспитывать членов партии в этом духе, ибо у нас есть нечто очень ценное, а именно отсутствие групп, фракций, личных амбиций или соперничества».

Таким образом, мы, руководители партии, как находившиеся в стране, так и за рубежом, во-

¹ Так уважительно называют в Компартии Чили товарища Америко Соррилья.

время насторожились, стремились не упустить ни одной мелочи и взяли, что называется, быка за рога. Решительно, но вместе с тем и чутко, тактично осуществляли возложенные на нас полномочия. Во-первых, мы делали упор на защиту принципа единого руководства, означающего, что у партии — одно руководство, а конкретно — Центральный Комитет, у которого — одна Политкомиссия независимо от того, что часть членов указанных органов находится в стране, а часть — за рубежом. Во-вторых, прилагали усилия для расширения контактов, установления прочной связи, обширного обмена информацией и мнениями между теми из руководства, кто жил за границей, и теми, кто оставался на родине. И в-третьих, мы продолжали укреплять руководство партии в Чили.

В некоторых других левых партиях эти проблемы привели к установлению между руководителями в стране и за рубежом — в явной или прикрытой форме — отношений, как между тем, кто отдает приказы, и тем, кто их исполняет. В результате разлад, расхождение и даже опасность раскола сохраняются, по крайней мере подспудно.

Мы предпочитали действовать, придерживаясь принципа единого руководства. Это требовало практического решения проблем, касающихся обеспечения более тесной связи, диалога между членами Центрального Комитета и Политкомиссии, которые еще находятся вне страны, и теми, кто ведет борьбу в стране. Такое взаимодействие осуществлять нелегко. Но положительные результаты осуществления единого руководства говорят сами за себя.

В одном из писем, полученных нами от Внутренней руководящей группы, говорится: «Для нас не только исключительно важно, но и совершенно необходимо узнавать непосредственно от вас о ваших соображениях. Хотя излишне говорить об этом, такой метод мы должны применять все время, поскольку он позволяет нам консультироваться друг с другом. Иногда какие-то формальные аспекты, затрагиваемые в сообщениях, могут не разделяться вами или нами, но главное — высказываемое мнение по существу. Прошлый раз мы высказали оговорки относительно того, как вы ставили перед нами некоторые вопросы, касающиеся работы в профсоюзах. Но мы полностью разделяем по содержанию и по форме то, что вы говорите о положении в профсоюзном движении в последнем письме».

Расстояние, разделяющее нас, измеряется тысячами километров. Наши товарищи из руководства партии, ведущие борьбу в стране, делают героическую работу. Но факт, что кадровые руководители с большим опытом еще не смогли вернуться в Чили. Издалека лучше видишь лес, однако невозможно различить дерево, разглядеть листья, то есть ежедневно держать руку на пульсе событий. Случается также, что иногда дерево мешает увидеть весь лес и лучше оценить общую ситуацию. Все это — объективная основа для различных точек зрения по тому или другому вопросу. Они неизбежны, но не обязательно ведут к спорам, а тем более к расколу между коммунистами в стране и за ее пределами. История других партий знала споры и расколы такого рода. Мы, чилийские коммунисты, учитывали международный опыт, внимательно

изучали его. Поэтому придавали первостепенное значение принципу единого и коллективного руководства, а также сплочению всей партии вокруг ее политической линии и Центрального Комитета.

Всякий раз, когда надо было рассмотреть общую ситуацию в стране, выяснить какой-либо важный частный вопрос или же преодолеть более или менее существенное расхождение, прибегали к обсуждению и решению возникшего вопроса, для чего обменивались мнениями, проводили встречи представителей внутренней и зарубежной составных частей единого руководства партии. Последний раз необходимость урегулировать расхождение возникла в конце 1981 года в связи с различным толкованием политики партии в поддержку народного неповиновения. Некоторые товарищи истолковали и сформулировали ее так, будто в тот момент объективные и субъективные условия позволяли нам взять курс на восстание. Это разночтение обрело более серьезный характер из-за того, что пленум ЦК, состоявшийся в мае — июне того же года, ясно определил линию партии и уже предостерег против такого толкования. Расхождение было преодолено.

Все мы, члены руководства партии, воодушевлены одними и теми же целями, служим интересам народа, делу коммунизма. Это отправная точка для общего мнения. Но самого по себе этого недостаточно. Если при возникновении расхождений или ошибочных суждений стать на путь навешивания ярлыков и особенно поиска злостных умыслов, положение осложняется и достижение соглашения делается более трудным. Наоборот, если к вопросу подходить спо-

койно, объективно, проявляя братские отношения, если действовать терпеливо и не воспринимать иную точку зрения как личную обиду, то прийти к взаимопониманию относительно легко. Иногда кому-то может причинять неудовольствие чье-то мнение или чья-то позиция. Но, испытывая неудовольствие, надо переносить его на мнение или позицию, а не на человека. Как говорят: «Сержусь не на тебя, а из-за тебя».

И вновь я вернусь назад.

Поражение 1973 года было сильным потрясением для партии. На протяжении более двадцати лет до этого рабочее и народное движение разворачивалось все шире, народ вел борьбу против империализма и олигархии. Непрерывно росли наши ряды. Число членов партии достигло почти двухсот тысяч, а Союза коммунистической молодежи — около девяноста тысяч человек. Это говорило о влиянии в массах, престиже и авторитете, завоеванных партией. Были коммунисты, прошедшие через подполье (понятно, ни у кого из Союза коммунистической молодежи опыта подпольной работы быть не могло). В глазах коммунистов партия представлялась непобедимой, а ее линия безупречной. Свержение народного правительства показало, что это не так, что партия еще не была достаточно сильной, что мы совершали ошибки и что в нашей политической линии имелись некоторые недостатки. После случившегося члены нашей партии поняли, что надо больше размышлять, просеивать свои взгляды и решения как бы сквозь сито.

Такое отношение — исходная позиция для достижения более глубокой революционной сознательности и высокой степени личной и коллективной ответственности коммунистов.

Все мы без исключения, кто больше, кто меньше, оказались под влиянием окружавшей нас обстановки, буржуазно-демократических концепций, господствовавших в политической и культурной жизни страны. Это была прежде всего идеологическая слабость. Ее открытое признание более чем необходимо, абсолютно обязательно для того, чтобы вся партия больше училась, постигала теорию, уяснила свой долг быть готовой к разным поворотам событий — овладела самыми различными формами борьбы, включая и остронасильственные.

То, чему учит жизнь, усваивается быстрее, чем уроки, извлекаемые из книг, точнее говоря, последние воспринимаются лучше, когда опираются на опыт. Это означает в конечном счете, что для нашего народа — и, конечно, для нашей партии и других народных партий — годы фашистской тирании не пройдут бесследно. В массах формируется новый образ мышления, образ мышления революционный, более открытый, более широкий, более полный и ясный.

Совершенствование и развитие линии партии, ее теоретическое и практическое обогащение нашли благоприятный отклик. Чилийские коммунисты с одобрением встретили боевые установки и требования, содержащиеся в моей речи 3 сентября 1980 года и в последующих выступлениях и заявлениях. Многие стали задавать себе вопрос, достаточно ли они сформировались как коммунисты, или достаточно ли крепка их

приверженность коммунизму, чтобы выполнять новые задачи и переносить новые лишения, сопряженные с борьбой против тирании. Большинство успешно проходит самопроверку. Те, кто не чувствует себя столь уверенно, все же оказывают помощь партии, состоят они в ее рядах или нет, делают то, что могут. Есть и такие, их немного, которые отходят в сторону.

Некоторые товарищи приходят в ряды партии, не проникшись твердой убежденностью, привлеченные ее унитарной и творческой линией, ее единством, честностью, дисциплинированностью и чувством ответственности, тем, что коммунисты всегда отстаивали интересы рабочего класса и народа Чили, тем, что они борются за равенство и справедливость. Немало людей вступили в партию, не предполагая, что на их долю могут выпасть такие тяжелые испытания. Надо понимать процессы, которые происходят в сознании людей под влиянием трагедии, обрушившейся на наш народ, из-за перенесенных каждым страданий, разъединения семей, крушения личных надежд, из-за непрерывной антикоммунистической трескотни фашистских правителей, из-за разного рода других воздействий, испытываемых теми, кто находится в стране, и теми, кто оказался в изгнании.

Диктатура заставляет каждого определиться. Лучшие сыны и дочери встают на путь антифашистской борьбы. В ходе ее формируются стойкие и закаленные революционеры, готовые отдать жизнь за дело свободы. Некоторые обнаруживают слабость. Проясняется, кто чего стоит. Случаи дезертирства неизбежны. Но даже при этом можно пересчитать по пальцам сколько-нибудь известных коммунистов, которые сбежа-

ли с поля боя в эти годы. Если они сделали это, то только потому, что отошли от идеологических позиций и политической линии партии, а обстановка в ее рядах не допускала создания групп или возникновения течений. Таких людей можно сравнить с нарывами, которые сами прорвались, потому что тело здорово.

Мы считаем, что потеря хотя бы одного члена партии, независимо от того, исключают его или он сам уходит в сторону, — поражение. Поэтому мы терпеливо беседуем с теми, кто высказывает какое-либо сомнение или встает на расходящиеся с партийной линией позиции, убеждаем их. Считанные случаи мы не добивались успеха. Но в основном итоги были положительными. Кроме того, эта работа показывает, что партия никого не толкает к выходу из своих рядов. Кто уходит из партии, делает это по своему решению, насколько оно может быть свободно принятым решением, а не результатом специально рассчитанной на это буржуазной пропаганды.

В высших звеньях партии проявлялась особая забота о соблюдении ленинских методов коллективного руководства.

Наша партия сумела сохранить организационное, идейное и политическое единство на протяжении всего периода фашистской диктатуры не потому, что у нее какой-то иммунитет от любого недуга. Ни у одной партии нет такого иммунитета. Если наша партия успешно решала проблемы своей деятельности, возникшие из-за перехода в подполье и изгнания тысяч ее лучших кадровых работников, то это объясняется

несколькими факторами сразу. Один из них — правильный подход к проблеме отношений между теми, кто находится в стране, и теми, кто находится за рубежом, и осуществление единого руководства. Другой связан с практическим применением принципа демократического централизма в трудных условиях, в которых приходилось действовать. Естественно, при таких условиях осуществление этого принципа не может всегда соответствовать букве устава. Например, лишь руководящие органы ячеек могли формироваться в это время путем выборов. Местные же и областные комитеты пришлось назначать сверху. Но при этом принимались во внимание не только способности людей, но также завоеванный ими авторитет и престиж, то есть учитывалось мнение, сложившееся о них у коммунистов.

Руководство партии в стране, его ядро, действует в самом глубоком подполье. Несмотря на это, хотя, конечно, не сразу, ему удалось в результате настойчивых усилий создать сеть внутренней связи, постоянно доводить до органов среднего звена, а через них — до низовых организаций основные установки и задачи и вместе с тем собирать поступающую снизу информацию, знакомиться с мнениями, опытом и настроениями, успехами и неудачами членов партии...

Среди многих других факторов, обуславливающих сплоченность партии, один из самых решающих состоит в том, что наша партия — это прежде всего партия действия. Действие объединяет и позволяет придать творческую направленность деятельности коммуниста, заставляет его объективно оценивать не только трудности,

но и перспективы, чувствовать сердце народа и черпать от него революционную энергию, как явную, так и пока скрытую.

Мы храним, как сокровище, переписку, которая велась в этот период между внутренним и зарубежным составами единого руководства. Она показывает, сколько усилий и самоотверженности вложили наши товарищи в стране, чтобы сократить дни страдания нашего народа. Члены партии и Союза коммунистической молодежи находились на передней линии борьбы. Они были организаторами и руководителями уличных демонстраций, акций классовой солидарности с рабочими, проводившими забастовки. Трудились не покладая рук. Выполняли задачи, рискуя не только личной свободой, но и жизнью.

Партийная организация действует по всей территории страны, от края до края. Число членов партии превышает в четыре или пять раз количество коммунистов, насчитывавшееся в ее рядах в последние годы диктатуры Гонсалеса Виделы. Союз коммунистической молодежи, как всегда боевой, дисциплинированный и смелый, также организован в масштабе всей страны, объединил несколько тысяч человек, ведущих работу в рабочих поселках, на фабриках и заводах, в университетах. «Хота» участвует в самых смелых антифашистских выступлениях.

Мы потеряли многих дорогих товарищей. Тирания Пиночета яростно обрушилась на нашу партию, пустила в ход все средства в попытке покончить с марксизмом-ленинизмом. Но и через годы после фашистского переворота наша партия решительно и отважно ведет борьбу за

свободу, демонстрируя еще раз непобедимость коммунизма.

За рубежом организации нашей партии есть в сорока странах. В них состоит около трех тысяч коммунистов. Организации Союза коммунистической молодежи в зарубежных странах насчитывают более двух тысяч юношей и девушек. Хотя несколько сотен человек перешли из них в партию, они продолжали расти, принимая молодых людей, которые были детьми, когда покинули Чили.

Наибольшая из наших зарубежных организаций — в Канаде. В ней более пятисот коммунистов. Нелегко оказывать им помощь в работе главным образом из-за трудности въезда в эту страну. Нелегко поддерживать контакт с нашими товарищами и потому, что путь туда обходится дорого. Тем не менее существует регулярная связь с чилийскими коммунистами, разбросанными по этим сорока странам, в том числе и с теми, что живут в Канаде и Австралии. Разумеется, нас связывают волны Московского радио, радио Берлин-Интернациональ, радио Софии, Праги, Будапешта и Гаваны, чьи передачи, предназначенные для Чили, слушают также и те, кто оказался в эмиграции. К тому же слушать эти передачи — значит узнавать о том, что происходит в Чили, держать постоянную связь с родиной.

Вместе с живущими в изгнании членами других левых партий и беспартийными наши товарищи поддерживают контакт с организациями, отдельными лицами и правительствами, которые оказывают поддержку делу антифашистской борьбы в Чили. Изгнанники превратились в важную силу, способствующую развертыва-

нию и поддержанию на высоком уровне международного движения солидарности с нашим народом.

То, что рассказано и написано до сего дня о жизни изгнанников, лишь частично отражает драму сотен тысяч соотечественников, вырванных из своей земли и пересаженных на чужую почву в непривычном климате. Многие из них живут бедно. Но немалое число живет и в лучших условиях, чем в Чили. Некоторые привыкают и склоняются к тому, чтобы остаться за рубежом. Однако у большинства чилийцев-изгнанников нет иного желания, как вернуться на родину. Тем из нас, кто живет в социалистических странах, выпало счастье наиболее полно познать теплое, братское отношение, людскую солидарность. И все же, как и все изгнанники, мы испытываем желание возвратиться на родную землю, участвовать в борьбе нашего народа, разделить его судьбу.

Постоянно обращаются к руководству члены партии, сталкивающиеся с трудностями, которые они не могут разрешить сами. У них есть право обращаться к партии, а долг партии — помогать им. Партия — это не общество взаимопомощи, а организация, созданная для борьбы за установление нового порядка, при котором забота о человеке будет главным делом. Ну а что делать, пока такой порядок не установлен? Проявлять безразличие? Отстраниться и быть безучастным к драме товарища, к его личным проблемам? Нет, тысячу раз нет! Партия не только мозг, но и сердце народа. И в социальной борьбе сочувствие людям необходимо.

Были моменты, когда изгнанниками овладевало уныние. Когда Пиночет сумел преодолеть

кризис, возникший внутри самой военной хунты в конце 1978-го и в середине следующего года, когда мишура чикагской модели¹ ослепила очень многих, и позднее, когда тирану удалось навязать фашистскую конституцию, пессимизм овладел многими изгнанниками.

Партия не секта. Это означает, что она не отгорожена от жизни и поэтому, несмотря на отличающую ее стойкость, не застрахована от влияния настроений, царящих в окружающей ее среде, от идеологического давления, которому подвергаются ее члены, разбросанные по всему миру.

Теперь виден конец тирании. Но в те мгновения, когда это казалось несбыточно далеким, люди поддавались унынию. В наших собственных рядах были такие, кто только охал и жаловался и даже высказывал мнения, расходившиеся с партийными оценками. Некоторые наши утверждения, вроде того, что диктатура вступила в полосу заката или что ее дни сочтены, ставились под сомнение. Причина этого — казавшаяся устойчивостью диктатуры, мнимый триумф экономической политики Пиночета.

Иные товарищи возымели высокое мнение о себе, потеряли коммунистическую скромность, допускали пренебрежительное отношение к тем, кому не довелось учиться столько, сколько им. И наконец, пришлось столкнуться с недооценкой героического прошлого партии и роли старых руководителей. Тем и другим дала ответ Хульета Кампусано на последнем пленуме ЦК, сказав, что партия велика и сильна тем, что суме-

¹ Модель экономического развития, разработанная американскими экономистами из «чикагской школы».

ла объединить в одно целое ум и знания образованных с мудростью и самоотверженностью непросвещенных, а также порыв молодых с опытом пожилых.

Руководящий комитет на своем заседании в январе 1980 года среди прочих рассмотрел вопрос о деятельности партии в изгнании и необходимости применять — в возможно более полной мере — уставные положения, касающиеся внутрипартийной жизни. С этой целью было решено созвать партийные конференции — областные по своему уровню — во всех странах, где проживает значительное число чилийских коммунистов. На конференциях шли широкие дебаты и были избраны координационные комитеты. Приравненные к областным комитетам, они ранее назначались, а не выбирались. Конференции показали, что в ряде стран в руководстве партийными организациями преобладало администрирование, вредившее нормальному ходу дел. Они показали также, что кое-где наметились идеологические шатания и что необходимо преодолевать ошибки, сохранять внутрипартийную демократию и централизм, одновременно развивая творческую активность.

Разумеется, конференции не могут разрешить все проблемы, тем более в условиях, когда партийные организации действуют на чужбине.

В середине 1982 года мы пригласили приехать к нам для беседы руководителя координационного комитета в одной из европейских стран. Это весьма заслуженный товарищ. Но он решил распоряжаться волей части из полутора сотен чилийских коммунистов, проживающих в изгнании в этой стране. Мы пригласили его, чтобы поговорить с ним, так как пришли к выводу,

что лучше, если он оставит свой пост. Сказали ему об этом. Он откровенно ответил нам, что не убежден в необходимости такого шага. Тогда мы ему посоветовали: «Подумайте еще, а завтра поговорим снова».

На второй встрече товарищ заявил, что продолжает считать, что не должен оставлять свой пост, что это не поможет работе партии, но тем не менее пришел к заключению, что у него не остается другого выхода, как подчиниться мнению руководства. Мы тут же ему возразили: «Нет, товарищ, если вы не убеждены, тогда должны и дальше возглавлять координационный комитет. Иначе получится, что вы оставляете пост под давлением, а это недопустимо». Он был удивлен и обрадован.

Что другое мы могли сделать? Устав позволяет смещение с ответственных постов в строго определенных случаях, ни под один из которых вышеизложенный не подходил. И хотя в конечном счете товарищ выразил готовность считаться с мнением руководства, было бы неправильно воспользоваться этим. К тому же, если человек не был убежден — а он действительно убежден не был, — настаивать в тот момент, чтобы он оставил свой пост, означало бы нанести ему обиду, вызвать чувство, что с ним обошлись несправедливо, которое, возможно, осталось бы у него на всю жизнь.

У изгнанников из Чили сильна тяга к жизни и стремление делать что-то полезное. Тысячи и тысячи чилийцев и чилиек посвятили себя выполнению благородных задач по поддержке борьбы своего народа, сохранению и развитию чилийской культуры, осмыслению социальной действительности стран, в которых проживают,

профессиональной подготовке и совершенствованию в самых различных, иногда трудных областях современной науки и техники.

Особенно плодотворной была и остается деятельность коммунистов. Помимо постоянных усилий по объединению всех врагов диктатуры и содействия самому широкому развертыванию движения солидарности с борьбой нашего народа они ведут культурно-массовую работу, где бы ни находились, издают и распространяют по всему миру «красный бюллетень» и журнал «Араукария», выпускают такие полезные местные журналы, как «Дон Река»¹, собирают более двухсот тысяч долларов в год для пополнения финансов партии, оказывают материальную помощь примерно сотне семей убитых или пропавших без вести товарищей.

Несколько сотен членов нашей партии и других левых партий получили возможность поставить свои знания на службу делу свободы и экономического, культурного развития Никарагуа и Мозамбика. Вклад, который они внесли в обоих случаях, имеет историческое значение. Он составляет фундамент, на котором будет зиждиться прочная дружба между чилийским народом и народами этих стран.

В начале 1977 года Фидель Кастро после успешной поездки по ряду стран Африки был с визитом в Москве. Мы попросили о встрече, чтобы приветствовать его. Поехали к нему с Гладис и Володей. В ходе беседы он спросил нас, сколько членов нашей партии проживает в

¹ Так уважительно чилийские трудящиеся называли основателя Коммунистической партии Чили Л. Э. Рекабаррена.

изгнании. Мы ответили, что за пределами Чили три тысячи коммунистов и более тысячи членов Союза коммунистической молодежи. Немало коммунистических партий насчитывает несколько тысяч. Поэтому Фидель заметил: «Это порядочно. Они составляют целую партию».

Да, это так. Мы составляем партию в изгнании, которая, однако, является и считает себя частью крепкой и единой коммунистической партии, сражающейся в Чили против фашизма.

Четверть века на посту Генерального секретаря

В соответствии с уставом партии Центральный Комитет избирает своего секретаря, который, строго говоря, является Генеральным секретарем Центрального Комитета, а не партии. Естественно, это означает, что указанный руководящий орган может также сменить его в любой момент.

Это напоминание к месту, так как недавно исполнилось двадцать пять лет с тех пор, как меня избрали на этот пост. На мой взгляд, это много, пожалуй, слишком много.

На пленуме Центрального Комитета, где меня избрали Генеральным секретарем, в марте 1958 года я сказал, что назначение на этот пост — большая честь для меня и налагает большую ответственность, и добавил буквально следующее: «Вы считаете, что у меня есть основные качества, позволяющие быть Генеральным секретарем. Может быть. Хотелось бы, чтобы

это оказалось так, не ради меня, а ради партии. Но если на деле случится, что я не буду действовать хорошо и не преодолею свои недостатки и изъяны, то должен заявить, хотя с точки зрения устава нет необходимости говорить об этом, что у Центрального Комитета нынешнего состава или того, который будет избран на ближайшем национальном съезде, не останется ничего иного, как назначить другого товарища, невзирая ни на какие личные соображения».

Этого мнения я придерживаюсь и сейчас.

Личность руководителя складывается, формируется. Характер, талант и собственные усилия, которые он прилагает, чтобы повседневно совершенствоваться, — важные предпосылки. Но определяющее значение имеют обстоятельства, исторический момент, характер классовой борьбы там, где ему приходится действовать.

Все эти обстоятельства благоприятствовали моей работе. Действительно, на мою долю выпала честь занять пост Генерального секретаря, когда партия вступала в этап явного восстановления своих сил, фактически уже завоевала право на легальное положение и шла к тому, чтобы обрести его юридически, как это и произошло несколько месяцев спустя с отменой закона, запрещавшего ее деятельность.

Руководство партией с точки зрения разработки и проведения в жизнь ее линии и ее организационного развития, а это главное, не вызывало особых трудностей. С самого начала дело пошло таким образом, что ее руководящее ядро восприняло в духе критики и самокритики осуждение культа личности, предпринятое XX съездом КПСС, и ленинские нормы коллективного руководства стали применяться все бо-

лее широко. Опыт и способности моих товарищей по руководству дополнялись — почему не сказать об этом? — опытом, который приобрел я, работая рядом с Рикардо Фонсекой и Гало Гонсалесом, а еще раньше, хотя и короткое время, секретарем Карлоса Контрераса Лабарки. Что было для меня самым трудным — это публичные выступления. Я понимал, что надо выступать довольно часто, тем более что как раз в те дни партия должна была предстать перед народом и доказать свое право на легальное положение и участвовать с полной отдачей в президентских выборах, предстоявших в сентябре того же 1958 года. Даже если речь шла о выступлении по заранее составленному тексту, я переживал каждый раз, когда приходилось произносить речь. Со временем эти переживания возросли, но уже не только и не столько из-за того, что я считал себя плохим оратором, сколько из-за осознания растущей ответственности партии и тех, кто говорил от ее имени.

Во многом помог мне председатель партии Элиас Лаферте. Вместе с ним мы объездили значительную часть страны. Поездка, которую мы совершили по Большому северу¹, для меня незабываема. Элиас знал как свои пять пальцев пампу Тарапаки и Антофагасты. Старые селитряные разработки, печи которых погасли после первой мировой войны и кризиса 1929 года и в последующие годы, пришли в запустение. Там, где была когда-то жизнь, остались лишь обру-

¹ Район Чили, включающий северные провинции страны — Тарапака и Антофагаста.

шенные стены, непригодные куски кровли или пустые консервные банки, уже разъеденные ржавчиной. «Здесь находилась Каминья, тут — Росарио-де-Уара или Пеньячика, а там — Буэнавентура или Марусиа», — говорил он мне, указывая рукой, пока мы ехали, придерживаясь дорожного следа, от одной заброшенной разработки к другой.

Во время обеда в Посо-Альмонте Элиас увидел прикрепленную высоко на стене афишу, извещавшую о спектаклях в Икике знаменитой испанской труппы — исполнительницы сарсуэлы¹, и тут же стал напевать одну из мелодий, которую эта труппа привезла с собой сорок с лишним лет назад, а он, председатель компартии, запомнил ее. В департаменте Тальталь, по пути к селитряным копиям Флор-де-Чиле, — это название² звучало как насмешка над царившей там нищетой — он приходил все в большее возбуждение по мере того, как становился все слышнее шум «качучо» — огромных котлов, в которых бурлил раствор с минералом.

Когда Элиас говорил на митингах или просто на встречах с рабочими пампы, это говорил один из них. Я не знал другого рабочего-руководителя, который так бы сроднился со своим классом или которого этот класс так принимал бы как своего. Он был замечательным оратором. Говорил спокойно, иногда взволнованно, местами с раздражением, когда обличал нищету и злоупотребления; выразительно, следуя ритму речи, жестикулировал. Однажды, выступая вслед за мной в Консепсьоне, он произнес в мой адрес

¹ Специфический испанский театральный жанр, в котором диалог чередуется с песнями и танцами.

² Флор-де-Чиле — означает «Цветок Чили».

слова поддержки: «Секретарь партии,— сказал Элиас,— вырос, стал сильнее». Может быть, я говорил неплохо, и ему захотелось убедить меня в том, что я смогу, как и он, овладеть ораторским искусством.

В дальнейшем я не очень преуспел в этой области. Думаю, что большего мне удалось добиться в печатном слове, здесь я все требовательнее отношусь к себе. Не понимаю, как получалось, что, когда меня поставили во главе газеты «Сигло», я мог обычно за несколько часов написать материал почти на целую полосу. Сейчас же трачу несколько дней на заявление в две машинописные страницы и две-три недели на статью в несколько десятков страниц. Я пришел к выводу, что каждое слово должно употребляться с такой же точностью, как музыкальные ноты в партитуре. Обдумываю и взвешиваю каждое слово. Правлю свою рукопись несколько раз до последнего момента. И всегда после опубликования обнаруживаю, что какой-то термин можно было бы заменить другим, более точным. Признаюсь, что меня заботит стиль. Эта озабоченность более политическая, нежели литературная. Думаю, что коммунист должен излагать мысли ясно, в понятной всем форме. Точность в языке — часть стиля. Другая его часть — простота. Порой мы пользуемся жаргоном, который включает термины, чуждые обычной речи и вполне заменимые простыми и доходчивыми словами. Наибольший недостаток, которым мы страдаем,— лозунговый стиль, использование избитых, шаблонных фраз. Сила нашего слова в правде. Она станет еще более проникновенной,

если мы всегда будем пользоваться обычным разговорным словарем с идиомами и выразительными оборотами из родного языка.

Чем я горжусь, а такого, кстати говоря, немного, — это тем, что я знаю свою страну от края и до края, от «линии согласия»¹ до Огненной Земли, от Кордильер до моря на всем ее протяжении. Этим, как и многим другим, я обязан партии и особенно моим неутомимым спутникам в поездках по разным провинциям, в частности Элою Рамиресу, Ихинио Годою, Сиприано Понтиго, Ренато Кардани, Хуану Чакону Короне, Энрике Авенданьо, Сегундо Корреа, Серхио Вильялобосу, Карлосу Фигероа, Мануэлю Гальярдо, Сесару Серде и стольким другим, от которых я узнал не только извилистые дороги, пересекающие поперек растянувшуюся в длину территорию нашей страны, но и много интересного из их жизни.

Во время пеших путешествий я узнал лучше партию, тысячи и тысячи товарищей. Побывал на множестве собраний, больших и маленьких. На последних я всегда чувствовал себя более непринужденно и свободнее беседовал с моими товарищами по борьбе.

Это может показаться незначительным. Но я хочу подчеркнуть важность живого и непосредственного контакта с народом. Мы, коммунистические руководители, вышли из его гущи. Достигнув ответственных постов и высокого культурного уровня, мы рискуем как-то отдалиться

¹ Пограничная линия между Чили и Перу, установленная после войны между этими странами (1879—1883).

от него. Поэтому необходимо постоянно поддерживать и укреплять связи с массами и повседневные отношения с простыми людьми. Это — лучшее средство знать, чем дышит народ, о чем он думает, каковы его настроения. Не зная всего этого, трудно быть политиком-реалистом.

В начале шестидесятых годов Хосе Гонсалес, заместитель Генерального секретаря партии, и Рафаэль Кортес, руководитель Контрольно-кадровой комиссии, сделали мне замечание. Поскольку у человека, играющего заметную роль в какой-либо сфере, никогда нет недостатка в приглашениях, я стал проводить немало времени в компаниях, а это сказывалось на моей работе. «Нахлобучка» была необходима.

Я испытываю лишь чувство признательности Хосе Гонсалесу и Рафаэлю Кортесу, всем моим товарищам по руководству, с которыми я работал и которые столько сделали, чтобы знамя партии подымалось все выше.

Генеральный секретарь обязан следить за ходом деятельности партии на всех ее участках. Но в этом у меня никогда не было особой надобности, так как почти всюду были способные кадровые руководители, на которых можно было полностью положиться. Например, Оскар Астудильо и Виктор Диас, прежде чем занять пост заместителя Генерального секретаря, отвечали за работу в профсоюзах. Они знали свое дело не по книгам, жизнь для них была книгой. То же самое могу сказать о Рафаэле Кортесе, возглавлявшем Контрольно-кадровую комиссию. (Я говорю в прошедшем времени, поскольку

Луис Корвалан с женой Лили, 1977 г.

С дочерью Вивианой дома в Сантьяго, 1964 г.

С дочерью Лили Анхелиной дома в Сантьяго, 1969 г.

Луис Альберто — сын Л. Корвалана

С внуком Диего, Мехико, 1977 г.

Луис Корвалан у себя дома в Сантьяго

Открытие XIV съезда КПЧ в Сантьяго, ноябрь 1969 г.
(слева — М. С. Соломенцев).

Митинг в Сантьяго, июль 1973 г.

Луис Корвалан с П. Нерудой, В. Тейтельбоймом, женой Лили и дочерью Марией Викторией, 1966 г.

На XXI съезде КПСС. Л. Корвалан, Р. Арисменди,
С. Агирре дель Кристо, Д. Ибаррури.

Луис Корвалан и Фидель Кастро, Чили, декабрь 1971 г.

Луис Корвалан, Х. Фариа, В. Кодовилья, Москва, 1966 г.

На Красной площади в Москве, ноябрь 1967 г.
Слева — П. Барраса, справа — Х. Кампусано.

Луис Корвалан и Фидель Кастро.

М. Угарте, С. Рикельме, Л. Корвалан —
члены делегации КПЧ на XXIV съезде КПСС,
март 1971 г.

В концлагере на о. Досон с делегатами
Международного Комитета Красного Креста,
1974 г.

Встреча на аэродроме Внуково, 23 декабря 1976 г.

Со студентами из стран Латинской Америки
и Африки в Праге, май 1977 г.

На колхозном рынке, Тбилиси, октябрь 1977 г.

Социалистическая Республика Вьетнам.
Встреча в г. Хошимин

А. Куньял вручает Л. Корвалану модель станка,
на котором печаталось подпольное издание
газеты «Аванте!», Лиссабон, 1979 г.

На швейной фабрике в Узбекистане, 1979 г.

Встреча с делегатами XXVI съезда КПСС,
Москва, 1981 г.

Луис Корвалан и Гладис Марин на Красной площади,
1982 г.

вспоминаю товарищей, которых уже нет с нами, и касаюсь только периода нашей борьбы в Чили.)

В изгнании мы тоже работали дружно. Володя Тейтельбойм возглавлял зарубежную группу Центрального Комитета на протяжении более трех лет. Когда произошел переворот, он находился за пределами Чили, в Риме, по пути на родину из Советского Союза. Володя вернулся в Москву, откуда начал организовывать важную работу, ставшую делом тысяч чилийских коммунистов, принятых на проживание в сорока странах. В 1974 и 1975 годах из Чили выехали, фактически были изгнаны со своей земли, Орландо Мильяс, Хульета Кампусано, Гладис Марин, Мануэль Кантеро, Родриго Рохас, Луис Гуаставино, Мирейя Бальтра, Сесар Годой и другие члены Центрального Комитета. В начале 1976 года прибыл в Москву как глава делегации нашей партии на XXV съезде КПСС Америкы Соррилья. Понятно, что он выехал из Чили нелегально, как это сделал раньше Хорхе Инсунса. По решению Политкомиссии ЦК Соррилья вошел в состав зарубежной части руководства, где, как всегда, его работа была отличной.

Члены Центрального Комитета, оказавшиеся в эти годы вне страны, стали выполнять ответственные задачи на тех участках, куда их направляла партия. Ряд из них, в особенности Хосе Кадемартори, Виктор Контрерас, Мирейя Бальтра, Самуэль Рикельме и Луис Гуаставино, отличались тем, что помимо этого присылали нам интересные материалы, соображения и замечания. Это имеет особое значение. Как известно, высший орган партии — ее национальный съезд, а между съездами — Центральный Комитет. По-

следний в полной мере выполняет эту роль, когда собирается на пленарные заседания. По окончании пленумов члены ЦК разъезжаются по местам, где выполняют свою работу, и в определенной степени перестают действовать как единый орган. Поддерживать тесный контакт между Политкомиссией и всеми членами ЦК и каждым из них в отдельности трудно и в нормальных условиях. В нынешней же ситуации это намного труднее. Поэтому столь похвален образ действия тех товарищей, которые не ждут, когда спросят их мнение, а считают своим правом и долгом постоянно и при любой возможности сообщать его.

Пожалуй, стоит подчеркнуть, насколько важно выслушивать и принимать во внимание мнения коммунистов — от самых простых, рядовых до членов Центрального Комитета. Ведь линия партии, которая исходит из конкретной действительности, анализируемой в свете марксизма-ленинизма, представляет собой в конечном счете систематизацию знаний и опыта всех ее членов. Она не рождается в каком-либо кабинете и не изобретается в мозгу какого-нибудь руководителя. Конечно, руководители играют существенную роль в разработке политики партии. Но каждый день она подвергается испытанию практикой. Теория и практика сливаются в нерасторжимое целое. Сила и эффективность этого единства прямо зависят от глубины знаний и размаха действий тысяч и тысяч коммунистов.

В партии не должно быть двух типов коммунистов: одни — теоретики, другие — практики. Можно сочетать оба качества в различном соотношении, но нельзя обойтись и без того или другого. Наоборот, мы должны стремиться знать все

больше и в то же время применять полученные знания в повседневной практике.

Карл Маркс указывал, что самое главное — изменить мир, а не только объяснять его, как делали философы до тех пор. Поэтому в созданном им учении, которое развил и обогатил В. И. Ленин, коммунистическая партия определяется как активная организация, требующая от каждого из своих членов полной отдачи себя общему делу и железной дисциплины. Надо поощрять высказывание членами партии своих личных мнений и относиться к ним внимательно, но в конечном счете каждый из нас и все мы руководствуемся и должны руководствоваться мнениями и решениями партии. Только при этом мы будем составлять настоящую коммунистическую партию.

За последние 25 лет мы потеряли замечательных товарищей. Особенно чувствительна потеря ценных кадровых руководителей, членов Центрального Комитета, вышедших из рабочих, тех, кто посвятил свою жизнь борьбе за дело коммунизма, целиком отдавал себя партии и был примером революционной стойкости и самоотверженности. За смертью Гало Гонсалеса последовала кончина председателя партии Элиаса Лаферте. Потом мы лишились Хуана Чакона Корона, Роберто Лары, Хосе Гонсалеса, Сантоса Леонсио Медея, Эстебана Дельгадильо, Оскара Астудильо, Эктора Корвалана, Омара Кордовы и Луиса Фигероа. От рук фашистов пали Исидоро Каррильо, Давид Миранда, Альберто Молина и Хуан Лопес. Не вышли из камер пыток, исчезли — с тех пор прошло уже более шести

лет — Виктор Диас, Марио Саморано, Рафаэль Кортэс (Ульдариго Донайре), Сесар Серда, Фернандо Наварро, Бернардо Арайя и Хосе Вейбель. За четверть века, о которой идет речь, мы потеряли, следовательно, более двадцати руководителей из рабочих, входивших в состав Центрального Комитета.

В борьбе с фашизмом выковались новые руководители, в том числе и из рабочих, они сейчас стали членами Центрального Комитета. Это товарищи, продемонстрировавшие свое мужество, стойкость, инициативность и боевой дух. При всем этом трудно, невозможно возместить утрату тех наших товарищей, о которых здесь вспоминалось.

В военном училище, на острове Досон, в пехотном училище Сан-Бернардо и в концлагерях Ритоке и Трес Аламос наша корреспонденция подвергалась цензуре. Письма получали редко. Книги, журналы и газеты тоже проходили через цензурное сито. Только волны Московского радио, радио Берлин-Интернациональ и Гаваны не задерживались охранниками и проникали сквозь стены наших камер. Мы узнавали о движении солидарности с чилийским народом, охватившем весь мир. Когда слышали, например, что писатели Народной Демократической Республики Йемен или рабочие Мадагаскара требовали нашего освобождения, что в далеких странах, с которыми у Чили не было никаких отношений, раздавались голоса, осуждавшие фашистский террор, мы понимали, что с нами солидарны люди всей земли, что это — всемирное движение.

Однако, лишь ступив на советскую землю, побывав затем в разных странах, я смог оце-

нить по-настоящему товарищескую солидарность, ощутив всю ее широту и глубину.

Когда я прибыл вместе с Лили в аэропорт Внуково, нас встречали руководители партии и сотни советских граждан, чилийские студенты. В тот же день меня принял Леонид Ильич Брежнев. Это была волнующая встреча.

Советские люди сделали все ради моего освобождения. Мое прибытие в Москву значило для них победу, которая вызвала у многих слезы радости.

Между народом Советского Союза и народом Чили, между правительствами обеих стран, между КПСС и Коммунистической партией Чили, а также между КПСС и Социалистической партией Чили, членом которой был Сальвадор Альенде, установилась искренняя и сердечная дружба. С 11 сентября 1973 года голоса Чекини и Кати¹ стали доносить до слушателей Московского радио гневный протест всех советских людей, которые требовали положить конец фашистскому террору и разоблачали преступления военщины во главе с Пиночетом.

Солидарность советского народа была и остается твердой и постоянной. Много раз нам доводилось слышать здесь такие слова: «Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство, все советские люди всегда были, есть и будут на стороне чилийского народа в его борьбе за свободу и социальный прогресс». Это не вежливые слова, уносимые ветром. Они воплощаются в действительность, соответствуют конкретным делам.

¹ Луис Чекини и Екатерина Олевская — дикторы программ Московского радио на Латинскую Америку.

Проведя несколько недель в Москве, мы с Лили вылетели в Болгарию. Нам хотелось посетить эту прекрасную страну, чтобы поблагодарить за ее солидарность и побывать на могиле нашего сына Луиса Альберто. Всякий раз, когда мы оказываемся в Софии, первое, что делаем, — отправляемся на место его погребения и оставляем там цветы. Воспоминания о его жизни и смерти терзают нам душу.

Потом мы ездили в Италию, Германскую Демократическую Республику, Финляндию, Чехословакию, Венгрию, Румынию, на Кубу, в Венесуэлу, Мексику, Англию и Францию, Алжир, Федеративную Республику Германии, Бельгию, Швейцарию, Данию, Вьетнам, Португалию, Испанию, Швецию и другие страны. Повсюду чувствовали антифашистскую солидарность народа, братское внимание коммунистов и сердечность наших соотечественников, проживающих в изгнании.

На немецкой земле, там, где возник германский фашизм, мы с глубокой радостью видели, что Социалистическая единая партия Германии, возглавляемая выдающимся коммунистом Эрихом Хонеккером, заронила в сознание и сердца всего народа, включая маленьких детей, идею солидарности с нашей борьбой.

Интернациональная солидарность с чилийским народом — крупное движение, которое охватило в наше время многие миллионы людей на пяти континентах.

За годы, прошедшие после изгнания из Чили, я получил награды и памятные подарки, которые принимал не как личные дары, а как адресованные всей партии.

Во время моего заключения в концентрационном лагере Ритоке меня удостоили международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Знак лауреата — золотая медаль с профилем гениального вождя первой победоносной социалистической революции. Кроме медали мне вручили денежную часть премии, 25 тысяч долларов. Эти деньги были переведены на счет в один из швейцарских банков. Всемирный совет церквей любезно согласился отправить их в Чили в качестве скромного вклада в работу Викариата солидарности¹ католической церкви. Вместе с другими товарищами из руководства партии, находившимися в те дни в Москве, мы решили, что это — лучшее назначение денежной части Ленинской премии.

Президиум Верховного Совета СССР наградил меня орденом Ленина. С тех пор каждый чилийский коммунист испытывает чувство гордости, как бы нося его на груди. Я был награжден также орденом Карла Маркса Германской Демократической Республики, орденом Плайя-Хирон Кубы, орденом Георгия Димитрова Болгарии, орденом Клемента Готвальда Чехословакии, орденом «Мир и дружба» Венгрии, орденом Тудора Владимиреску Румынии и орденом Сухэ Батора Монголии. Помимо этого, меня удостоили Почетного знака ВЛКСМ, медали Артура Беккера Союза свободной немецкой молодежи ГДР, медали Жолио-Кюри Всемирного Совета Мира, медали Юлиуса Фучика Международной организации журналистов, медали Всемирной

¹ Организация, созданная после фашистского переворота 1973 года для оказания юридической и материальной помощи жертвам репрессий и членам их семей.

федерации демократической молодежи, медали 17 ноября Международного союза студентов, почетной медали города Болоньи и почетной медали города Пармы, где родился полковник Рондизони, участвовавший в борьбе за независимость Чили.

За одним лишь исключением все эти награды из золота, а некоторые украшены драгоценными камнями. Повторяю: они принадлежат партии, всем чилийским коммунистам, которые своей борьбой завоевали уважение во всех уголках земли.

Мой большой друг Хакобо Яски приехал в Чили в те времена, когда у него на родине, в Аргентине, правила ГОУ («Группа объединенных офицеров»). В первый период существования газеты «Сигло» он работал в ней корректором. Многие товарищи узнали и полюбили его за глубокую душевность и чувство юмора. Когда воцарилась диктатура Гонсалеса Виделы, Хакобо вынужден был возвратиться в Буэнос-Айрес. Несколько лет спустя он снова появился в нашей стране, чтобы провести отпуск, и встретил многих своих старых друзей.

«Как дела, че¹? Как чувствуешь себя и как чувствует себя Чела?» — спросил он одного из них. Ответ не заставил себя ждать: «Я чувствую себя хорошо. Что до Челы, то не имею представления. Мы уже давно разошлись».

Встретил другого товарища и спросил его: «Как твоя жизнь? Как дела у Ады?» Ответ был

¹ «Че» — характерное для аргентинцев дружеское обращение.

такой же, как предыдущий: сам чувствовал себя хорошо, но разошелся с Адой. По случайному совпадению в подобном положении оказались и некоторые другие товарищи.

Хакобо увиделся и со мной. Поинтересовался моим здоровьем, а затем спросил: «А как семья?» — «Хорошо, — ответил я. — Лили в порядке. Осталась дома с детьми, они ведь еще маленькие». — «Че! — воскликнул он. — Да ты — явление! После того, что наслышался, я уже решил не спрашивать о Лили. Подумал, что лучше спросить в общем, про семью».

Конечно, я не был никаким явлением. Если такое явление и существовало, то звали его Лили Кастильо, ибо крест супружеской жизни в обществе, в котором мы жили, несет больше женщина, нежели мужчина.

Тридцать семь лет мы делим радости и горести. Когда мы поженились, жили в маленькой квартире с электричеством, газом, горячей водой и телефоном. Прошло немного лет, и мы оказались в лачуге, где не было не только этих удобств, но даже и канализации.

Часто нечего было положить в кастрюлю, и мы отправлялись к «богатой тете», так в Чили называют ломбард. Там мы закладывали не раз, пока не лишились их навсегда, наши обручальные кольца.

Позднее мы снова стали жить в доме с удобствами.

Я был за рубежом по партийным делам, когда родились две из наших дочерей. Иными словами, в такой важный момент, в часы перед появлением на свет ребенка и после этого, я не мог быть рядом с Лили. Несколько раз меня держали в заключении или я «уходил на дно»,

скрываясь в подполье. Но и это еще не все. Мы потеряли нашего первенца, нас изгнали из страны. Все это Лили перенесла стойко. Она должна была также сносить обычные мелкие неприятности совместной жизни, что требует немалого терпения, понимания и уважения.

Такими достоинствами обладает не только моя жена Лили, но и тысячи и тысячи чилийских женщин. Я выражаю свою признательность не только ей, но и многим, многим таким, как она.

Если бы меня спросили, в чем секрет прочности моей супружеской жизни, не думаю, что я смог бы дать достаточно ясный и полный ответ. Мне пришлось бы говорить о том и о другом, о стольких вещах, от которых зависит прочность или зыбкость совместной жизни. Все же я мог бы сказать, что мы, Лили и я, разделяем умом и сердцем одни идеалы и понимаем, как важно не только зваться коммунистом, но прежде всего бороться за коммунизм, объединивший нас узамы, которые становились крепче от невзгод. Может, наша жизнь и сложилась так потому, что в конце концов все, что ни выпадало на нашу долю, мы преодолели.

К тому же нам всегда правилось жить своим домом и отправляться вместе всякий раз, когда надо было навестить друга или родственника, поехать на север или на юг Чили либо в ту или иную часть планеты. Это тоже делало наш союз прочнее.

Я мог бы еще много говорить об этом. Но думаю, что сказанного достаточно, чтобы ясно выразить мысль: в жизни революционера большое значение имеет «семейный тыл». Лили всегда была мне опорой.

В СССР

Года три-четыре тому назад в кинотеатрах и по телевидению показывали документальный фильм о жизни чилийцев в СССР. В одном из кадров появляется мальчик восьми лет. Его спрашивают о том, как его зовут, о родителях, братьях и сестрах, а затем об учебе в Чили.

— Я не учился,— говорит он.

— А что делал?

— Работал.

— Где работал?

— Продавал газеты, чтобы помочь матери,— отвечает мальчик.

Другой кадр — работница-чилийка за станком на одном из заводов Запорожья. Ее расспрашивают о том, чем она занималась в Чили, о работе в СССР, о ее семье. Она говорит о своих детях, рассказывает, что делал каждый из них и что младший, участник предыдущего эпизода, который на мгновение вновь возникает в кадре, продавал газеты, чтобы помочь ей прокормить семью.

Когда мы выходили с просмотра этого документального фильма, мой тогдашний переводчик похвально отозвался о картине. Он заверил, что фильм понравится советским людям, и добавил, что, конечно, есть вещи, которые в СССР невозможно себе представить. «Например, что восьмилетний ребенок должен работать, чтобы помогать своей матери. Это ужасно», — сказал он.

Я рассказываю об этом, начиная писать о Советском Союзе, так как думаю, что прежде всего следует сказать: эта страна — другой мир. К ней нельзя подходить с теми же мерками, что и к Чили или к любой капиталистической стра-

не, будь она развитой либо нет. Советские дети на особом положении. Сегодня утром я увидел, как отправлялись первые автобусы, увозящие на лето за город ребятишек из детских садов. Моя внучка Адела, которой еще нет и четырех лет, тоже уехала со своим детским садом на дачу в ста пятидесяти километрах от Москвы. Она могла поехать в еще лучшее место, например на Черноморское побережье, за две тысячи километров от этого города, в один из прекрасных детских санаториев. Но ее родители предпочли, чтобы на этот раз она поехала на дачу своего детского сада, потому что там она будет со своими друзьями и «тетями», воспитательницами.

Здоровье, как хорошо известно, также предмет первоочередной заботы социалистического государства. Начать с того, что медицинское обслуживание и больничное лечение бесплатны, а лекарства почти ничего не стоят или совсем ничего не стоят для тех, кто страдает хроническим заболеванием.

Работники здравоохранения пользуются высоким уважением. Здесь уже не говорят о диктатуре пролетариата, ибо на переживаемом этапе, этапе совершенствования развитого социализма, характер государства иной. Ныне существует всенародное государство. Говорят, однако, о «диктатуре врачей», чем хотят подчеркнуть, где в шутку, а где и всерьез, что мнение медицинских специалистов — последнее слово и никому не следует его оспаривать. Они решают вопрос о госпитализации, о продолжительности лечения в санаториях, о месте, куда рекомендуется поехать отдыхать, и обо всем, что связано со здоровьем каждого человека. Вот

какая важная у них роль. Однако врач с пяти- или десятилетним стажем получает меньше, чем иной рабочий на строительстве, в горной или металлургической промышленности. Здесь совсем иная шкала ценностей!

Ежедневно с девяти часов вечера до полдесятого мы смотрим по телевизору информационную программу. Программа начинается с новостей, касающихся самых различных отраслей производства. Благодаря этому день за днем на маленьком экране — юноши и девушки, строящие вторую транссибирскую железнодорожную магистраль от Байкала до Амура, рабочие-металлурги, разливающие расплавленную сталь, колхозники, убирающие урожай, крепкие в сверкающих чистотой передниках женщины, работающие на свиноферме, и столько других эпизодов производительного труда! Газета «Правда» также дает на своей первой странице информацию о подвигах строителей коммунизма. Им посвящаются подробные сообщения, фотографии и статьи на две или три колонки. Недавно был совершен еще один трудовой подвиг. По дну Днепра — одной из самых больших рек — за полгода до намеченного срока был проложен жизненно важный участок гигантского газопровода, протянувшегося из Сибири до Западной Европы. Рабочим пришлось извлечь миллионы кубических метров земли, выкапывать камни и полуокаменевшие деревья, а иногда даже кости мамонтов, чтобы вырыть траншею глубиной с трехэтажный дом, в которую заложили огромные предварительно сваренные трубы, собранные в звенья по 250 метров длиной. Затем те же рабочие перешли трудиться в бассейн реки Рось, чтобы протянуть несколько

километров газопровода через водные рубежи и болота.

Главная тема большинства художественных кинофильмов и художественной литературы, искусства вообще — труд и жизнь трудящихся.

Среди существенных различий между реальным социализмом и капитализмом, помимо бесплатного медицинского обслуживания и бесплатного лечения, получение образования, совершенно бесплатного на всех уровнях, а также система ежегодных отпусков, проводимых в санаториях и домах отдыха, на пляжах и в горах, что обходится трудящимся почти даром.

Жилье — проблема как при капитализме, так и при социализме. Но и здесь принципиальное различие между тем и другим, а точнее говоря, два отличия. Во-первых, темпы жилищного строительства в СССР уже позволили добиться того, что восемьдесят процентов городского населения проживает в отдельных домах или квартирах, а через десять лет так будут жить все. Во-вторых, дело в квартирной плате. Каждой семье или человеку на неограниченное время предоставляется жилье. За это они платят, как говорят в Чили, пустяк. Квартира из нескольких комнат, с ванной, кухней обходится нам всего в 20 рублей 54 копейки в месяц, то есть примерно в 30 долларов. Сюда входит плата за жилую площадь, свет, снабжение холодной и горячей водой, телефон, отопление, газ и другие коммунальные услуги. Любая неполадка устраняется за счет ЖЭКа (жилищно-эксплуатационная контора, администрация здания). На ее обязанности лежит и ремонт, который через определенное время проводится во всех домах. За подобную квартиру в Сантьяго, не считая

услуг, пришлось бы платить около 200 долларов.

В Чили мы называем «содовым источником» некоторые торговые заведения, которые вовсе не источники содовой воды или чего-то другого. Это не бары, но там подают напитки, не кафе, но в них подают легкую еду, бутерброды, чай и кофе. Лет двадцать или больше тому назад в Пекине Луис Энрике Делано, который пробыл там уже порядочное время, работая над переводами, сказал мне, что ни разу не заходил в Сантьяго в «содовые источники». «Но, товарищ Корвалан,— заметил он,— вы не представляете, как здесь мне их не хватает!»

Вспоминаю об этом потому, что те из нас, кто живет уже порядочное время в Москве, вдруг начинают скучать по некоторым вещам. Что поделаешь! Вкусы и привычки глубоко укореняются в человеке. Но в конечном счете речь идет если не о пустяках, то все же о том, что не является жизненно необходимым, не имеет никакого значения в сопоставлении с большими делами, заботящими человека в наше время.

Кое-кто из наших соотечественников, живших в СССР или в других социалистических странах, переехал затем в другие края, где как раз нет недостатка в «содовых источниках» любого рода. Все они во всех известных нам случаях скучают по Москве, скучают по социалистической стране, где жили раньше. Как говорится, что имеем — не храним, потерявши — плачем. Так уж устроен человек.

Здесь не найдешь всего, что есть в мире. Но то, что есть, распределяется наиболее справедливым на данном этапе образом. Не существует

классов или социальных групп, которые присваивали бы плоды чужого труда. Труд всего общества служит великим источником растущего общего благосостояния. Советские люди живут лучше с каждым днем. Никто не испытывает неуверенности в своем будущем. Никто не боится, что завтра может лишиться работы. Никому не угрожает драма не найти средств на хирургическую операцию или на оплату обучения детей. Уверенность в настоящем и будущем — бесценное завоевание. Всего этого, а также радушного отношения советских людей — вот чего лишились те наши соотечественники, которые жили здесь некоторое время и по той или иной причине, конечно, обоснованной, переехали в другие страны.

На Западе нередко говорят об очередях в Москве за теми или другими товарами. Верно, бывают очереди за апельсинами, которые привозят из Марокко или Испании, либо за бананами из Эквадора, либо за вьетнамскими ананасами. Есть очереди и за мясом. Оно стоит два рубля килограмм, почти три доллара, то есть в четыре-пять раз дешевле, чем в любой западноевропейской стране, о чем вражеская пропаганда умалчивает. Существует очередь за легковыми автомобилями. Здесь производят миллионы автомашин в год, в значительной части на экспорт, так как их продажа за рубеж приносит валюту и способствует развитию внешней торговли. В общественных интересах полезнее произвести трактор, чем легковой автомобиль. Опять большое различие! Нельзя отрицать, что перед нами два мира, которые исходят из

разных принципов и преследуют различные цели.

Поскольку речь зашла на эту тему, можно было бы сказать и о других «нехватках». Например, о нехватке книг. Здесь, как ни в каком другом месте на земле, можно увидеть множество читающих людей. Стоит спуститься в метро и поехать в любом направлении. В каждом вагоне найдется с десятков или больше людей, наслаждающихся художественным произведением либо ушедших с головой в научный труд. Потому в этой стране, которая издает книги самыми большими тиражами в мире, сотнями тысяч экземпляров, не хватает книг. Не хватает, так как много читателей, хотя ежедневно для производства бумаги приходится вырубать деревья на многих тысячах гектаров, но делается это по плану, а не почем зря, то есть не сводя на нет природное богатство.

В связи с принятием Продовольственной программы западная печать изображает дело таким образом, будто советское сельское хозяйство переживает глубокий кризис. Газета «Меркурио», издающаяся в Сантьяго, пошла еще дальше. Неизменно подтверждая справедливость лапидарного изречения: «Меркурио» врет», пущенного в оборот несколько лет назад студентами Католического университета, газета утверждает, что эта программа — признание провала социалистического сельского хозяйства. Раньше, во времена царизма, Россия была житницей Европы, а теперь, вещает «Меркурио», ввозит пшеницу, чтобы прокормить свое население, которое, мол, чуть ли не голодает.

Как говорится, бумага вытерпит все, даже попытку выдать за правду явную ложь. Вывоз пшеницы во времена царизма — одна из самых печальных глав в истории старой России, заметил как-то один советский журналист по поводу подобных измышлений. Она продавала пшеницу, чтобы расплатиться за роскошь царского двора и за импорт товаров, не производившихся из-за отсталости. Между тем люди умирали от голода. До первой мировой войны на Россию приходилось около четверти мирового экспорта зерна. Но тогда прозябали в нищете 30 миллионов человек, один из каждых пятерых жителей. Социализм победил голод и покончил с недоеданием. Социалистическое сельское хозяйство развивается высокими темпами, которые продолжают расти из года в год, а по калорийности питание советского человека достигает самого высокого мирового уровня.

Верно, ввозится пшеница, но она также вывозится, и в немалых количествах. Закупка и продажа одного и того же продукта — нормальная операция, которую осуществляют многие страны, и СССР прибегает к ней в собственных интересах и для развития торговых отношений, объективно способствующих делу мира.

С выполнением Продовольственной программы изменится структура питания в соответствии с оптимальными нормами, рекомендуемыми специалистами. Сегодня преобладают мучные продукты. Потребление мяса составляет 58 килограммов на человека в год, вдвое больше, чем в Чили. К 1990 году намечается достичь 70 килограммов. Для этого ставится задача помимо расширения производства кормов поднять производство зерна с 205 до 250—255 миллионов тонн.

Это вполне реальная задача, если учесть, что с 1965 по 1980 год оно выросло почти на 75 миллионов тонн. Продовольственная программа предусматривает увеличить потребление рыбы, молока, яиц, фруктов, овощей и других продуктов. Цифры, показывающие общий объем, которого достигнет планируемое производство каждого продукта питания, астрономические. Но цифры не говорят всего. Программа предусматривает выполнение гигантских задач всем советским народом. Речь идет, с одной стороны, о расширении посевных площадей на много миллионов гектаров, для чего надо провести осушительные работы на влажных и болотистых почвах, а на засушливых землях использовать оросительные системы, тысячи и тысячи новых дождевальных установок, или перебросить туда часть стока рек, впадающих в арктические моря. Все это делается согласно пословице «Семь раз отмерь, один раз отрежь», то есть учитывая воздействие, которое может оказать осуществление некоторых из этих гигантских проектов на экологическое равновесие не только в Советском Союзе, но и в других странах и на других континентах. С другой стороны, имеется в виду завершение комплексной механизации земледелия и животноводства, а также техническое перевооружение пищевой промышленности, увеличение поставок сельскому хозяйству минеральных удобрений и химических средств защиты растений, обеспечение агропромышленных отраслей транспортом, тарой и упаковочными материалами и, наконец, повышение производительности труда и урожайности.

Кроме того, намечается создать условия для того, чтобы каждая семья, проживающая на

селе, могла иметь личное подсобное хозяйство, содержать скот и птицу. В связи с этим надо сказать, что среди западных комментаторов нашлись умники, которые увидели в этом чуть ли не возвращение к капитализму или скрытое признание «преимуществ» личной хозяйственной инициативы и мелкого крестьянского производства. Дело в том, что социализм не отвергает ни того ни другого в рамках системы, то есть при условии, что деятельность крестьянской семьи в личном хозяйстве не сопряжена с эксплуатацией наемного труда. Продукты личного труда пользуются хорошим спросом на рынках, особенно если это деликатесы или ранние овощи, фрукты. Но за них надо платить больше. Они стоят намного дороже, чем в государственных магазинах. Главное, однако, тут в том, чтобы личное подсобное хозяйство удовлетворяло часть потребностей самой крестьянской семьи.

Советский Союз занимает шестую часть земли. Территория его почти в два с половиной раза больше Соединенных Штатов. Но его почвы и климат не самые удобные для сельского хозяйства. Значительная часть советской территории расположена в зоне вечной мерзлоты и низких температур, достигающих 70 градусов ниже нуля, для измерения которых не годится ртутный термометр, так как ртуть замерзает при 39 градусах.

«Даже в средней полосе,— говорил мне первый секретарь Ивановского обкома партии В. Г. Ключев,— у нас, товарищ Корвалан, всего четыре месяца на все земледельческие работы. В остальное время, две трети года,— снег и

сильные холода». Я подумал, что указанного срока едва хватает на посев, окучивание и уборку картофеля, вегетационный период которого в умеренном климате от девяноста до ста дней. А в моей стране есть районы, где картофель дает два урожая в год, а то и три, даже чуть ли не четыре — в таких особо благоприятных местах, как Валье-Эрмосо в провинции Аконкагуа.

В СССР, как и в Чили, сеют озимую и яровую пшеницу. Но риск здесь гораздо больше. К примеру, если снег ложится на посевы озимой пшеницы, когда она уже проросла и ростки достигают нескольких сантиметров, он защищает ее от морозов, так как не покрытые снегом посевы пшеницы могут перенести холод лишь не более 14—15 градусов ниже нуля. Если же температура опускается ниже до того, как выпадет снег, или же снег, выпав, растает и ударят сильные морозы, то посевы пшеницы погибают.

В Казахстане сеют яровую пшеницу. Здесь главная опасность — засуха. Зимой проводится снегозадержание, чтобы снег не смело ветром и он потом растаял на поле. В последние годы в этой республике, где заняты под зерновыми миллионы гектаров, стала применяться новая система земледелия, в основе которой — бесплужная технология, обработка почвы плоскорезами, проникающими в землю и рыхлящими ее, практически не затрагивая стерни. В результате стерня задерживает снег, способствует накоплению влаги и защищает плодородный слой, гумус, от ветровой эрозии. Зерно попадает в землю через узкую щель, открытую ножом плоскореза. В Казахстане уже обрабатываются по такой системе более двадцати миллионов гектаров, а во всем Советском Союзе, там, где

недостает влаги,— примерно сорок девять миллионов гектаров.

Во всех странах земледелие сопряжено с риском из-за климатических условий. Но нигде рискованность земледелия не достигает такой степени, как в Советском Союзе. Советские люди не делают из этого проблемы. Они довольны тем, что живут там, где им выпало жить, любят свою землю, свой климат. Они понимают: у них нет другого выхода, как победить природу трудом и техникой.

У советского гражданина, мужчины и женщины, всегда при себе в портфеле или кармане сумка или пластиковый пакет. Они нужны для покупок по дороге на работу или после работы. Очереди,— а они, кстати говоря, становятся все реже и короче, объясняются не только нехваткой товаров, например фруктов и овощей зимой, а тем, что еще недостаточно хорошо налажена торговля. Немало магазинов, торгующих продовольственными товарами, обувью, одеждой, как немало и людей, занятых в этой отрасли услуг. Но они не справляются с притоком людей, покупательная способность очень высока. Наступит время, когда государство будет ориентироваться в разрешении этой проблемы не столько на увеличение числа торговых точек и занятого в них персонала, сколько на еще большее развитие сети магазинов самообслуживания и универсамов.

Великое преимущество советской торговли, точнее говоря, советского социалистического общества в стабильности цен и их единообразии: как на окраине, так и в центре города товары стоят одинаково. За десять лет, с 1970 по 1980 год, индекс цен вырос примерно на 2,9 про-

цента, то есть на 0,29 процента в год, тогда как реальные доходы трудящихся возросли намного больше.

Кризис, переживаемый капиталистическими странами, едва затрагивает советскую экономику, хотя СССР вынужден больше платить за импортируемые товары, которые поднялись в цене. Но это не имеет особого значения. Ощутимо то, что СССР не испытывает ни экономического, ни финансового, ни энергетического кризиса. По существу, он не знает инфляции и тем более безработицы. Верно, что одно время были увеличены цены на меха, ковры, алкогольные напитки и сигареты. Увеличилась также плата за газ. Мы платили 16 копеек с человека в месяц независимо от потребления, так как даже нет счетчиков. Теперь платим по 42 копейки. Но всякий раз, как происходит подобное повышение цен, одновременно принимается решение о снижении цен на другие товары. Например, были понижены цены на некоторые лекарства, косметические товары, часы, электробытовые приборы, пальто из сукна и на отдельные ткани.

За жилье в 1983 году платят столько же, сколько и в 1928 году, пятьдесят пять лет назад. С 1948 года, то есть уже тридцать пять лет, не меняются тарифы на электроэнергию, плата за центральное отопление, телефон, проезд в метро, автобусе, трамвае и троллейбусе. Десятилетия сохраняются цены на хлеб, растительное масло, сахар и многие другие товары. Цена на мясо не меняется уже в течение более двадцати лет.

Многие продукты, такие, как хлеб, молоко и мясо, продаются по ценам ниже себестоимости, государство как бы доплачивает за них. «Мер-

курио» написала бы, что это политические цены и политическое субсидирование. Благословенные цены и благословенное субсидирование! — скажем мы со своей стороны. Они соответствуют гуманной социальной политике. Это общество, в котором никому не позволено наживаться на нуждах человека.

Когда Соединенные Штаты на исходе президентства Картера приостановили продажу зерна Советскому Союзу — из-за помощи, которую он оказал афганской революции, — высшее советское руководство заявило, что эта мера не скажется на потреблении хлебопродуктов населением, оно не уменьшится ни на один килограмм.

«Не лучше ли было бы, — спрашивал я себя, — воспользоваться случаем, чтобы указать на необходимость сократить это потребление, поскольку здесь едят хлеба слишком много, пожалуй, больше, чем где-бы то ни было?» Поделился этим сомнением с моим переводчиком. «Никоим образом», — ответил он.

Один итальянец говорил мне, что советские люди как будто потребляют в четыре раза больше мучных продуктов, чем жители его страны, где каждый божий день едят не только хлеб, но и макаронные изделия («тесто», как говорят аргентинцы), приготовленные на самый разный манер. Обильное потребление хлеба не признак богатства. Но здесь это исключение из правила. Советские люди едят его в избытке не потому, что он очень дешев, а из-за того, что это — традиционное, можно сказать, национальное кушанье. Эти привычки, видимо, будут меняться по мере выполнения Продовольственной программы, но пока они крепко держатся.

Конечно, у Советского Союза есть еще труд-

ности. Например, в некоторых районах не хватает рабочей силы. Обычно недостает трактористов, шоферов и комбайнеров или операторов машинного доения. Существуют также и более сложные проблемы, среди них, скажем, нарушение демографического равновесия, соотношение браков и разводов, проявление недисциплинированности и случаи небольших и серьезных отступлений от выполнения общественного долга. Но советский народ — это великий народ-труженик. Доброта — одна из главных его особенностей. «Всего доброго!» — обычное выражение, произносимое при прощании. Не только в советском законе, но и в сердце каждого гражданина этой страны нет места ненависти к другим народам или расам.

Евгений Евтушенко в одном из стихотворений вспоминает, что были времена, когда советским людям всего не хватало, даже хлеба насущного, но никогда не было нехватки «в последней рубашке для друга». И это точно характеризует мужчин и женщин этой страны, которые неизменно солидарны, щедры, исполнены братского духа и дружелюбия по отношению к друзьям при любых обстоятельствах.

Им несвойственно громогласно объявлять о помощи, которую они оказывают. По окончании визитов правительственных делегаций, которые в немалом количестве приезжают в Москву, чтобы договориться об оказании их странам экономического и технического содействия, в коммюнике никогда не публикуются цифры не потому, что их надо держать в секрете, поскольку никакого секрета тут нет, а потому, что советские люди всегда действуют так, без бахвальства.

Когда начались зверские бомбардировки Вьетнама, народы всего мира пришли в негодование. Мы, латиноамериканцы, присутствовавшие в те дни на съезде КПСС¹, были очень встревожены. Некоторые даже решились прямо спросить советских товарищей, что делается в поддержку вьетнамского народа. И получили успокаивающий, но не очень подробный ответ. Время и сам Вьетнам подтвердили действенную солидарность советских людей.

В этой стране нет ни одной семьи, которая не потеряла бы своих близких в годы второй мировой войны. Никакой другой народ не перенес в этой войне столько страданий, как советский. В ней погибло двадцать миллионов его лучших сынов и дочерей. К ужасным человеческим жертвам добавились разрушенные города и деревни. Не счесть пострадавших от войны семей, сирот, вдов и инвалидов. Сыграв решающую роль в победе над фашизмом, Советский Союз вносит сейчас наибольший вклад в дело сохранения мира. К сожалению, не все это видят или понимают. Антисоветской и антикоммунистической пропаганде удастся сбить с толку отдельных людей. Конечно, это не может не вызывать досаду и огорчение у советских людей. Но они не теряют выдержки.

Это многонациональный народ, перед которым история поставила самые ответственные задачи. На протяжении многих веков человеческий род претерпевал всевозможные бедствия: катаклизмы, эпидемии и войны. Но сейчас над ним нависла угроза уничтожения. Опасность ядерной

¹ Имеется в виду XXIII съезд КПСС, состоявшийся в марте — апреле 1966 года.

войны заключает в себе угрозу превращения Земли в мертвую планету. Накопленных на сегодня ядерных зарядов достаточно, чтобы покончить со всеми живыми существами и превратить земной шар, на котором мы обитаем, в выжженную пустыню. Даже если бы была приведена в действие лишь малая часть этой разрушительной силы, был бы нанесен невосполнимый ущерб и нарушилась бы жизнь растений и животных, как и жизнь тех изуродованных после ядерного пожара людей, которым удалось бы спастись. Советский человек считает своим долгом делать все, чтобы предотвратить эту катастрофу. Никто в этой стране не хочет войны. Здесь нет фабрикантов оружия, которые стремятся обогатиться на кровавой бойне. Напротив, каждый знает, что расходы на вооружение — это средства, которые могли бы пойти на повышение его благосостояния. Вместе с тем он понимает, что эти расходы необходимы. Советский Союз заявил, что не может допустить — и мы уверены, что не допустит, — нарушения военно-стратегического равновесия между странами — членами НАТО и странами — участниками Варшавского Договора. Нарушение такого равновесия поставило бы мир под непосредственную угрозу ядерной войны, сделало бы Советский Союз уязвимым для нападения, угроз и шантажа со стороны империализма, тогда как последний почувствовал бы свободу рук, чтобы попытаться с помощью силы отбросить вспять революционные процессы, развертывающиеся благодаря борьбе народов в стольких странах Африки, Азии и Латинской Америки.

К счастью, хотя не все это хорошо понимают, к счастью для человечества, существует СССР.

Советский Союз, все государства — участники Варшавского Договора, миллионы и миллионы мужчин и женщин во всем мире прилагали усилия, чтобы убедить правительство США и их союзников по НАТО в том, что размещение в Западной Европе сотен ядерных ракет, нацеленных на социалистические страны, представляет собой безрассудный шаг. Результатом осуществления этих планов может быть новый виток в гонке вооружений и очень серьезное возрастание военной угрозы в мировом масштабе. Борьба за мир, основной фактор политики Страны Советов, с самого дня победы революции одна из главнейших задач партии, государства и всего народа.

В то же время в Советской стране — спокойная, мирная жизнь. Люди трудятся, строят коммунизм. Дети, юноши и девушки ходят в школы, институты и университеты, ездят в пионерские лагеря и дома отдыха, занимаются спортом. В конце каждой недели на московских улицах можно увидеть сотни автомобилей, в том числе такси, украшенных разноцветными лентами. Эти машины везут молодоженов. Каждое 8 марта миллионы мужчин покупают миллионы роз, тюльпанов, гвоздик или веточек мимозы, которые появляются как по волшебству, ведь Москва еще покрыта снегом, чтобы вручить их своим женам, невестам, матерям, дочерям или женщинам — товарищам по работе. Каждое 9 мая празднуется День Победы над гитлеровским фашизмом. Каждое 7 ноября отмечается годовщина победоносной Октябрьской революции. На протяжении всего года бесконечная вереница людей идет через Красную площадь к Мавзолею Ленина.

Заключительные слова

Скоро исполнится десять лет со дня фашистского переворота. Это было самое мрачное десятилетие в истории Чили. Никогда раньше нашему народу не приходилось так долго страдать от террора. Во время второй мировой войны народы оккупированных стран Европы жили четыре года или пять лет под гнетом нацистских варваров, лишённые всех прав и свобод. В нашей стране действие так называемого «чрезвычайного положения» и комендантского часа растянулось вдвое.

Но, как доказывает и подтверждает история, деспотические режимы имеют свое начало, а также свой конец. Конец тирании Пиночета уже недалек. Она сталкивается сегодня не только с оппозицией слева, но также с оппозицией центристских сил и оппозицией, возникшей на правом фланге. Режим — в изоляции.

В словах, которые произносит сейчас тиран, — горечь и отчаяние. «С некоторых пор, — говорит он, — я наблюдаю, слушаю и размышляю и — почему не сказать этого — страдаю, когда перед глазами разворачивается такая политическая деятельность... Я наблюдаю деморализацию наших людей, наблюдаю, как наши люди умолкают и не отваживаются говорить, не отваживаются защищать правительство».

Так и есть. И в то время, как сторонников диктатуры становится все меньше и голос их звучит все тише, борьба народа нарастает, оппозиция становится всеобщей.

В своем стремлении удержаться у власти Пиночет до последнего момента будет пытаться

прибегать к террору. Но ни один тиран, каким бы жестоким он ни был, не может чувствовать себя абсолютным хозяином положения, когда наступает кризис и когда этот кризис затрагивает все слои общества.

Теперь уже ясно, что тирания идет к закату. Ее классовый характер — прислужничество интересам кучки империалистических монополий и местных финансовых кланов — неизбежно должен был привести к тому, что она будет активно отвергаться огромным большинством нации.

Во всем мире видят, какого уровня достигла сегодня борьба чилийского народа против диктатуры.

Эта борьба приобрела самые разнообразные формы: забастовки на промышленных предприятиях и в университетах, уличные манифестации, отказ делать покупки в заранее установленные дни, школьные бойкоты, кастрюльные концерты и выключение света в жилых домах в одно и то же время, проведение различных и многочисленных акций саботажа, коллективные беспорядки.

При этом народ проявляет богатую и незаурядную изобретательность. Чтобы легче пройти в центр Сантьяго, где проводятся многие демонстрации, наши люди надевают лучшее, что у них есть, и появляются в белых рубашках с галстуком. Форма у карабинеров зеленого цвета. Поэтому, чтобы обмануть полицейских собак и избежать их укусов, многие берут с собой зеленые тряпки и обматывают ими руки. Другие выпускают кошек, чтобы вызвать грызню между животными и суматоху среди полицейских. Простые булавки служат женщинам бое-

вым оружием. Ими они колют «сычей»¹, чтобы те выпустили задержанных.

Наши люди демонстрируют поразительную смелость. Голодные марши и другие формы протеста, которые проводятся с некоторого времени, готовят в открытую. Не было другой альтернативы, как открыто призывать народ участвовать в них. Требовалось мужество, чтобы откликнуться на эти призывы. Ведь люди заранее знали, что на них обрушатся репрессии: полиция с водометными машинами, собаками и дубинками, их будут обстреливать пластиковыми и свинцовыми пулями, а в случае ареста им грозят пытки, заключение, ссылка, изгнание.

Восстановление демократии достигается долгой, настойчивой героической борьбой, которую вели и ведут в эти годы тысячи чилийцев. Большинство народа в конечном счете вступило на путь решительного сопротивления, бескомпромиссной битвы с фашизмом. Наша партия призвала народ к неповиновению, стала применять разнообразные формы борьбы, нашедшие отклик в массах. Это позволило народному движению получить большой размах и достичь более высокого уровня. Свидетельство тому — дни национального протеста, которые показали, что массы — за решительные действия и борьбу.

В ходе борьбы выковывается единство трудящихся и демократических сил. Все более укрепляется убежденность в том, что, лишь сражаясь, можно добиться победы.

Инициатива перешла к народу. Он и скажет последнее слово.

Июль 1983 года

¹ «Сычами» в Чили прозвали карабинеров.

Содержание

К советским читателям	3
-----------------------	---

Часть I.

Из пережитого	7
----------------------	----------

Эти страницы...	11
Детство в Томе	15
Политическое пробуждение	32
Годы и невзгоды	46
Время борьбы и побед	65
Из подполья к легальной жизни	88

Часть II.

Сантьяго — Москва — Сантьяго	115
-------------------------------------	------------

Открытые ветру и солнцу	117
Кандидат в сенаторы	136
Переворот	144
Президент и друг	165
Пабло — боец партии	177
Сантьяго — Москва — Сантьяго	186
Четверть века на посту Генерального секретаря	210
В СССР	227
Заключительные слова	245

ИБ № 5553

Сдано в набор 25.01.85. Подписано в печать 30.04.85. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 10,46. Уч.-изд. л. 9,71. Тираж 85 тыс. экз. Заказ № 1436. Цена 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Наша партия — это прежде всего партия действия. Действие объединяет и позволяет придать творческую направленность деятельности коммуниста, заставляет его объективно оценивать не только трудности, но и перспективы, чувствовать сердце народа и черпать от него революционную энергию...

Л. Корвалан

Издательство
политической
литературы

